

**Международный издательский центр
ЭТНОСОЦИУМ**

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. Н.Э. БАУМАНА**

Н.Н. Губанов

**ФОРМИРОВАНИЕ, РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ
МЕНТАЛИТЕТА В ОБЩЕСТВЕ**

Монография

**Москва
Этносоциум 2014**

УДК 1/14
ББК 87

Рекомендовано к изданию кафедрой философии
факультета социальных и гуманитарных наук
Московского государственного технического университета
им. Н.Э. Баумана

Губанов Н.Н.

Формирование, развитие и функционирование менталитета в обществе:
Монография. – М.: Международный издательский центр «Этносоциум» 2014. – 214 с.

Рецензенты: Рябова Е.Л., доктор политических наук, профессор,
Сидоренко Л.И., доктор философских наук, профессор,
Туманян Т.Г., доктор философских наук, профессор.

В монографии показано, что менталитет как совокупность социально-психологических особенностей индивидуального или группового субъекта детерминирует специфический характер его восприятия мира, мышления, эмоционального реагирования, речи и деятельности. Обоснована закономерность тройной детерминации менталитета – гено-типом, средой и собственной креативной деятельностью субъекта. Развитие менталитета осуществляется за счёт самодетерминации, межкультурного взаимодействия, изменения социально-экономических условий и социальной структуры общества. Разработана социокультурная концепция функционирования менталитета: основное противоречие общества имеет форму противоречия между менталитетом, воплощающим в себе новые формы культуры, и социальными отношениями; в результате индивидуального культурного творчества в качестве ответа на вызовы истории зарождаются новые ментальные особенности как программы активности; разрешение противоречия между менталитетом и прежними социальными отношениями приводит к установлению более прогрессивных социальных отношений. Введено понятие глобалистского, или общецивилизационного, менталитета, воплощающего в себе ментальные особенности, необходимые для решения глобальных проблем и выживания человечества. Книга может представить интерес для философов, социологов, политологов, социальных психологов, педагогов.

ISBN 978-5-904336-41-7

УДК 1/14
ББК 87

© Губанов Н.Н., 2014.

© Международный издательский центр «Этносоциум», 2014.

Содержание

Введение	4
Глава 1. Сущность, содержание, способы изучения, типы менталитета	
1.1. Путь к категории менталитета в истории социального познания	14
1.2. Интегративный характер категории менталитета	34
1.3. Место категории менталитета в системе категорий социальной философии	51
1.4. Состав, способы изучения, типы менталитета	63
1.5. Менталитет и творчество	80
Глава 2. Закономерности формирования и развития менталитета	
2.1. Закон тройной детерминации менталитета	91
2.2. Технологии целенаправленного изменения менталитета (обучение, применение санкций, манипуляция)	100
2.3. Причины исторического развития менталитета	114
Глава 3. Закономерности функционирования менталитета в обществе	
3.1. Функционирование менталитета в составе основного противоречия общества	118
3.2. Закон ведущей роли изменений менталитета в системе движущих сил развития общества	128
3.3. Менталитет и вызовы истории (роль менталитета в разрешении антропогенных кризисов)	136
Глава 4. Взаимодействие различных менталитетов в обществе	
4.1. Закон меры ментального различия и сходства социальных групп как условие общественной солидарности и прогресса	149
4.2. Необходимость в обществе меры ментального различия и сходства интеллектуальной элиты, политической элиты и народных масс	168
4.3. Формирование глобалистского менталитета как условие предотвращения междивизиационных конфликтов	179
4.4. Особенности отечественного менталитета и перспективы модернизации России	193
Заключение	208

Введение

До настоящего времени недостаточно конкретно изучена роль духовных детерминант в развитии общества. Такое изучение, естественно, требует использование новых категорий. В два последних десятилетия отечественными философами, культурологами, социологами, политологами, историками при описании и объяснении различных аспектов функционирования общества довольно широко стала использоваться категория менталитета, или ментальности. Об её популярности свидетельствует тот факт, что она уже включается в учебную литературу. Так, в готовящемся к изданию учебнике философии для средней школы отмечается, что в настоящее время при исследовании общества «широкое употребление приобретает понятие *ментальности*, объединяющее мысли, чувства, эмоции, ценности и традиции»¹.

Использование категории менталитета, на наш взгляд, открывает новые перспективы в социальном познании, поскольку эта категория обладает новыми эвристическими возможностями по сравнению с традиционно применяемыми понятиями. Дело в том, что поведение и деятельность индивидов и социальных групп определяется не только экономическими и политическими, но и духовными факторами. Категории классической и неклассической философии – идеальное, духовный мир, общественная психология, общественное сознание, обыденное и теоретическое сознание, массовое сознание, мировоззрение, мировосприятие, миропонимание, субъективная реальность, психика – необходимы, но недостаточны для объяснения влияния духовных детерминант на социальные процессы, так как эти категории не учитывают уникальность духовного мира и личностные качества индивидуального и коллективного субъекта. Поэтому в постнеклассической философии в формате изучения духовно-психологических детерминант активности социальных субъектов исследователи начали использовать категорию менталитета, или ментальности. И такое использование может дать прирост социально-философского знания.

Введение в отечественную социальную философию темы менталитета есть одно из средств качественного обновления отечественного обществоведения, отличавшегося в последние десятилетия 20 века чрезмерным схематизмом. Для него была характерна парадигма интерпретации истории в виде поля действия неких безличных сил и систем. Наш подход реализует иную парадигму исследования. Согласно ей, история человечества есть процесс, осуществляющийся в ходе культурно обусловленной деятельности социальных групп и сообществ, целостность и направленность активности которых обусловлены их менталитетом.

1 Марков Б.В. Теория цивилизационного подхода // Философские науки. 2013. № 2. С. 138.

Категория менталитета позволяет органично включать представление о человеке с его уникальным духовным миром в рассмотрение исторического процесса и тем самым гуманизировать его. Это связано с тем, что менталитет, во-первых, формируется под влиянием конкретных социальных и культурных условий, являясь их отражением, во-вторых, он в концентрированном виде выражает особенности, специфику культуры как индивидуального, так и коллективного субъекта, и, в-третьих, менталитет оказывает существенное влияние на ход истории, на развитие социума. По мнению И.А. Гобозова, «без учёта исторических традиций и ментальных особенностей народа невозможно создать какую-либо теоретическую модель об обществе»². Поэтому исследование темы менталитета очень важно для прогресса исторической науки. Е.А. Ануфриев обоснованно полагает, что «изучение менталитета позволяет лучше понять истоки российской государственности, духовности, что имеет огромное значение для процесса возрождения России... Без учёта менталитета не может быть современной науки управления, менеджмента, в том числе – политического»³.

Использование категории менталитета может способствовать обновлению не только социальных, но и гуманитарных наук, среди которых центральное место занимает психология. А.В. Павлов убедительно обосновывает положение о том, что «основная проблематика современной психологической науки по преимуществу состоит в поиске новых методологических позиций, позволяющих адекватно исследовать не только типичные психические качества человека как такового, но изучать современного человека как особое существо, в его индивидуальности»⁴. Понятие менталитета, соответствующее в социально-гуманитарном познании общеполитической категории особенного, как раз и позволяет изучать своеобразные, уникальные качества людей и тем самым способствовать прогрессу гуманитарного познания.

Важную роль в нашем исследовании играет категория культуры. В качестве основополагающей мы принимаем информационно-семиотическую трактовку культуры как системы воплощённой с помощью знаковых средств социальной информации и надбиологических программ человеческой активности (деятельности, поведения, общения), обеспечивающих воспроизводство и изменение социума во всех его проявлениях⁵. Поскольку менталитет определяет

2 Гобозов И.А. Кому нужна такая философия? М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. С. 135.

3 Ануфриев Е.А. Политический менталитет как фактор общественной жизни // Политология. Курс лекций / Под ред. М.Н.Марченко. М.: Юристъ, 2003. С. 495.

4 Павлов А.В. Логика и методология науки: Современное гуманитарное познание и его перспективы. М.: Флинта: Наука, 2010. С. 25.

5 Кармин А.С. Философия культуры в информационном обществе: проблемы и перспективы // Вестник РФО. 2005. № 2. С.52–56; Стёпин В.С. Философия и поиск новых ценностей цивилизации // Вестник РФО. 2005. № 4. С. 10–24.

специфику, направленность этой активности, то он, являясь стратегической культурной программой индивидуального и коллективного субъекта, функционирует в составе основных противоречий общества. Поэтому постижение социально-исторического процесса невозможно без знания сущности, содержания, типов и функций менталитета, закономерностей его формирования и развития. В связи с тем, что менталитет представляет специфику культуры индивидуального и коллективного субъекта, изучение менталитета важно для построения типологии культур.

Любое общество имеет сложную социальную структуру. Учёт и понимание многообразных ментальных особенностей индивидов, разных социальных групп и целых народов является необходимым условием их бесконфликтного и гармоничного взаимодействия в составе социума, под которым понимается общество или её относительно самостоятельная часть. Актуальность исследования индивидуальных и групповых форм менталитета повышается в условиях углубляющейся глобализации и расширяющейся миграции населения на земном шаре. Проблема межэтнических отношений и раньше была в России весьма сложной. По переписи 2010 г. в ней проживало 142,86 млн. человек, из них около 30 млн. составляло нерусское население с 40 национально-территориальными образованиями. В настоящее время на имеющуюся многонациональность страны накладывается иммиграция как новый источник российской полиэтничности: миграционный прирост был в 2002 г. 5,6 млн. чел., в 2007 г. – 8 млн., в 2010 – 19 млн. чел.⁶ Мирное и взаимовыгодное существование этих многообразных взаимодействующих старых и новых этносов возможно лишь при условии достижения с помощью правильной этнической политики совместимости их менталитетов.

В современном обществе происходят сложные и противоречивые процессы изменения социальных идентичностей. Одна тенденция – кризис традиционных, прежде всего этнических, идентичностей. Другая тенденция – формирование культурных и политических идентичностей «более высокого порядка – «глобального», «общеевропейского», «регионального» и иного»⁷. Ослабление или разрыв идентичностей делает непосредственное окружение человека непонятным, чужим, даже враждебным миром. У него возникает впечатление, что он один перед лицом опасности, и он превращается в антисоциальное существо⁸. Отмеченные процессы происходят во всех странах. Применительно к России Г.Г. Салихов отмечает, что наиболее остро кризис идентичности проявляется у представителей малых групп, этнических, религиозных, культурных

6 Низамова Л.Р. Российские и западные трактовки мультикультурализма // Социологические исследования. 2009. № 10. С. 84.

7 Мариносян Х.Э. Национальное самосознание в эпоху глобализации // Философские науки. 2008. № 7. С. 10.

8 Там же. С. 11–12.

меньшинств. У них «произошёл разрыв в преемственности, когда разрушение одного типа идентификации необходимо должно было компенсироваться идентификацией другого типа»⁹. Поэтому в обществе следует создавать условия для плавного перехода от одной идентичности к другой. А для этого необходимо исследование закономерностей функционирования менталитета, поскольку именно менталитет служит средством самоидентификации субъекта.

Актуальность изучения темы менталитета связана ещё с тем, что экономические, правовые, политические, педагогические реформы могут быть достаточно результативными, если они соответствуют менталитету общества, в котором они осуществляются. В противном случае в обществе может наблюдаться упорное психологическое противодействие производимым новациям. Поэтому для преодоления кризиса, в котором пребывает наша страна, необходимо глубокое знание менталитета российского народа и составляющих его социальных групп. Это позволит разрабатывать продуктивные социально-экономические программы. А.П. Давыдов отмечает: «Модернизация в России идёт трудно. Почти не идёт. Причин много. Одна из главных – реформаторы не учитывают ментальности россиян»¹⁰. Думается, что для успешного хода реформ необходимо, чтобы их определённые особенности соответствовали специфике российского менталитета. Следует предположить, что полностью подогнать содержание и способы осуществления реформ к российскому менталитету невозможно, поскольку в нём могут быть такие элементы, которые несовместимы с модернизацией. В этом случае необходима целенаправленная работа по коррекции отечественного менталитета, его определённой деконструкции – устранению из него компонентов, тормозящих инновационный процесс в стране, и созданию компонентов, стимулирующих этот процесс.

Отмеченное выше показывает, что одной из задач современной цивилизации является коррекция менталитетов. В России это необходимо для ускорения модернизации страны. В общечеловеческом масштабе это требуется для формирования глобалистского менталитета и предотвращения межэтнических и межцивилизационных конфликтов. Для успешной коррекции менталитетов необходимы соответствующие технологии ментальных преобразований, а для их разработки, в свою очередь, требуется знание закономерностей формирования менталитета.

Изучение содержания разных типов профессиональных менталитетов и закономерностей их формирования важно для обеспечения подготовки высококвалифицированных кадров, что особенно необходимо в условиях инновационного развития и усиливающейся интеллектуальной конкуренции различных

9 Салихов Г.Г. Взгляд с периферии на проблему идентичности // Вестник РФО. 2011. № 1. С. 147.

10 Давыдов А.П. Основания и структура российской ментальности в условиях модернизации // Философские науки. 2010. № 3. С. 73.

стран. Учёт характера профессионального менталитета, особенно его генетической детерминанты, обуславливающей индивидуальный профиль одарённости человека, является необходимым фактором успешной профориентации человека и в последующем максимальной реализации творческого потенциала личности, что служит одним из условий успеха в жизни и счастья. Знание о профессиональном менталитете является необходимым условием не только правильного выбора каждым молодым человеком своего трудового пути и определения своего призвания, но и необходимым фактором взаимопонимания, взаимоуважения и делового объединения людей. А это, в свою очередь, служит важным условием хорошего функционирования фирм, корпораций, образовательных и иных учреждений.

Всякая деятельность, связанная с воздействием на сознание масс, в том числе политическая агитация, коммерческая реклама, программа здорового образа жизни, организация народного образования и другое, чтобы быть эффективной, нуждается в изучении и учёте менталитета населения страны в целом и тех его слоёв, на которые оказывается воздействие. В противном случае позитивного результата не будет. Так, например, без учёта менталитета социальных слоёв «материальное стимулирование деторождения часто оборачивается бурным размножением социальных «низов» – алкоголиков, наркоманов и т.д.»¹¹.

В настоящее время в России проводятся коренные социально-экономические реформы, направленные на модернизацию страны. В связи с этим ощутимо возрастает значение личной креативной деятельности людей в культурной, политической, экономической сферах социума. В условиях освобождения государства от ранее присущей ей патерналистской функции достижения человека определяются главным образом его менталитетом и обусловленной им активностью человека.

Наша страна переживает сейчас особый этап, который квалифицируется А.С. Ахиезером, А.В. Павловым и другими исследователями как межцивилизационная эпоха¹². «Межцивилизационная эпоха –...качественная трансформация культуры и цивилизации, смена норм и способов общественной жизни и мышления людей, эпоха переоценки ценностей и переориентации жизненных смыслов»¹³. По мнению А.В.Павлова, указанная эпоха охватывает время жизни не менее трёх поколений. Разрешение проблем данной эпохи в процессе эксис-

11 Соколова Р.И. Человеческий фактор – неучтённый элемент российского государства // Философские науки. 2009. № 8. С. 37.

12 Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). От прошлого к будущему. 2-е изд. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. Т. 1. 804 с.; Павлов А.В. О средообразующей роли отдельно стоящего дерева (к проблеме межцивилизационного периода) // Взаимодействие культур. Сборник научн. трудов. Тюмень, 1998. Вып. 1. С. 1–16.

13 Павлов А.В. Логика и методология науки: Современное гуманитарное познание и его перспективы. М.: Флинта: Наука, 2010. С. 175.

тенциального диалога между представителями различных социальных групп требует значительной реализации креативного потенциала граждан страны. А это порождает необходимость в интенсификации исследования сущности менталитета и его роли в межцивилизационных социальных изменениях.

Нельзя не отметить и то обстоятельство, что изучение менталитета связано с проблемой вооружённых сил и безопасности страны, особенно в условиях роста населения планеты и начинающегося усиления борьбы государств за природные ресурсы. Менталитет солдат и офицеров армии существенно влияет на ход военных действий. Это убедительно показал В.Ф. Зима в специальной монографии «Менталитет народов России в войне 1941 – 1945 годов»¹⁴. То, что обычно называют боевым духом, есть вызванный военной ситуацией компонент солдатского и офицерского менталитета, включающий в себя чувства правоты своего дела, патриотизма, гнев на агрессора и веру в победу. В определённых ситуациях при равенстве технического потенциала и численного состава борющихся сторон высокий боевой дух может стать решающим фактором в исходе военного противостояния. В отличие от этого пораженческий менталитет, означающий деморализацию и упадок боевого духа, резко отрицательно сказывается на успехах армии. В совсем недавнее время успех быстрой операции по силовому принуждению Грузии после её агрессии против Южной Осетии в немалой степени зависел от характера менталитета российских солдат и офицеров. Некоторые негативные явления в армии показывают, что в учебной и воспитательной работе с различными категориями военнослужащих совершенно необходимо учитывать менталитет социальных групп – этносов, конфессий, социальных классов.

Проблема менталитета многоаспектна. В связи с этим её изучение важно в социологии, политологии, культурологии, социальной психологии, лингвистике, этнологии, юриспруденции, военном деле. И такие исследования начали проводиться за рубежом и в нашей стране. Но им недостаёт методологической базы, общего теоретического основания. Поэтому особое значение имеет изучение этой проблемы в рамках социальной философии. Такое изучение способно дать обобщающее результаты частных наук системное знание о сущности менталитета, закономерностях его формирования, исторического развития и функционирования в обществе. В свою очередь, это синтетическое знание будет служить надёжным методологическим основанием частнонаучных исследований менталитета.

Препятствием на пути исследования типов менталитета и закономерностей его функционирования в обществе служит то, что до сих пор не раскрыта сущность этого важного социокультурного феномена, о чём свидетельствует значи-

14 Зима В.Ф. Менталитет народов России в войне 1941 – 1945 годов. М.: Институт российской истории РАН, 2000. 279 с.

тельный плюрализм мнений относительно того, что же такое менталитет. В 1996 г. составитель известного сборника «История ментальностей, историческая антропология» Е.М. Михина отмечала, что при изучении менталитета «наиболее «вопиющая» проблема – отсутствие единства по поводу того, что же такое сама ментальность»¹⁵. С.В. Лурье, характеризуя возникшие в общественной науке в постперестроечное время новые понятия, в 1997 г. отметила, что «самым загадочным из вновь возникших слов было слово «менталитет», получившее широчайшее распространение»¹⁶. За прошедшее после этих высказываний время неопределённость почти не уменьшилась. Так, нами выделено три различные позиции по проблеме сущности менталитета, что свидетельствует о слабой разработанности этого вопроса. Нет также ясности и в вопросе о том, что именно в деятельности людей и в социальных процессах постигается с помощью понятия менталитета, т.е. каковы его эвристические возможности. Установление эпистемологического статуса и объяснительных возможностей категории менталитета остаётся пока далеко нерешённой проблемой.

Не раскрыты и не описаны во всей полноте элементы и части менталитета, входящие в его содержание. В имеющихся работах главным образом раскрываются признаки национальных и исторических менталитетов (что является больше задачей истории и социальной психологии), но не решается собственно философский вопрос – вопрос о способе и степени влияния менталитета на ход исторического процесса – на происходящие в социуме экономические, политические, демографические и культурные процессы. Не в полной мере изучен менталитет с точки зрения соотношения в нём традиции и новации. Поэтому отсутствует достаточно чёткое представление о социокультурных функциях менталитета. Не установлено место менталитета в составе движущих сил развития общества и его роль в разрешении периодически возникающих антропогенных кризисов.

Недостаточно выявлены также соотношения между новым понятием менталитета и традиционными для отечественной философии категориями идеального, мировоззрения, общественного сознания, общественной психологии, идеологии, образа мышления, национального характера, ценностных ориентаций, духовного мира. Из-за того, что не совсем раскрыты сущность и содержание менталитета, не определены чётко основания для выделения типов менталитета. Слабо ещё раскрыты причины различий между стабильным и кризисным менталитетом, в связи с чем затруднена выработка практических мер по смягчению возможных негативных последствий проводимых реформ.

15 Михина Е.М. От составителя // История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М.: Институт всеобщей истории РАН, Рос.гос.гум. ун-т, 1996. С. 9–10.

16 Лурье С.В. Культурная антропология в России и на Западе: концептуальные различия // Общественные науки и современность. 1997. № 2. С. 152.

Основная социально-политическая проблема современной России – проблема модернизации экономической и политической сфер общества. А.С. Ахиезером, З.Т. Голенковой, А.П. Давыдовым, Л.Г. Тульчинским и другими авторами показано, что в российской ментальности имеются ценностные ориентации, как способствующие модернизации, так и препятствующие ей. Однако детально, с указанием конкретных носителей различных ментальных особенностей и степени их выраженности у различных субъектов, этот вопрос не разработан.

В имеющихся работах при рассмотрении проблемы формирования менталитета правильно обращается внимание на роль природно-географических и социокультурных факторов в этом процессе. Однако совсем не принимается во внимание самодетерминация менталитета, роль творческой деятельности человеческого духа в порождении новых ментальных особенностей. Из-за слабой изученности закономерностей формирования менталитета не разработаны достаточно эффективные технологии коррекции менталитетов. Такие технологии необходимы в России для ускорения модернизации страны, а в масштабах планеты для предотвращения межэтнических и междивизиационных конфликтов.

Некоторые авторы отрицают историческое развитие менталитета, другие признают его развитие, но затрудняются в идентификации причин этого развития. Поэтому вопрос о движущих силах развития менталитета остаётся пока нерешённым.

В имеющейся литературе менталитет рассматривается в основном как консервативный социальный фактор, обеспечивающий преемственность существования социальной общности. Нет исследований социокультурной функции менталитета, заключающейся в стимулировании им социального прогресса посредством ментальных новаций, представляющих собой новые формы культуры. А между тем, это одна из основных функций менталитета. Однако до настоящего времени не изучена связь между содержанием менталитета и специфическим характером духовного творчества, не раскрыта роль сознаваемых и несознаваемых компонентов менталитета в порождении новых культурных смыслов. Единственным источником новаций в современном информационном обществе служит креативная деятельность субъекта. Сущность такой деятельности – новизна, уникальность творческих результатов, оригинальный стиль научного и художественного мышления. Однако до сих пор не установлено, чем обусловлены уникальность творческих актов, их своеобразие. И в разработке этой проблемы важную роль может сыграть категория менталитета. Именно она, фиксируя в своём содержании социально-психологические особенности субъекта, позволяет объяснить специфическую направленность и, следовательно, уникальный характер творчества.

Социум характеризуется сложной структурой. Поэтому любое конкретное общество полиментально. Определённые различия между менталитетами масс, интеллектуальной элиты и политической элиты служат основой конструктивной напряжённости, которая как социальная разность потенциалов обеспечивает творческий поиск новых форм воспроизводственной деятельности и стимулирует прогресс. Однако до сих пор не выявлены своеобразие и особенности функционирования массового менталитета и менталитетов духовной элиты, правящей элиты, псевдоэлиты. Не раскрыты также оптимальные способы взаимодействия менталитетов социальных групп, обеспечивающие общественную солидарность.

Э. Дюркгейм выделил 2 типа солидарности: механическую, основанную на ментальных сходствах, и органическую, базирующуюся на разделении труда и ментальных различиях. Он также постулировал непрерывное возрастание в обществе органической солидарности. В дополнение к взглядам Дюркгейма, анализ нового исторического опыта показал наличие в обществе разъединяющих ментальных сходств и разъединяющих различий. Обнаружилась также усиливающаяся тенденция возрастания в обществе роли конструктивных ментальных сходств как реакция на возникновение глобальных проблем. Однако концептуальная разработка отмеченных аспектов отсутствует, что не позволяет решать вопросы об обеспечении устойчивой солидарности различных социумов, служащей необходимым условием их прогресса.

Для предотвращения гражданских и этнических конфликтов необходима определённая коррекция менталитетов различных социальных групп и социумов. Предпринимаются попытки разработать такие технологии ментальных преобразований, как обучение, применение санкций, манипуляция. Но теоретические основания для разработки этих технологий пока не созданы. Не решены вопросы о возможностях, способах реализации, правовых и этических ограничениях применения указанных технологий.

Общество периодически получает вызовы истории. А. Д. Тойнби делил их на вызовы природной и вызовы социальной среды¹⁷. Согласно ему, если общество успешно справляется с вызовом истории и преодолевает кризис, то оно переходит в более совершенное состояние. В противном случае данный социум сходит с исторической арены. В настоящее время человечество в лице глобальных проблем получило самый серьёзный вызов истории за всё время его существования. Есть основания полагать, что в успешном преодолении антропогенных кризисов существенную роль играют изменения элитарных и массовых менталитетов. Однако важная для судеб человечества проблема «Менталитет и вызовы истории» практически не исследована.

17 Тойнби А. Д. Постигание истории / Пер. с англ. Е. Д. Жаркова. М.: Прогресс, 1996. 608 с.

В условиях глобализующегося мира для исключения межцивилизационных конфликтов возникает необходимость сближения менталитетов разных цивилизаций. Как ответ на указанную необходимость в настоящее время зарождается тенденция формирования глобалистского, или общецивилизационного, менталитета. Такой менталитет может стать одним из условий предотвращения возможного в будущем столкновения цивилизаций. Как и любой социальный процесс, указанная тенденция реализуется в сознательной деятельности людей. Поэтому отмеченная тенденция нуждается во всемерной поддержке правительств, организаций гражданского общества, всех деятелей культуры. Но пока ещё не выяснено, какие конкретно ментальные особенности должны войти в содержание глобалистского менталитета, каким образом в нём должны быть синтезированы ценности техногенной и традиционной цивилизаций.

Одним из методологических условий успеха в социальном познании служит использование адекватных общепhilософских категорий. Одна из главных причин отсутствия ясности в понимании того, что же такое менталитет, а также недостаточной разработанности теории менталитета заключается в том, что никто из авторов, изучавших эту проблему, не связывал её с общепhilософскими категориями единичного, общего и особенного. А именно эти понятия, на наш взгляд, играют ключевую роль в раскрытии сущности менталитета, его содержания, типов, способов формирования и развития. Необходимость разработки отмеченных выше важных неизученных вопросов и стимулировало нас к данному исследованию.

Объектом нашего исследования является социальная и культурная динамика, а предметом – ментальные особенности индивидуальных и коллективных субъектов и их роль в социокультурной динамике. Своей целью мы ставим разработку когерентной концепции менталитета, описывающей и объясняющей его сущность, содержание, типы, способы изучения, закономерности формирования, исторического развития, функционирования в обществе, динамики в глобализующемся мире и в современной России.

ГЛАВА 1. СУЩНОСТЬ, СОДЕРЖАНИЕ, СПОСОБЫ ИЗУЧЕНИЯ, ТИПЫ МЕНТАЛИТЕТА

1.1. Путь к категории менталитета в истории социального познания

Для отечественной социальной философии категория менталитета является относительно новой. Однако изучение менталитета имеет богатую историю. При его исследовании некоторые авторы использовали термин «менталитет», другие пользовались иными словами для обозначения изучаемых ими элементов, уровней, компонентов или частей того, что мы теперь будем именовать менталитетом. Не всегда изучение собственно менталитета отграничивалось от исследования сознания или духовного мира человека вообще. В данной работе мы не ставим своей целью дать исчерпывающее описание и анализ истории изучения менталитета. Это – задача специального большого социально-философского и историко-культурологического исследования. Здесь мы предпримем попытку показать только, как шла разработка вопроса о сущности категории менталитета, и не будем касаться вопросов об описании авторами прежних эпох конкретных форм менталитета и способов их формирования в тех исторических условиях.

Ещё намного раньше, чем в социальных науках возникло понятие менталитета, изучение явлений, характеризующихся в наше время этой категорией, осуществлялось в виде многочисленных описаний особенностей нравов, традиций, привычек, характера, мышления людей и различных народов в трудах Геродота, Гиппократ, Тацита, Плиния, Ксенофонта, Страбона, Цезаря и других античных авторов¹⁸. Происходящее от латинского слова *mens* прилагательное *mentalis* родилось в 14 в. в языке средневековой схоластики. Существительное *mentality* (менталитет) возникает в 17 в. в Англии. Отсюда оно было перенесено во Францию и благодаря Вольтеру проникло в обиходный язык и стало использоваться¹⁹.

Но в научных исследованиях категория менталитета ещё не используется, а для характеристики социально-психологических особенностей людей и социальных групп применяются другие понятия. В 18-м веке Ш. Монтескье вводит в социальную философию концепт «дух народа». Вопрос об обусловленности этого духа он решает с позиций географического детерминизма: благодаря

18 Дубов И.Г. Феномен менталитета: психологический анализ // Вопросы психологии. 1993. № 5. С. 23.

19 Бёрк П. Сила и слабости истории ментальностей // История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М.: Институт всеоб. истории РАН, Рос. гос. гум. ун-т, 1996. С. 56–60.

климату и почвам складываются обычаи и традиции, влияющие на духовные свойства народов²⁰. И.Г. Гердер, использовавший понятия «дух народа», «душа народа», «народный характер» как равнозначные, писал о зависимости духа народа не только от климата и ландшафта, но и от воспитания, образа жизни, этнической истории и политического строя. По его мнению, дух народа является движущей силой исторического развития нации, он одухотворяет культуру и обнаруживается в обычаях, традициях, языке. Особенно важно для постижения духа народа изучать фольклор, в котором он выражается наиболее полным образом²¹.

Определённые аспекты духовных особенностей народов были раскрыты представителями исторического романтизма в начале 19-го века: Э. Бёрком, Ф. Шатобрианом, Ф. Шлегелем и др. Они показывали, что каждому народу присущ особый национальный дух, относительно постоянный на протяжении всей его истории. Историки, по их мнению, должны найти в национальной истории все проявления этого народного духа в праве, обычаях, политических институтах, фольклоре, особенностях языка²². Аналогичные идеи в первой четверти 19-го века высказывали представители исторической школы права Ф. Савиньи и К. Эйхгорн. Они полагали, что каждому народу с момента его возникновения дан особый народный дух, который в дальнейшем проявляется на каждой ступени развития страны. Г. Гегель затем дополнил эти представления положением о том, что народный дух – это особое проявление мирового духа в данный исторический период и на данной территории²³. По его мнению, мировой дух распадается на духов рас, а последние – на народные духи, различающиеся интеллектуальными и нравственными способностями. Здесь мы видим догадку Гегеля о единстве общего и особенного в ментальной сфере. Для нашего дальнейшего исследования важно также, что дух народа (в нашей интерпретации – национальный менталитет) определяется Гегелем с помощью общеполитической категории особенного, что будет использовано нами в следующих параграфах для определения сущности менталитета. Он писал: «...Принципом в истории является определённость духа – *особый* (выделено мною – Н.Г.) дух народа. В этой определённости он выражает как конкретные все стороны своего сознания и хотения, всей своей действительности; она является общей отличительной чертой его религии, его политического строя, его нравственности, его правовой системы, его нравов, а также его науки, искусства и технического умения»²⁴. Важна также здесь мысль Гегеля о том, что

20 См.: Монтескье Ш. О духе законов. М.: Мысль, 1999. 672 с.

21 См.: Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1977. 705 с.

22 См.: Гринин Л.Е. Теория, методология и философия истории: очерки развития исторической мысли от древности до середины XIX века // Философия и общество. 2010. № 4. С. 172–173.

23 См.: Там же. С. 176–177, 182–184.

24 Гегель В.Ф. Философия истории // Философия истории. Антология. М.: АО «Аспект Пресс», 1994. С. 87.

народный дух (национальный менталитет – по-нашему) включает в себя особенности всех воплощений культуры – всех форм общественного сознания.

С 1856 года американский философ Р. Эмерсон стал применять термин «менталитет» в значении «души» как первоисточника ценностей и истин²⁵. Однако этот новый термин в его работах не обладал новым, по сравнению с термином «душа», значением. В дальнейшем этот термин стал активно использоваться в кружке французского учёного Э. Дюркгейма. Отсюда, по-видимому, и следует начинать отсчёт в научном понимании термина «менталитет», поскольку здесь он уже имел свою специфику, фиксируя духовные отличия одних социальных общностей от других. В журнале Дюркгейма «L'Année sociologique» с 1896 года была создана специальная рубрика «Групповая ментальность». Под ментальностью Дюркгейм понимал в основном специфические коллективные представления. Он писал: «В основе наших суждений имеется известное число существенных понятий, которые управляют нашей умственной жизнью... Если категории... являются коллективными представлениями, они выражают... те или иные состояния коллективности»²⁶. Важной для нашего диссертационного исследования является мысль Дюркгейма о том, что коллективные представления (в нашей интерпретации – некоторые ментальные особенности) служат основой человеческой солидарности, и, следовательно, прогресса. Дюркгейм выделил два типа солидарности, один из которых базируется на сходствах (механическая солидарность), другой – на разделении труда и различиях (органическая солидарность). Эти положения Дюркгейма, хотя и неполно описывали условия общественной солидарности²⁷, стали важными для нас при выявлении функций, а отсюда и сущности, менталитета.

Положения о менталитете как сравнительной для различных социальных общностей категории были в дальнейшем обоснованы французским философом Л. Леви-Брюлем в работе 1922 года «Первобытное мышление»²⁸, после чего понятие менталитета получило очень широкое распространение в социально-гуманитарных науках. С помощью категории менталитета он характеризовал различие между первобытным и современным мышлением. Леви-Брюль писал: «Определённый тип общества, имеющий свои собственные учреждения и нравы, неизбежно будет иметь и своё собственное мышление. Различным социальным типам будут соответствовать различные формы мышления, тем более, что сами учреждения и нравы в основе своей являются не чем иным, как известным аспектом или фор-

25 Власова В.М. Социально-философский анализ сущности человека историческом контексте. М.: Изд-во МГСУ, 2003. 320 с.

26 Дюркгейм Э. Социология и теория познания // Хрестоматия по истории психологии. М.: Изд-во МГУ, 1980. С. 213.

27 Наше развитие взглядов Дюркгейма на условия социальной солидарности будет дано в параграфе 4.1.

28 Levy-Bruhl Lucien. La Mentalite primitive. P., 1922. 448 p.

мой коллективных представлений, рассматриваемых, так сказать, объективно. Это приводит нас к сознанию, что *сравнительное изучение* разных типов человеческого общества неотделимо от *сравнительного изучения* коллективных представлений, господствующих в этом обществе»²⁹ [выделено мною – Н.Г.]. Значимой для установления специфики познания менталитета в отличие от познания просто духовного мира социума того или иного типа представляется мысль Леви-Брюля о необходимости сравнительного анализа социально-психологических качеств различных исторических субъектов. Это будет нами использовано при обосновании способов идентификации менталитетов разных типов.

Значительную роль в процессе постижения сущности ментальности сыграли исследования разных типов общественного характера. Одним из первых здесь был русский философ П.Я. Чаадаев. В начале 19-го века он обратил внимание на то, что каждый народ имеет свой характер, свои нравы, в целом – свой дух. Чаадаев писал: «Помимо общего всем обличья, каждый из народов... имеет свои особые черты, но всё это коренится в истории и в традициях и составляет наследственное достояние этих народов»³⁰. Ещё он отмечал: «Судя о народах, надо исследовать общий дух, составляющий их сущность, ибо только этот общий дух способен вознести их к более совершенному нравственному состоянию и направить к бесконечному развитию, а не та или другая черта их характера»³¹. После Чаадаева о национальном характере в 1835 г. пишет французский учёный А. Токвиль. Исследуя общественное сознание Америки, Токвиль пытается отыскать первопричины предрассудков, распространённых в данном обществе. Эти первопричины и составляют, по его мнению, национальный характер. Этот мыслитель полагал, что все жители Северной Америки имеют похожие принципы мышления и осуществляют свою умственную деятельность по одним принципам³².

В конце 19-го – начале 20-го веков проблему русского национального характера исследовали Н.А. Бердяев и Н.О. Лосский³³. Они стремились философски осмыслить природу человеческого духа в контексте отношения человека к государству и к идее Бога, а также выявить особенности русской души. Поскольку в то время не проводились конкретные социологические и социально-психологические исследования, то сейчас нелегко судить, насколько верно описывали названные авторы духовные особенности русского народа в ту ушедшую эпоху. Весьма трудно судить, был ли характер русского народа таким

29 Леви-Брюль Л. Первобытное мышление // Хрестоматия по истории психологии. М.: Изд-во МГУ, 1980. С. 240.

30 Чаадаев П.Я. Философические письма. Избр. соч. и письма. М.: Правда, 1991. С. 22.

31 Там же. С. 24.

32 Tocqueville A. Oeuvres completes. P.: Decouverte, 1951. T. 1. 486 p.

33 Бердяев Н.А. Судьба России: Опыт по психологии войны и национальности. М.: Мысль, 1990. 205 с.; Лосский Н.О. История русской философии. М.: Сварог и К, 2000. 496 с.

аскетическим, как о нём писал Н.А. Бердяев, или настолько мистичен и религиозен, как отмечал Н.О. Лосский. Для нас, однако, важно то, что под характером народа они понимали, как следует из контекста их трудов, коллективные социально-психологические особенности людей, которые наиболее точно следовало бы именовать термином «менталитет», более адекватно выражающим указанные особенности.

Эту точку зрения разделяют и другие современные авторы. Так, Д.В. Полежаев в специальном монографическом исследовании также делает вывод, что содержание понятия «характер народа» у Бердяева и Лосского совпадает с содержанием понятия «менталитет»³⁴. Однако термин «менталитет», на наш взгляд, для описания своеобразия духовного мира субъектов является более адекватным, чем термины «народный характер» или «социальный характер», поскольку относится ко всему духовному миру субъекта. Термин же «характер», как принято в психологии, категорией которой он является, относится лишь к части духовного мира и личности.

Г. Лебон в конце 19-го века в своей работе «Психология народов и масс» писал, что каждый народ обладает специальным *душевым строем*, от которого берут начало его чувства, мысли, а также его учреждения, верования и его искусства³⁵. Он полагал, что психологические особенности народа составляют то, что можно назвать национальным характером, который образует средний тип, дающий возможность определить ментальные особенности того или иного народа. Лебон отмечал, что тысяча французов, тысяча англичан, тысяча китайцев, взятых случайно, конечно, должны отличаться друг от друга. Однако в силу наследственности они обладают общими свойствами, на основании которых можно воссоздать идеальный тип француза, англичанина, китайца. По мнению Лебона, важную роль в образовании национальности и её характера играют общие верования, общие интересы, общие оценки складывающихся социальных ситуаций, что подтверждалось историческим опытом.

Опираясь на последний, он писал, что французская нация возникла из мелких народностей (пикардийцев, фламандцев, бургундцев, гасконцев, бретонцев, провансальцев), имевших первоначально различные умственные идеи и чувства. И это возникновение произошло благодаря осознанию общих идей, верований, интересов. Тот же самый процесс Лебон отмечал и при возникновении английской нации, когда у англосаксов, нормандцев, древних бретонцев образовался однородный тип нации благодаря осознанию ими единого образа своих действий, который был признан ими целесообразным и утвердился в качестве общего для них всех.

34 Полежаев Д.В. Идея менталитета в русской философии «золотого века». Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003. 360 с.

35 Лебон Г. Психология народов и масс. СПб.: Алетей, 1995. 412 с.

Однако применявшееся Лебоном понятие «душевный строй» было слишком неопределённым, а его понятие «национальный характер» являлось слишком узким для описания своеобразия духовного мира народов. Национальный характер, как мы постараемся показать, составляет лишь часть менталитета. Но мысль Лебона о том, что национальный характер (по-нашему – национальный менталитет) представлен не просто свойствами, а *социально-психологическими особенностями* членов социальной общности, выявляемыми при сравнительном исследовании, представляется важной для целей нашего диссертационного исследования и будет нами использована при обосновании нашей трактовки менталитета.

Данная исследовательская традиция была продолжена Э.Фроммом, который в 1941 году в сочинении «Бегство от свободы» ввёл новое понятие «социальный характер»³⁶. Под ним Фромм понимал ту относительно устойчивую структуру человека, которая детерминирует направленность его конкретного поведения, мышления, чувств и поступков. Фромм справедливо относил понятие социального характера к ключевым категориям, необходимым для понимания общественных процессов. Это мнение Фромма будет подтверждено нами обоснованным на базе социокультурной концепции А.С. Ахиезера³⁷ положением о том, что в социуме менталитет функционирует в составе основного противоречия общества – противоречия между социальными отношениями и культурой, специфику которой представляет менталитет. Также важна нам при разработке содержания понятия «менталитет» мысль Фромма о том, что социальный характер (в нашей трактовке – менталитет) определяет направленность, специфический характер деятельности, поведения, общения.

Важным и оставившим значительный след в истории изучения менталитета было направление исследования психологии народов. Основателями этого направления являются немецкие учёные М. Лацарус и Х. Штейнталь. Главная их идея состояла в том, что все представители одного народа носят единый отпечаток на своём теле и душе, формируемый душой народа, существующей объективно. Изучением сверхличностной души народа, или народного духа, по их мнению, должна заниматься этноисторическая психология (когда речь идёт о понимании сущности духа народа вообще) и психологическая этнология (когда анализируются конкретные формы народного духа). В качестве объектов анализа и в том, и в другом случаях должны выступать мифы, языки, мораль, нравы, быт и другие компоненты народных культур во всём их разнообразии.

36 Фромм Э. Бегство от свободы: Человек для себя. М.: АСТ, 2004. 571 с.

37 Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). Т. II. Теория и методология. Словарь. 2-е изд. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. 595 с.

Изучение психологии народов было продолжено немецким учёным В. Вундтом, который считал, что проблематика психологии народов служит продолжением и дополнением индивидуальной психологии. По мнению Вундта, психология народов должна охватывать и изучать те социально-психологические явления, которые представляют собой продукты совместного существования и взаимодействия людей. Индивидуальная психология, как полагал Вундт, может изучаться методом эксперимента, для чего в 1879 г. им была организована первая в мире психологическая лаборатория. А психология народов, по Вундту, может исследоваться культурно-историческим методом. В этом Вундт был согласен с Лацарусом и Штейнталем. Опыт своего психологического истолкования мифов, религии, искусства и других феноменов культуры Вундт изложил в 10-томной «Психологии народов»³⁸, которая и в наше время не утратила научного значения.

Так, Вундт был прав в критике взглядов Лацаруса и Штейнталя за противопоставление ими психологии народов индивидуальной психологии и за признание ими самостоятельного, внеличного, существования души народа. Он правильно подчёркивал, что душа народа состоит из элементов единичных душ, причастных ей, и для постижения народной души изучать надо коллективную творческую деятельность индивидов. Эта мысль Вундта имеет большое значение для выявления соотношения индивидуального и группового сознания, а также для построения типологии форм менталитета и установления соотношений между коллективным и индивидуальным менталитетом.

Особенно большой эвристический потенциал понятие «менталитет» обнаружило в 20-м веке. К этому понятию в Западной Европе проявили интерес представители многих социальных и гуманитарных наук, среди них можно выделить историю, лингвистику, социальную психологию, культурологию, этнографию, социологию, политологию. Представители этих дисциплин раскрыли некоторые новые аспекты влияния социально-психологических особенностей людей на социальные процессы.

Целую интеллектуальную эпоху в изучении менталитета создали работы группировавшихся с 1929 года вокруг журнала «Анналы» французских учёных Л. Февра, М. Блока, Ж. Дюби, Р. Мандру и других представителей историко-психологического и культурно-антропологического направлений в общественном знании. Они истолковывали менталитет как наличие у какой-либо этнической или культурной общности людей определённого общего «умственного инструментария», своеобразной «психологической оснастки», которая создаёт возможность по-своему воспринимать и осознавать своё природное и социальное окружение,

38 Wundt W. *Volkerpsychologie*. B.: Muller Verlag, 1900–1920.

а также и самих себя³⁹. Представители школы «Анналов» изучали мировую историю как процесс последовательной смены ментальностей различных эпох. Они пытались показать, какие типичные переживания испытывали люди прежних эпох.

Представители этой школы пытались установить, во-первых, то, что является общим в психике данной социальной группы. Ж. Ле Гофф, поздний представитель французской историко-психологической школы, писал: «Ментальность – это то, что было общего в сознании Цезаря и любого воина в его легионах, в сознании Людовика Святого и любого крестьянина в его владениях, в сознании Колумба и любого матроса на его каравеллах»⁴⁰. Другие их задачи состояли в том, чтобы показать, чем в социально-психологическом плане данная группа отличается от других групп, а также раскрыть те социально-психологические особенности, которые обуславливают специфический характер мировосприятия членов каждой группы.

В последующем работы французских учёных начали завоевывать признание и в других странах. Так, классический труд «отца школы Анналов» Марка Блока «Феодалное общество» вышел во Франции в 1939-1940 гг., в Италии – в 1949 г., в Англии – в 1961 г., в Германии – в 1982 г.⁴¹. В 1977 г. вышел в свет серьёзный труд французского исследователя Ф. Арьеса «Человек перед лицом смерти», в котором в историческом аспекте рассматривается важный вопрос проблемы менталитета – особенности восприятия смерти и понимания своей смертности у людей в различные исторические эпохи⁴². В 1993 г. вышел в свет весьма объёмный и, по нашему мнению, наиболее детальный в разработке вопроса о конкретных ментальных особенностях европейских народов труд «Европейская история менталитета»⁴³. Среди авторов этого произведения крупные учёные из Германии, Франции, Австрии, США. Менталитет, по их мнению, включает в свой состав множество конкретных узких тем, которые в своей совокупности и дают глобальную картину менталитета. Темы эти следующие:

– Оценка соотношения между душой и телом; сознательная оценка и неосознанная роль телесного (например, идея тела как темницы души или идеал психосоматической целостности);

39 Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М.: Наука, 1986. 402 с.; Февр Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991. 384 с.; Duby G. L-histoire des mentalities // L-histoire et ses methods. Sous la dir. De Ch.Samaran. P.: Decouverte, 1961. P. 237-266; Mandrou R. L-histoire des mentalities // Enciclopedia universalis. P.: Decouverte, 1968. V. 8. P. 436-438.

40 Le Goff Jacques. Les Mentaliteasies: A History of Ambiguities. P.: Decouverte, 1974. P. 169.

41 Пушкарёв Л.Н. Что такое менталитет? Историографические заметки // Отечественная история. 1995. № 3. С. 160.

42 Арьес Ф. Человек перед лицом смерти / Пер. с франц.; Общ. ред. Оболенской С.В. М.: Прогресс-Академия, 1992. 523 с.

43 Europäische Mentalitansgeschichte: Hauptthemen in Einzeldarstellun. Gen. Stuttgart: Alfred Kroner Verlag, 1993. 1204 s.

-
- Точка зрения на юность и старость и на превалирующее их общественное положение (примеры: идеи геронтократии или культа юности);
 - Отношение к сексуальности и любви (например, идеи разделения секса, любви и супружества или романтической любви как смысла бытия);
 - Страхи и надежды (например, представления о потустороннем мире или утопии);
 - Представления о соотношении радости, страдания и счастья (например, атараксия или преодоление страдания с помощью лекарств);
 - Оценка и преодоление болезненности (например, понимание болезни как божьего наказания, представление о болезни как дефекте биологического механизма);
 - Представления о смерти и поведении человека при умирании (например, понимание умирания как цезуры внутри жизни или смерти как вытеснения из мира повседневности);
 - Переживания, связанные с отношениями между индивидом, семьёй и обществом (например, культ индивидуального гения, представления о детях как смысле жизни женщины);
 - Общественные критерии ценности (например, честь и стыд, консерватизм и прогрессивность);
 - Значение труда и отдыха (например, праздник как религиозное отправление или девиз «работа делает свободным»);
 - Структура и оценка власти (например, представление о священном происхождении власти или её легитимности по результатам выборов);
 - Отношение к войне и миру (например, понятие о справедливых и несправедливых войнах, принципиальное отрицание насилия);
 - Формы этики и права (например, представление об этике как божественном установлении, сословное понимание права, признание равенства прав всех граждан);
 - Эстетические представления (например, понимание прекрасного как целесообразного, понимание искусства как средства воспитания или признание существования искусства ради искусства);
 - Религиозность (например, страх перед божеством или любовь к Богу, представления о загробной жизни);
 - Оценка природы и окружающего мира (например, анимистическое восприятие природы, понимание необходимости сохранения биосферы);
 - Космология (например, понимание мира как организма или машины, представления об эволюции Вселенной);
 - Восприятие пространства (например, представление о святости пространства, образцы движения в пространстве);
 - Восприятие времени (например, представление о циклической картине исторического процесса или необратимости времени);

- Образцы мышления (например, ассоциативное мышление, разрешение проблем в ходе дискуссии);
- Регуляция поведения цивилизованным путём (например, правила поведения за столом, в общественном месте, на работе);
- Формы коммуникации (например, письменная и устная речь, язык жестов)⁴⁴.

В указанном труде авторы в количестве более тридцати человек остановились, по их выражению, на самых основополагающих компонентах менталитета. Все компоненты проблемы менталитета рассматривались соответствующими специалистами отдельно для исторических периодов – античности, средневековья и нового времени. В результате этот труд оказался состоящим из 51 самостоятельного очерка, не считая предисловия и вводной главы «К теории и практике менталитета», написанными П. Динцельбахером – редактором книги, известным немецким учёным.

Данный коллективный труд представляет научную ценность, прежде всего, благодаря раскрытию в нём конкретных ментальных особенностей людей античности, средневековья и нового времени. Но значимость этой фундаментальной работы и в том, что она показывает огромную степень сложности содержания менталитета, хотя коллектив авторов этой книги исследовал только содержание духовного мира людей и не затрагивал вопросы о социально-психологических качествах субъектов ментальности, которые тоже входят, как мы постараемся показать, в содержание менталитета и влияют на поведение субъектов.

Обобщая описанное в этом параграфе, можно отметить, что приведёнными выше авторами в категориях «коллективные представления», «народный характер», «душевный строй», «национальный характер», «социальный характер», «народный дух», «национальный дух», «душа народа», «психологическая оснастка» и в других понятиях улавливались различные компоненты и стороны менталитета, а также способы его влияния на познавательную и практическую активность индивидуальных и коллективных субъектов.

Произведённый исторический обзор показывает, что многочисленные авторы, занимавшиеся проблемой менталитета, двигались по пути разработки содержания такой категории, которая, *во-первых, была бы интегральной характеристикой уникальности духовного мира индивидуального или коллективного субъекта, во-вторых, способствовала бы пониманию специфического типа восприятия мира субъектом и, в-третьих, объясняла бы особый способ его активности – поведения, деятельности, общения.* Но никто из этих авторов, всё же, не осуществил полного перехода от абстрактного и фрагментарного

44 Europäische Mentalitansgeschichte: Hauptthemen in Einzeldarstellung. Gen. Stuttgart: Alfred Kroner Verlag, 1993. S. X–XI.

понимания менталитета к его конкретному и системному пониманию, не дал обобщающую дефиницию менталитета, отражающую его сущность, и не раскрыл всю полноту его содержания. Однако положения отмеченных выше авторов помогут нам продвигаться в направлении более глубокого и детального раскрытия сущности и содержания менталитета.

В современной зарубежной и отечественной научной литературе, несмотря на широкое использование понятия менталитета, нет единодушия в понимании этой категории. Как справедливо отмечает И.Г. Дубов, опора при создании развёрнутой дефиниции категории менталитета на специальную, посвящённую этому вопросу, иностранную литературу едва ли окажется эффективной, несмотря на западноевропейское происхождение слова «менталитет»⁴⁵. Определения западных учёных, как показано Г.И.Дубовым, отличаются чрезмерной краткостью, а разнородный характер описывающих категорию менталитета терминов говорит о недостаточной научной проработке содержания данного понятия в зарубежной литературе⁴⁶.

А какова ситуация с трактовкой этой категории в отечественной социальной науке? В ней категория менталитета особенно активно стала использоваться после 1991 г. в связи с проблемой самоопределения России и специфики основ российской духовной жизни. Понятийно-терминологические аспекты проблемы менталитета в отечественной литературе тоже остаются сложными и мало разработанными. Некоторые исследователи предлагают смириться с расплывчатостью термина «ментальность» для того, чтобы не потерять богатство, связанное с его многозначностью, другие авторы, например Г.В. Акопов и Т.В. Иванова, полагают, что «наиболее продуктивным является путь формулирования «рабочих определений» в рамках тех аспектов проблемы, на изучение которых направлены конкретные усилия»⁴⁷. Едва ли такие решения можно признать удовлетворительными.

Мы полагаем, что ни первая, ни вторая из этих установок не является конструктивной. Неясность по содержанию и неточность по объёму этого понятия не позволят разрабатывать конкретную программу исследования менталитета, поскольку в этом случае будут отсутствовать критерии для разграничения изучения собственно менталитета и психологии людей. Невозможно будет также отличить функции менталитета от функций сознания, что не даст прироста знания об активности человека. «Рабочие определения» как временное средство за неимением полной и глубокой дефиниции могут, конечно, и должны использоваться в политологии, социологии, культурологии, истории, экономи-

45 Дубов И.Г. Феномен менталитета: психологический анализ // Вопросы психологии. 1993. № 5. С. 20.

46 См.: там же.

47 Акопов Г.В., Иванова Т.В. Социальная психология. Феномен ментальности как проблема сознания // Психологический журнал. 2003. № 1. С. 50.

ке, психологии и других частных науках. Но в этих исследованиях постигаются лишь определённые проявления сущности менталитета, соответствующие своему частному предмету изучения. Задача же философской исследовательской работы заключается в раскрытии всех сторон сущности менталитета и выработке соответственно общей для всех наук о человеке трактовки данного концепта. В этом будет заключаться интегрирующая и методологическая функция социальной философии по отношению к частным наукам о человеке и социальных общностях.

Нельзя также согласиться с мнением Г.В.Акопова и Т.В.Ивановой о том, что «поиск точного определения или оригинальной интерпретации термина «ментальность» обречён на неудачу в силу того богатства, которое заключается в его «расплывчатости»»⁴⁸. Думается, что такая позиция вообще не отвечает критериям научности, ориентирующим научное познание (хотя бы и в идеале) на вполне определённое установление объёма и содержания своих понятий. Критикуемая установка не будет способствовать исследованию менталитета. Недостаточно точное представление о сущности менталитета не позволит правильно раскрыть его формирование, развитие и функционирование в обществе.

Мы считаем необоснованной и позицию, согласно которой, у каждой из наук, изучающих человека, должно быть своё понимание менталитета. Сущность менталитета едина, хотя и многогранна. Различные науки со своими методами и подходами могут раскрывать различные стороны, аспекты, проявления этой сущности. Но сама сущность от способа её рассмотрения не зависит. Поэтому и понимание её разными специалистами в идеале должно быть единым. Такое единое понимание менталитета способна дать только социальная философия на основе обобщения данных частных наук.

По вопросу понимания сущности менталитета в настоящее время можно выделить следующие основные точки зрения.

1. Очень распространённая позиция состоит в отождествлении менталитета с индивидуальным или общественным сознанием или психикой человека. Это характерно, например, для Р.В. Манекина, который определяет менталитет как «совокупность представлений, воззрений, «чувствований» общности людей определённой эпохи, географической области и социальной среды, особый психологический уклад общества, влияющий на исторические и социальные процессы»⁴⁹.

Подобно этому В.И. Пищик считает, что «менталитет ...представляет собой систему взглядов, мнений, стереотипов, форм и способов поведения, характе-

48 Там же. С. 53.

49 Манекин Р.В. Контент-анализ как метод исследования исторической мысли. Опыт количественного исследования итальянских текстов эпохи Возрождения (Поджо Браччолини) // Клио. 1991. № 1. С. 28.

ризирующих социальные общности»⁵⁰. Здесь менталитет практически отождествляется с групповым сознанием, и такой подход, по справедливому замечанию И.Г. Дубова, «не способствует закреплению этого термина в научной лексике, ... что в свою очередь делает новое понятие ненужным»⁵¹.

К указанной точке зрения следует отнести также А.И. Грищука и М.М. Ковальзона, которые полагают, что ментальность – это те психические узы, которые связывают социум в единое целое. Идеалы, цели, коллективный разум, традиции, социальные установки, стереотипы, чувства, характер народа, короче всё, что можно назвать понятием «народный дух» или «душа народа», по их мнению, есть ментальность⁵².

Иногда менталитет отождествляется не только с групповым сознанием и с групповой психикой, но и с индивидуальной психикой (включающей в себя наряду с сознанием и неосознаваемые информационные процессы). Так, Б.А. Душков, описывая формирование психических функций (восприятия, мышления и др.), называет это становлением менталитета, а, раскрывая воздействие природных и социальных условий на сознание и психику человека, именует это влиянием на менталитет. Этот автор допускает и непоследовательность в трактовке менталитета: он, например, относит к ментальности «специфический тип мышления»⁵³, то есть считает её особенностью психического процесса, и в то же время пишет: «...Исследуя процесс развития сознания индивида (и его менталитета в целом)...»⁵⁴. Целым по отношению к сознанию служит психика. Как видим, Б.А. Душков непоследовательно трактует менталитет: то как особенность психики, то как психику в целом.

Этот автор вводит без обоснования большое множество терминов, которым, на наш взгляд, нельзя придать какое-либо рациональное значение. К ним относятся такие выражения: «психологические виды биоментальности», «психика как ментальный процесс», «периоды психического развития менталитета», «психическое состояние менталитета», «ментальные чувства», «ментальное сознание», «психоментальное развитие», «ментальное поведение», «менталитет сознания», «ментальное общение», «ментальная осторожность», «ментальное самообладание», «ментальная деловитость», «ментальная выносливость», «ментальная рассудительность», «ментальная смелость», «ментальная проницательность». В данном случае, видимо, сказалась мода на новый термин «менталитет».

50 Пищик В.И. Транслирование менталитета в процессе общения воспитателя и ребёнка // Материалы межрегиональной научно-практической конференции «Развитие личности как стратегия гуманизации образования». Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ, 1998. С. 34.

51 Дубов И.Г. Феномен менталитета: психологический анализ // Вопросы психологии. 1993. № 5. С. 20.

52 Грищук А.И., Ковальзон М.М. На пути постижения ментальности. СПб.: Питер, 2003. 286 с.

53 Душков Б.А. Психосоциология менталитета и нооменталитета. Екатеринбург: Деловая книга, 2002. С. 13.

54 Там же. С. 130.

2. Ещё одна позиция заключается в отождествлении менталитета с некоторыми свойствами, элементами, частями, сферами или уровнями сознания или бессознательного. Такая ситуация характерна для многих западных учёных. В англоязычных словарях понятие «mentality» определяется следующим образом: как «качество ума, относящееся к отдельному индивиду или их классу»⁵⁵; как «особое обобщение всех свойств, отличающих разум»; как «сила или способность ума»⁵⁶; а также как «установки, настроения, основной состав ума»⁵⁷; как «образ мышления, стиль или характер раздумий»⁵⁸; и, также, как «совокупность всех мыслительных способностей, которые отличаются от физических»⁵⁹. Похожие определения даны и во французских словарях. Например, в словаре философских терминов под менталитетом понимается «склад мышления, комплекс мнений или предрассудков, которые создают базу и управляют мышлением индивида или группы»⁶⁰. Большой энциклопедический словарь «Ларусс» определяет менталитет как «совокупность умственных привычек, верований, психических установок, характерных для какой-либо общности людей или группы, состояние ума»⁶¹. Приведённые в данных определениях факторы служат элементами или показателями определённых элементов сознания и психики человека.

Отождествление менталитета с элементами или частями психики можно обнаружить и у французского учёного Г. Бутуля, произведённое им в монографии «Менталитет», впервые опубликованной в 1952 году и выдержавшей подряд пять изданий. Согласно ему, «менталитет – это совокупность идей и интеллектуальных установок, присущих индивиду и соединённых друг с другом логическими связями или же отношениями веры... Наш менталитет находится между нами и миром, как призма»⁶².

Видный немецкий историк, редактор основательного коллективного труда «Европейская история менталитета», П. Динцельбахер, отметил, что «менталитет как историческую категорию проще описать, чем определить», предлагает следующую дефиницию: «Исторический менталитет – это совокупность способов и содержания мышления и восприятия, характерная для определённо-го коллектива в определённое время. Менталитет проявляется в действиях»⁶³.

55 Reber A.S. The penguin dictionary of psychology. Harmondsworth, 1985. P. 454.

56 Chaplin J.P. Dictionary of psychology. N.Y.: Chichester, 1975. P. 313.

57 The universal dictionary of English language. L.: Routledge, 1957. P. 720.

58 Webster's third new international dictionary. L.: Routledge, 1961. P. 1411.

59 Funk & Wagnalis new standart dictionary of the English language. N.Y.: Verso, 1962. P. 1552.

60 Dictionaire de la lange philosophique. P.: Decouverte, 1986. P. 435.

61 Grand Dictionaire Enciclopedique Larousse. P.: Decouverte, 1989. V. 10. P. 6834.

62 Bouthoul G. Les mentalites. P., 1952. P. 31–32.

63 Dinzeltbacher P. Zu Theorie und Praxis der Mentalitatsgeschichte // Europäische Mentalitätsgeschichte: Hauptthemen in Einzeldarstellun. Gen. Stuttgart: Alfred Kroner Verlag, 1993. S. XXI.

Мы обнаруживаем, что Г. Бутуль и П. Динцельбахер отождествляют менталитет с когнитивно-интеллектуальной сферой психики индивидуального или коллективного субъекта.

К данной позиции из отечественных учёных можно отнести О.Б. Кошовца, который пишет: «**Ментальность** ... – совокупность установок сознания, привычек мышления, предрасположенностей восприятия, поведения и повседневных верований индивида или социальной группы»⁶⁴. Перечисленные в этом определении факторы служат элементами сознательной и бессознательной психики. По мнению А.Я. Гуревича, менталитет – это «уровень индивидуального и общественного сознания... живая, изменчивая и при всём том обнаруживающая поразительно устойчивые константы магма жизненных установок и моделей поведения, эмоций и настроений, которая опирается на глубинные зоны, присущие данному обществу и культурной традиции...»⁶⁵. Приравнивание менталитета к уровню общественного сознания производится и Ю.И. Семёновым, который отмечает, что «В... общественном сознании... выделяют такие два уровня, как общественную психологию (менталитет, ментальности) и идеологию»⁶⁶. Если Ю.И. Семёнов отождествляет менталитет с нижним уровнем общественного сознания, то В.П. Визгин включает в менталитет и бессознательное. В «Новой философской энциклопедии» он отмечает: «**Ментальность** (менталитет)... – глубинный уровень коллективного и индивидуального сознания, включающий и бессознательное; относительно устойчивая совокупность установок и предрасположений индивида или социальной группы воспринимать мир определённым образом»⁶⁷. Подобное определение в «Новой философской энциклопедии» дано и в статье В.Н.Иванова и Г.Ю.Семигина «Ментальность политическая»⁶⁸. О.Б.Кошовец, А.Я. Гуревич, Ю.И. Семёнов, В.П. Визгин, В.Н. Иванов и Г.Ю. Семигин не дают какого-либо теоретического обоснования своему пониманию менталитета.

К той же позиции отождествления менталитета с одним из частей психики относится ещё одно определение В.П. Визгина: «Ментальность – совокупность готовностей, установок и предрасположенностей индивида или социальной группы действовать, мыслить, чувствовать определённым образом»⁶⁹. По поводу этого определения можно сделать два замечания. Во-первых, готовность,

64 Кошовец О.Б. Ментальность // Словарь философских терминов / Под ред. Кузнецова В.Г. М.: ИНФРА-М, 2004. С. 315.

65 Гуревич А.Я. Исторический синтез и школа «Анналов». М.: Индрик, 1993. С. 24.

66 Семёнов Ю.И. Общественное сознание // Словарь философских терминов / Под ред. Кузнецова В.Г. М.: ИНФРА-М, 2004. С. 380.

67 Визгин В.П. Ментальность // Новая философская энциклопедия. М.: Мысль, 2001. Т. 2. С. 525.

68 Иванов В.Н., Семигин Г.Ю. Ментальность политическая // Новая философская энциклопедия. М.: Мысль, 2001. Т.2. С. 526.

69 Визгин В.П. Ментальность, менталитет // Современная западная философия. Словарь. М.: Политиздат, 1991. С. 177.

установка, предрасположенность – это одно и то же. Во-вторых, то, что В.П. Визгин называет ментальностью, есть такой важный компонент бессознательного, который после классических работ Д.Н. Узнадзе традиционно именуется в отечественной психологии и антропологии установкой. Трактовка менталитета как установки характерна и для А.А.Соколовой, которая видит в нём «стереотипизированные формы психологических реакций, поведения, оценок, суждений и т.п., закрепившиеся в социальном опыте общества посредством острого эмоционального переживания тех или иных событий»⁷⁰. Перечисленные А.А. Соколовой явления как раз охватываются психологической категорией установки. Отождествление менталитета с такой частью бессознательной психики, как установка, производится и Д.В. Полежаевым, который пишет, что «менталитет рассматривается как устойчивая...система внутренних...глубинно-психических...социокультурных установок общества...и функционирующая на уровне «внесознательного»»⁷¹.

Д.Н. Узнадзе, автор теории установки, полагал, что установка – это целостное состояние субъекта, возникшее в результате отражения объектов внешней среды на фоне актуальной потребности и заключающееся в готовности к совершению актов, способных удовлетворить эту потребность. Готовность субъекта в целом включает в себя перцептивную, мыслительную и двигательную установку⁷². В последующих параграфах мы постараемся показать, что установка – это важный компонент менталитета.

Согласно Е.А. Ануфриеву, «*Менталитет...* – это социально-политическая категория, отражение социально-психологического состояния субъекта (народа, нации, народности, социальной группы, человека), которое складывается в результате исторически длительного и достаточно устойчивого воздействия естественно-географических, этнических, социально-экономических и культурных условий проживания субъекта менталитета и проявляется в различных видах деятельности»⁷³. В этом определении Е.А. Ануфриев справедливо отмечает, что менталитет, во-первых, имеет социально-психологическую сущность, во-вторых, он формируется в результате воздействия на субъекта естественно-географических и социально-культурных условий, и, в-третьих, он проявляется в различных видах деятельности. Однако такая трактовка менталитета, хотя и является весьма полной, но, всё же, на наш взгляд, недостаточно конкретна. И мы бы хотели её дополнить.

70 Соколова А.А. Исследование ментальности: генетико-методологический аспект: Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата философских наук: 09.00.11. М., 2002. С. 8.

71 Полежаев Д.В. Об одной концепции менталитета // Вестник РФО. 2007. № 2. С. 124; Он же. Русский менталитет: опыт социально философского анализа: Автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора философских наук: 09.00.11. Волгоград, 2011. с.9.

72 Узнадзе Д.Н. Психологические исследования. М.: Наука, 1966. 452 с.

73 Ануфриев Е.А. Политический менталитет как фактор общественной жизни// Политология. Курс лекций / Под ред. М.Н.Марченко. М.: Юрист, 2003. С. 500.

Все психические явления, включая в них и групповые, в отечественной науке принято делить на психические процессы (ощущения, восприятия, мышление и др.), психические состояния (оптимизм, страх, уныние и др.) и психические свойства (направленность, темперамент, характер и др.)⁷⁴. Отождествлять менталитет с психическим состоянием представляется уменьшением объёма понятия менталитета. Думается, что понятие менталитета, во-первых, должно характеризовать не часть, а весь духовный мир человека или социальной группы и, во-вторых, представлять специфику этого мира, отличающего его от других духовных миров.

3. *Трактовка менталитета как совокупности особенностей сознания или психики.* Такое понимание дано в энциклопедическом словаре «Политология»: «**Менталитет**... – понятие, обозначающее ...совокупность и специфическую форму организации, своеобразный склад различных психических свойств..., особенностей и проявлений. Используется главным образом для обозначения оригинального способа мышления, склада ума или даже умонастроений...»⁷⁵. Похожее определение дано и в «Социологическом энциклопедическом словаре»: «**Менталитет** – совокупность и специфическая форма организации, своеобразный склад различных человеческих психических свойств и качеств, особенностей их проявлений»⁷⁶.

Трактовка менталитета как специфического в общественном сознании характерна для А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского. Они пишут, что «понятие «менталитет» применяется для выделения особых явлений в сфере сознания, которые в той или иной общественной среде характеризуют её отличия от других общностей...*это совокупность принятых и в основном одобряемых определённым обществом взглядов, мнений, стереотипов, форм и способов поведения, которая отличает его от других человеческих общностей*»⁷⁷.

Положение о менталитете как совокупности социально-психологических особенностей людей и их групп наиболее последовательно и аргументированно обосновывается И.Г.Дубовым. Этот автор отмечает: «В самом общем виде менталитет может быть определён как некая характерная для конкретной культуры... специфика психической жизни представляющих данную культуру... людей, детерминированная экономическими и политическими условиями жизни в историческом аспекте»⁷⁸. А содержание менталитета им характеризуется

74 Маклаков А.Г. Общая психология. СПб.: Питер, 2005. С. 24–25.

75 Менталитет // Политология. Энциклопедический словарь / Под ред. Аверьянова Ю.И. М.: Моск. коммерческий ун-т, 1993. С. 174.

76 Менталитет //Социологический энциклопедический словарь / Под ред. Осипова Г.В. М.: ИнфаМ-Норма, 1998. С. 175.

77 Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Теоретическая психология. М.: Академия, 2003. С. 311–312.

78 Дубов И.Г. Феномен менталитета: психологический анализ // Вопросы психологии. 1993. № 5. С. 21.

следующим образом: «...Менталитет как специфика психологической жизни людей раскрывается через систему взглядов, оценок, норм и умонастроений, основывающуюся на имеющихся в данном обществе знаниях и верованиях и задающую вместе с доминирующими потребностями и архетипами коллективного бессознательного иерархию ценностей, а значит, и характерные для представителей данной общности убеждения, идеалы, склонности, интересы и другие социальные установки, отличающие указанную общность от других»⁷⁹. При конкретном изучении менталитета, справедливо отмечает И.Г. Дубов, должны обязательно описываться психологические характеристики, специфические у представителей различных культур. Для этого, по его мнению, необходимо «сравнение экспериментально выделенного содержания указанных выше феноменов с содержанием тех же феноменов у представителей других культур»⁸⁰.

К этой же позиции можно отнести взгляды А.Б. Зайцева, В.К. Трофимова, И.В. Кондакова, А.С. Кармина, Г.Д. Гачева, А.Л. Алавердяна. А.Б. Зайцев полагает, что понятие «менталитет», или «ментальность», отражает особенности мировоззрения и мышления представителей какой-либо этнической, социальной или профессиональной общности людей. По его обоснованному, и, на наш взгляд, верному мнению, менталитет каждого человека является интегративной характеристикой его личности⁸¹.

По мнению В.К.Трофимова, менталитет есть «совокупность иррациональных и рациональных особенностей коллективных представлений о мире, специфический склад мышления, чувств, верований, установок, которые определяются в материальной и духовной культуре»⁸². И.В. Кондаков отмечает, что понятие менталитета призвано «объединить в себе многообразие смыслов и значений, так или иначе ассоциирующихся с проблемой...своеобразия культуры»⁸³. При этом он справедливо отмечает, что понятие «менталитет» шире, нежели национальное своеобразие, поскольку существуют ментальности других социальных общностей, помимо наций.

А.С. Кармин полагает, что менталитет обусловлен не общечеловеческими свойствами и закономерностями психики, а особенностями культуры. Общечеловеческие механизмы и закономерности психики А.С.Кармин

79 Там же. С. 22.

80 Там же. С. 26.

81 См.: Зайцев А.Б. Организационная культура как фактор формирования профессионального менталитета учителя: Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата педагогических наук: 13.00.01. М., 2000. 21 с.

82 Трофимов В. К. Истоки и сущность русского национального менталитета: Автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора философских наук: 09.00.11. Екатеринбург, 2001. С. 20.

83 Кондаков И.В. Культурология: История культуры России. М.: ИКФ Омега-Л, Высш. шк., 2003. С. 514.

называет культурно-независимыми – в том смысле, что они одинаковы у представителей всех культур. «Ментальность же всегда культурно-зависима, т.е. её содержание определяется культурой и является у представителей разных культур различным»⁸⁴. Г.Д. Гачев, имея в виду изучение этнических менталитетов, пишет: «...Моя работа – определить особые качества каждого народа, его субстанцию, характер мышления, психики и особых талантов»⁸⁵. А.Л. Алавердян отмечает, что «менталитет... выступает специфическим способом мировоззрения, присущим тому или иному его субъекту. Менталитет – своеобразие мировоззрения, вытекающее из специфики его субъекта»⁸⁶. Этой же позиции придерживается М.М. Акулич. Она отмечает: «Под менталитетом... понимается особый духовный склад ума, образ мышления, мировосприятия, мироощущения, духовная настроенность, самобытность и самодостаточность, обобщенные представления о реальности, устойчивые интеллектуальные и эмоциональные особенности, присущие индивиду или социальной группе, обществу, а также особенности индивидуального и общественного сознания»⁸⁷.

Помимо отмеченных взглядов существует также неопределённая и трудно интерпретируемая позиция. Например, С.С. Соловьёвым «менталитет офицерского корпуса... рассматривается как системообразующий фактор образа мыслей, душевного склада... офицеров, выступающий в основе их группового сознания»⁸⁸. Непонятно, на каком основании считается, что менталитет – это системообразующий фактор, что он из себя представляет, какова его структура или хотя бы состав. Кстати, вопрос о системообразующем факторе психики и сознания, как индивидуальных, так и коллективных, вообще ещё не решён.

Т.В. Иванова пишет, что «ментальность представляет собой многоуровневую систему для обозначения своеобразия проявления группового сознания в историческом времени и географическом пространстве относительно определённого уровня субъектности»⁸⁹. В той же своей работе ментальность определяется ею и как «выражение группового сознания...». Определение ментальности как проявления группового сознания даётся и в совместной работе Г.В. Акопова и Т.В. Ивановой⁹⁰.

84 Кармин А.С. Культурология. 4-е изд. СПб.: Лань, 2006. С. 213.

85 Гачев Г.Д. Ментальности народов мира. М.: ЭКСМО, 2003. С. 440.

86 Алавердян А.Л. Этнокультурный менталитет и идентичность в условиях модернизации современной России: Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата философских наук: 09.00.13. Белгород, 2009. С. 11.

87 Акулич М.М. Менталитет, мировоззрение и общественное сознание как основы социальной модернизации // Вестник ТГУ. Социология. 2011. № 8. С. 178.

88 Соловьёв С.С. Менталитет российского офицера: Вызовы XXI века // Социологические исследования. 2003. № 12. С. 51.

89 Иванова Т.В. Ментальность, культура, искусство // Общественные науки и современность. 2002. № 6. С. 176.

90 Акопов Г.В., Иванова Т.В. Социальная психология. Феномен ментальности как проблема сознания // Психологический журнал. 2003. № 1. С. 47–55.

Многоуровневость, своеобразие, соотнесённость с субъектом – это, на наш взгляд, действительные черты менталитета. Но в своей сущности данное определение, на наш взгляд, неудовлетворительно и вызывает недоумение. Сознание, представляющее собой субъективную реальность – это идеальное, бесплотное образование. Оно имеет три формы материального выражения, или проявления: нейродинамический код, служащий непосредственным носителем сознания⁹¹, речь и действия человека (вместе с созданными этими действиями предметами культуры). Получается, что менталитет – это и есть эти три материальные формы. Но термин «менталитет» исходно был введён для характеристики не материальных выражений духовного мира человека, а для описания самого его духовного мира.

В.Ф.Зима пишет: «Менталитет – это высшая субстанция человеческого интеллекта, которая содержит необходимую информацию на все чрезвычайные ситуации жизни. Менталитет выражает национальный характер. Основа менталитета – подсознание»⁹². Под субстанцией со времён Декарта и Спинозы понимают форму бытия, существующую самостоятельно и служащую носителем свойств. Интеллект – это система способностей, а подсознание – основа сознания. Что же такое менталитет, как он содержит всю информацию и выражает характер, из приведённой работы не ясно.

Кроме описанных выше, существует точка зрения на проблему менталитета, которая вообще отрицает правомерность использования этого понятия в социальных науках. Её, в частности, придерживается Ф.Граус, который считает, что «менталитет есть только абстракция; это понятие, придуманное историками, а не явление, открытое ими в исторической действительности»⁹³. Правда, в последующем Ф. Граус, проявляя непоследовательность, пытается дать описательное определение понятия менталитета. Необоснованность отрицания необходимости категории менталитета справедливо отмечается Е.Я.Таршисом⁹⁴. Далее мы покажем, что менталитет – это и реально существующий социально-культурный объект, и понятие, характеризующее этот объект.

Таким образом, произведённый выше анализ позволил выделить три основные позитивные точки зрения на проблему сущности менталитета. Истинной и поэтому наиболее плодотворной для дальнейшего исследования различных типов менталитета нам представляется третья позиция, хотя её сторонники осознанно и не использовали общепhilософскую категорию особенного.

91 Дубровский Д.И. Проблема идеального. Субъективная реальность. М.: Канон +, 2002. 368 с.

92 Зима В.Ф. Менталитет народов России в войне 1941-1945 годов. М.: ИРИ РАН, 2000. 279 с.

93 Граус Ф. Ментальности в средневековье: концепции и практика исследований. Обзор. История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М.: Институт всеобщей истории РАН, Рос. гос. гум. ун-т, 1996. С. 79.

94 Таршис Е.Я. Ментальность человека: подходы к концепции и постановка задач исследования. М.: Изд-во ИС РАН, 1999. С. 79.

Ниже нами будет дано детальное обоснование идеи о том, что менталитет – это совокупность социально-психологических особенностей субъектов – индивидов и социальных групп разной степени сложности.

1.2. Интегративный характер категории менталитета

Выше отмечалось, что прогресс в философии в большой степени осуществляется благодаря введению в философский дискурс новых категорий. Одной из таких современных категорий служит понятие менталитета. Однако введение нового научного термина и нового понятия имеет смысл тогда, когда для них находится специфический денотат, то есть совокупность объектов, которая ещё не имела своего собственного названия. Эта совокупность и должна составить объём нового понятия. Исследуемая в данном параграфе проблема включает в себя анализ двух аспектов эпистемологического статуса категории менталитета: 1) репрезентацией сущности и содержания какой реальности служит категория менталитета? 2) какие новые эпистемологические возможности открывает понятие менталитета по сравнению с традиционными категориями, характеризующими духовную жизнь общества? Короче говоря, мы пытаемся установить, в чём суть категории менталитета, и каковы эвристические потенции этой категории.

Как показывает произведённый нами историко-философский анализ, новое понятие, выражаемое термином «менталитет», или «ментальность», должно, во-первых, быть интегральной сравнительной характеристикой уникальности духовного мира индивидуального или коллективного субъекта, во-вторых, объяснять специфический тип восприятия мира субъектом и, в-третьих, давала бы понимание особого способа активности субъекта. Кроме того, это новое понятие, естественно, не должно совпадать с какими-либо уже имеющимися понятиями.

Термин «менталитет» изначально введен и стал популярным при осуществлении сравнительной психологической характеристики социальных групп. Впоследствии он стал использоваться и для характеристики индивидуального духовного мира. Каждый человек имеет полный набор элементов психики, к которой относятся ощущения, восприятия, представления, образное и понятийное мышление, перцептивные и мыслительные установки, воображение, темперамент, характер, способности, эмоции и чувства (в том числе и верования), память, воля и др. И по общему составу психика одного человека не отличается от психики другого, она имеет общевидовой характер, поскольку все люди имеют единую генетическую природу, возникшую в процессе антропогенеза. Но люди могут отличаться и отличаются качественными и количественными *особенностями* элементов психики.

Духовный мир человека в целом и все его части (свойства, процессы, состояния, уровни), сознательные и бессознательные, уже имеют свои наименования, и для их обозначения и характеристики новый термин и новое понятие не требуются. *А вот особенности элементов сознания и бессознательного не имели своего обозначения.* Их то и можно именовать термином «менталитет», чему мы и будем следовать.

Обсуждая феномен менталитета, А.Я. Гуревич писал, что «ментальность вездесуща и пронизывает всю человеческую жизнь, присутствуя на всех уровнях сознания и поведения людей, а потому так трудно её определить, ввести в какие-то рамки»⁹⁵. Этот автор прав в том, что ментальность действительно вездесуща и относится ко всем уровням сознания и поведения. Это связано с тем, что она представляет собой особенности всех элементов, частей, уровней сознания и бессознательного. Ментальность на самом деле трудно определить, но, всё же, возможно на основе общефилософской категории особенного.

А.В. Петровский и М.Г. Ярошевский справедливо отмечают, что «если вычтешь из общественного сознания то, что составляет общечеловеческое начало, в «остатке» мы найдём менталитет данного общества. Любовь к родным людям, боль при их утрате, гневное осуждение тех, кто стал причиной их гибели, являются общечеловеческими свойствами и не оказываются чем-то специфическим для одних и отсутствующим у других общностей. Однако нравственное оправдание кровной мести (вендетта – от итал. «мщение») – это, бесспорно, черта менталитета, утверждаемая народной традицией»⁹⁶. К цитированному можно было бы добавить, что менталитет включает в себя особенности не только сознаваемых, но и бессознательных элементов психики, а также личностные особенности субъекта менталитета.

Таким образом, понятие менталитета следует соотносить с общефилософской категорией особенного. Под категорией особенного, как известно, понимается то, что отличает одно единичное от другого в данном классе объектов. Единичное – это конкретный объект во всей неповторимой совокупности его свойств, а общее – это те свойства, которые присущи определённому классу объектов. Единичное есть общее плюс особенное. Если само единичное представлено множеством объектов, например, социальная группа представлена множеством людей, то в этом случае групповое особенное по отношению к отдельным людям будет общим, а по отношению к более широкой общности, в нашем примере, скажем, человечеству, будет единичным. Таким образом, в случае иерархического строения систем имеет место два вида особенностей: 1) особенности индивидов в пределах социальной группы (это будут индиви-

95 Гуревич А.Я. Исторический синтез и школа «Анналов». М.: Индрик, 1993. С. 195.

96 Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Основы теоретической психологии. М.: ИНФРА-М, 1998. С. 254.

дуальные менталитеты), 2) особенности социальных групп в пределах страны, региона или человечества (это будут групповые менталитеты). Эти общепсихологические положения важны для осуществления правильного методологического подхода к проблеме выявления сущности менталитета и его содержания.

Новый концепт социальной философии «менталитет», на наш взгляд, должен включать в своё содержание восемь следующих основных признаков, или характеристик.

Первая характеристика. Менталитет – это особенности духовного мира индивида или социальной группы. Носителем менталитета является индивидуальный или коллективный субъект. В первом случае менталитет – это то, что отличает в социально-психологическом плане одного человека от других. Во втором случае признаки менталитета показывают, что общего в духовном мире группы, и что отличает её от других групп. Чаще всего исследуется менталитет социальной группы. Особенности, составляющие групповой менталитет, по отношению к группе (например, нации) выступают как общее, а по отношению к более широкой общности (скажем, населению всей страны или всему человечеству) – как единичное.

Коснёмся теперь вопроса о том, особенности каких психических свойств, процессов и состояний входят в состав менталитета? Поскольку восприятием, речью, поведением и деятельностью управляет не одно мышление (ум) или какой-либо иной элемент психики, а вся она в целом, то думается, что в менталитет следует включать те социально-психологические особенности, которые подвержены межсубъектной, в том числе межличностной, дифференциации, то есть у разных людей и разных социальных групп могут быть различными. На наш взгляд, к ним можно отнести следующие особенности: сенсорные и перцептивные, в том числе установки и представления-цели; мотивационные, представленные специфическими потребностями, интересами, идеалами, ценностными ориентациями; чувственно-эмоциональные, в том числе и веро-вальные; волевые и характерологические, выражающие отношение человека к себе, людям, поведению и деятельности; мнемонические, показывающие своеобразие памяти субъекта; когнитивно-интеллектуальные, то есть особенности системы способностей, навыков, знаний; мыслительные, или рациональные, в том числе стиль и уровень мышления; особенности темперамента как динамических показателей личности.

Нередко менталитет связывают только с рациональной сферой психики или сознания. Но, поскольку управляющая функция, как уже отмечалось выше, присуща всей психике и на деятельность человека влияют все её составляющие, то важно изучение различий между людьми не только в рациональной, но и в других сферах психики. В свете этого обстоятельства в содержание понятия менталитета целесообразно включать знания об особенностях всех состав-

ляющих психики, подверженных межсубъектной дифференциации. Конечно, изучать различия между людьми в сфере понятийного мышления важно, но нам необходима и категория, которая могла бы быть как характеристикой специфики духовного мира и личности человека в целом, так и любых отдельных их составляющих. И вот такой то категорией и может быть понятие менталитета, или ментальности.

Надо сказать, что изучение не только рациональных, но и других ментальных особенностей субъекта, стало фактом научных исследований психологов и педагогов. Так, И.Г. Картушина при исследовании профессионального менталитета инженера выделяет следующие его компоненты: 1) информационный (знания о профессии), 2) ценностный (представления о ценностях и способах их достижения), 3) мотивационный (система потребностей), 4) когнитивно-операциональный (стиль профессионального мышления)⁹⁷. Первый и четвёртый компоненты относятся к рациональной сфере психики, а второй и третий – к внерациональной. В программе ментализации, под которой понимается формирование менталитета соответствующего типа, также предусматриваются способы целенаправленного воздействия на когнитивный (рациональный), ценностный, мотивационный компоненты духовного мира студентов.

Интерпретация менталитета как особенностей не только рациональной сферы духовного мира, но и особенностей всего этого мира не противоречит этимологии термина. При обсуждении проблемы ментальности обычно отмечается, что латинские термины *mens* и *mentis* означают ум, мышление. Однако при этом часто остаётся без внимания то обстоятельство, что эти латинские слова, от которых берёт начало термин «менталитет», означают ещё характер, душевный склад и душу⁹⁸. Понятия же души и психики по содержанию тождественны: оба они характеризуют все духовные явления, переживания человека, рациональные и чувственно-эмоциональные, сознаваемые и несознаваемые.

В книге «Язык и ментальность» В.В. Колесов отмечает, что латинский корень *mens* (в родительном падеже *mentis*) сохранил много значений, метонимически растущих одно из другого по смежности смысла. Так оно, видимо, и происходило в движении мысли: рассудок'>'ум'>'мышление'>'образ мыслей'>'настроение'>'душевный склад'>'душа'. «Начав с простого рассудка, возносимся к душе как носительнице всего, уже перед тем явленного в значениях слова. Народы Западной Европы из понятия *mens* удержали исконное его содержание, их менталитет направлен на рассудок и мысль. Таково знаменитое *ratio*... Народы Восточной Европы в движение родственной мысли включились позднее и потому в своем восприятии как бы ухватили «кончик»

97 См.: Картушина И.Г. Формирование профессионального менталитета инженера по организации и управлению на транспорте: Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата педагогических наук: 13.00.08. Калининград, 2004. 22 с.

98 Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. 2-е изд. М: Русский язык, 1976. С. 630.

в данной цепочке смыслов слов. Настроение, душевный склад и просто душа для них более важные ценности, чем шаловливая в своем непостоянстве мысль или трезвый рассудок»⁹⁹. Как видим, и с этимологической точки зрения менталитет целесообразно считать характеристикой всей психики. Поскольку все составляющие психики человека как общественного существа формируются в соответствующих социальных условиях, то следует говорить, что в менталитет входят социально-психологические особенности индивидов и социальных групп разной степени общности.

«Неосознанность или неполная осознанность – один из важных признаков ментальностей»¹⁰⁰ – писал А.Я. Гуревич. Думается, что ограничение менталитета только бессознательными или частично осознаваемыми психическими явлениями было бы обеднением его содержания. Поскольку как осознаваемые, так и неосознаваемые психические явления служат характеристикой субъекта и управляют его активностью и ещё осуществляются постоянные взаимопереходы между сознательным и бессознательным, то в содержание менталитета следует включать особенности и тех, и других психических явлений. Например, такие компоненты менталитета, как перцептивные и мыслительные установки, являются бессознательными. А ценностные ориентации – это рефлекслируемые элементы менталитета: люди довольно ясно осознают, к чему они стремятся и что им нужно. Осознаваемыми ментальными особенностями служат, к примеру, и определённые политические идеи и пристрастия, входящие как компоненты в содержание политического менталитета. Осознаваемыми являются и научные знания, представляющие существенный компонент профессионального менталитета учёных. А.И. Гришук и М.М. Ковальзон справедливо отмечают, что менталитет представляет собой единство сознательного и бессознательного, рационального и эмоционального, вербализованного и невербализованного¹⁰¹. По мнению В.С. Барулина, «ценность теории менталитета заключается в том, что она исходит именно из предельно широкого ареала истоков и факторов человеческой духовности, не замыкаясь ни в одном из них и принципиально не отвергая никакой из них. Здесь отсутствует жёсткая редукция, которая бы исключала из состава менталитета по каким-либо мотивам любую часть человеческой духовности (скажем, область бессознательного)»¹⁰².

На наш взгляд, понятие менталитета может быть по-настоящему эвристичным, если будет охватывать всю систему социально-психологических особенностей индивидуального или коллективного субъекта. На необходимость

99 Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. С.11–12.

100 Гуревич А.Я. Предисловие // Арьес Ф. Человек перед лицом смерти / Пер. с франц.; Общ. ред. Оболенской С.В. М.: Прогресс-Академия, 1992. С. 37.

101 Гришук А.И., Ковальзон М.М. На пути постижения ментальности. СПб.: Питер, 2003. 286 с.

102 Барулин В.С. Социально-философская антропология. Общие начала социально-философской антропологии. М.: Онега, 1994. С. 106.

понимания ментальности как системы и на синтетический характер категории менталитета справедливо обращает внимание В.М.Власова¹⁰³.

Далее мы отметим, что менталитет – это и относительно устойчивые особенности сознательной и бессознательной психики, и ситуативные особенности, обусловленные текущими обстоятельствами. Ситуативные особенности представляют собой верхние уровни менталитета, а относительно устойчивые особенности – это его нижние, глубинные уровни. Различие между ними можно показать на таком примере. В соответствии с телевизионной программой «Розыгрыш» в комнату насильственно помещают и запирают в ней двух человек. Как только их туда поместили, они начинают общаться и обсуждать, что это за комната, почему их туда заперли, как им из неё выбраться и т.д. Результатом этого общения станет возникновение элементарного группового сознания – их представлений, мыслей, эмоций и других переживаний по поводу возникшей ситуации. Это элементарное групповое сознание является общим для данных двух людей и особенным в отношении к другим людям. Это особенное относится к самому поверхностному уровню менталитета, оно влияет на мышление и поведение этих людей, но недолго: как только ведущий телевизионной программы объявит, что это был розыгрыш, то отмеченные переживания перестают влиять на их поведение.

Поэтому надо возразить против исключения некоторыми авторами ситуативных психологических особенностей из содержания менталитета. Понятие менталитета первоначально вводилось для описания тех психических особенностей и черт личности, которые оказывают влияние на восприятие, поведение и деятельность. Ситуативные особенности оказывают такое влияние, хотя и недолгое, поэтому их следует включить в состав менталитета. Важно также и то, что полезные в будущем ситуативные ментальные особенности могут закрепляться и становиться постоянными. Относительно устойчивые социально-психологические особенности оказывают постоянное влияние на активность людей. Допустим, если один из описанных в выше приведённом примере людей был воспитан в условиях свободы и соблюдения прав личности, а второй – в условиях тоталитарного режима и несоблюдения прав, то первый из них будет обладать установкой на активное изменение ситуации, а второй – установкой на пассивное ожидание (один будет говорить: «Давай выбираться сами», а второй: «Давай подождём»). Вот эти их установки следует относить к глубинному уровню менталитета: они будут действовать не только в данной, но и в других жизненных ситуациях.

Элиминация ситуативных социально-психологических особенностей из содержания менталитета делает затруднительным объяснение того, как изме-

103 Власова В.М. Социально-философский анализ сущности человека в историческом контексте. М.: Изд-во МГСУ, 2003. С. 164–165.

няется, развивается менталитет и как он участвует в социокультурной динамике. Недаром известный английский учёный П.Бёрк отмечает, что «историки не могут пока объяснить изменение менталитета во времени»¹⁰⁴. И причина этого, по-видимому, заключается в не совсем точной трактовке менталитета. Если под последним понимать лишь глубинные относительно устойчивые ментальные особенности, то нельзя учесть качество самодетерминации менталитета, обуславливающее его развитие, а также стимулирующую социальный прогресс функцию менталитета. Поэтому в состав менталитета следует включать и ситуативные, и относительно устойчивые особенности. Как справедливо отмечает Д.В.Полежаев, менталитет общества «включает в себя, по меньшей мере, два уровня: *внешний*, витальный, в значительной степени подвижный, связанный напрямую с изменяющимися жизненными обстоятельствами... и *внутренний* – инертный, более устойчивый, представляющий собой... «ядро», которое и корректирует ментальные установки»¹⁰⁵. Г. Телленбах и К. Арнольд показали, что в составе менталитета как целостной системы имеются элементы и слои, обладающие разной жизнестойкостью, осознанностью и интенсивностью¹⁰⁶.

Зарождение новых элементов менталитета, означающее его развитие, происходит в результате культурного творчества (у интеллектуальной элиты, творцов новых культурных смыслов) или внушения и обучения (в массах, у восприимчивых новых идей). Новые ментальные особенности вначале бывают ситуативными. Затем, если обнаружится действительная социальная значимость этих культурных смыслов или если путём искусной длительной дезинформации будет создана видимость такой значимости (что всегда бывает при тоталитарных режимах), ситуативные особенности закрепляются и становятся весьма устойчивыми, создавая глубинный уровень менталитета. В свою очередь ментальные особенности глубинного уровня при определённом изменении социальных условий или в результате информационных воздействий могут терять свою актуальность, становиться эпизодическими, ситуативными, а затем и вообще устраняться из менталитета.

Те особенности психики, которые подвержены межсубъектной дифференциации, мы будем именовать ментальными особенностями субъекта, а менталитет соответственно считать их совокупностью. Ситуативные ментальные

104 Бёрк П. Сила и слабости истории ментальностей // История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М.: Институт всеоб. истории РАН, Рос. гос. гум. ун-т, 1996. С. 58.

105 Полежаев Д.В. Русский менталитет: опыт социально-философского анализа: Автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора философских наук: 09.00.11. Волгоград, 2011. С. 19.

106 Арнольд К. Менталитет и воспитание // История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М.: Институт всеоб. истории РАН, 1996. С. 92–94; Tellenbach G. Mentalitat // Geschichte. Wirtschaft. Gesellschaft. Berlin, 1974.

особенности формируются и возникают в результате духовного творчества достаточно быстро как осмысление текущих социальных условий. Относительно устойчивые ментальные особенности возникают под влиянием достаточно продолжительного опыта и выражают фундаментальные для жизнедеятельности субъекта тенденции. К ментальным особенностям относятся и качества личности (например, способности, черты характера), и содержание психики (установки, представления, идеи).

Ментальные особенности, относящиеся к верхним и нижним уровням менталитета, отличаются друг от друга по трём признакам: 1) по степени своей осознанности, рефлексивности; 2) по величине устойчивости и различной способности к изменению; 3) по разной силе, регулирующей активность субъекта. Ментальные особенности верхнего уровня относительно подвижны и текучи, они могут изменяться сравнительно быстро под влиянием информационных воздействий или изменения условий жизни. В отличие от них ментальные особенности глубинного уровня обладают значительной инерцией, и их изменение требует длительного времени и больших усилий со стороны социума.

В том случае, если новые идеи соответствуют менталитету субъекта, то они легко и быстро принимаются им. Когда же такие идеи не отвечают менталитету субъекта, то их принятие зависит от того, с ментальными особенностями какого уровня эти идеи взаимодействуют. Если они захватывают только верхний уровень менталитета, то их усвоение может произойти весьма быстро посредством новых интерпретаций. В случае же столкновения этих идей с глубинными ментальными особенностями, их усвоение требует больших усилий. А.С.Ахиезер отмечает, что «одни идеи могут быть быстро усвоены широкими массами под идеологическим воздействием (например, новая **Интерпретация** носителей **Зла**), а другие – нет (например, требование массового овладения качественно новыми видами **Труда**, перехода к **Рынку**, отказа от местничества и ведомственности и т.д.)»¹⁰⁷. Причина такого различия – влияние на принятие идей субъектом его ментальных особенностей разного уровня и различной регулирующей силы.

Управляющую функцию в отношении активности субъекта – его поведения, деятельности, общения – выполняют все компоненты его менталитета. Но чем более глубинной и более устойчивой является эта особенность, тем большей регулирующей силой она обладает. Если возникает противоречие между двумя ментальными особенностями, то верх одерживает та из них, которая является более устойчивой и более глубинной.

Быть может, следует выделять не два, а большее количество уровней менталитета. Например, Ж. Дюби выделил четыре вида ментальных процессов в

¹⁰⁷ Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). Т. II. Теория и методология. Словарь. 2-е изд. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. 595 с.

зависимости от возможной скорости их изменения¹⁰⁸. Первый из них, по Дюби, представлен быстротечными и поверхностными процессами, например, душевными резонансами, вызванными умелой религиозной проповедью, ярким произведением искусства и т.п. Этот вид соответствует тому, что мы назвали ситуативными ментальными особенностями. Остальные три вида процессов, выделенных Дюби, принадлежат к относительно устойчивым глубинным слоям менталитета. А.А.Пелипенко и И.Г.Яковенко выделяют в духовном мире человека 5 уровней бессознательного и 2 уровня сознания¹⁰⁹. Вопрос об уровнях менталитета нуждается в дальнейшем изучении. *По-видимому, менталитет можно представить как трёхмерное непрерывное многоуровневое образование.* Чем более глубокий уровень занимает ментальная особенность, тем она менее осознанна данным субъектом, более устойчива и тем большей регулирующей силой она обладает.

В связи с вышеизложенным, может возникнуть трудность при интерпретации поведения человека, совершающего поступки в состоянии сильного эмоционального переживания – аффекта. Аффект, представляющий собой очень интенсивную эмоциональную реакцию на какие-либо текущие обстоятельства, казалось бы, является полностью ситуативной ментальной особенностью. Но, тем не менее, его огромное влияние на поведение человека никем не оспаривается и даже в некоторых случаях служит основанием для его оправдания на суде. Представим такую ситуацию: муж застаёт жену с любовником и в состоянии аффекта совершает убийство. Является ли эта ситуация контрпримером, демонстрирующим, что ситуативные ментальные особенности могут в некоторых случаях быть сильнее по своей способности регулировать поведение индивида, чем устойчивые особенности? На наш взгляд – нет.

Дело в том, что аналитическое рассмотрение ситуативных и устойчивых ментальных особенностей в отрыве друг от друга является неким упрощением и схематизацией. На самом деле, *ситуативные особенности формируются НЕ без какого-либо участия глубинных, устойчивых особенностей.* Так, в нашем примере состояние аффекта стало возможным из-за определенного сочетания глубинных ментальных особенностей индивида. К примеру, такими устойчивыми особенностями могли быть особенности темперамента данного мужчины и его представление о категорической недопустимости супружеской измены. Особенности темперамента, безусловно, относятся к глубинным уровням менталитета, так как практически не изменяются в течение жизни и мало управляются сознательно-волевыми усилиями индивида. А идея недопустимости измены является производной от особенности мотивационной

108 DUBY G. L-histoire des mentalités // L-histoire et ses methods. Sous la dir. De Ch.Samaran. P.: Découverte, 1961. P. 237–266.

109 Пелипенко А.А., Яковенко Г.И. Культура как система. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 166.

(центральной, ключевой) сферы психики индивида, заключающейся в придании чрезвычайной ценности семейной жизни и супружеской верности. Так же могло оказаться, например, что идея расправы над изменниками была бы глубинным компонентом какого-нибудь группового менталитета, носителем которого был данный мужчина, скажем, компонентом его этнического менталитета или криминального менталитета.

Предположим теперь, что мужчина в нашей ситуации обладал бы не такой природной возбудимостью и неуравновешенностью; идея супружеской неверности не была бы им так категорически порицаема (к примеру, он сам изменял), а супружеская верность не воспринималась бы им как безусловная ценность, которую нельзя предать; и он являлся бы членом такой социальной группы, которая пропагандирует свободные отношения между супругами – то никакого убийства бы не произошло, равно, как и не было бы аффекта такой интенсивности. В свете всего сказанного становится ясно, что «самостоятельность» аффекта и его «всесилие» управлять поведением субъекта является иллюзией. Данная ситуативная особенность – аффект – приобретает такую силу благодаря тому, что черпает свою энергию из более глубоких устойчивых ментальных особенностей, являясь их проявлением и выражением. Следовательно, общее положение о том, что устойчивые ментальные особенности обладают большей регулирующей силой, не опровергается рассматриваемым примером.

В содержание менталитета следует включать не только качественные, но и количественные ментальные особенности. В этом содержании можно выделить три компонента, или три группы ментальных особенностей субъекта:

1) те уникальные признаки (чувства, установки, идеи, стереотипы, ценностные ориентации, черты характера, способности и др.), которые есть у данного субъекта, и которых нет у других.

2) такое своеобразное сочетание признаков, которое присуще только данному индивидуальному или коллективному субъекту; имеется в виду, что эти признаки по отдельности или в иных сочетаниях могут быть присущи и другим субъектам, но данная их комбинация характерна лишь для этого субъекта. К примеру, профессиональный менталитет учёного включает в себя следующее сочетание качеств: любовь к истине, интеллектуальную честность, развитое воображение и вместе с тем критицизм, самостоятельность мышления, широкий кругозор, смелость, целеустремлённость, настойчивость, веру в себя и в возможности науки, стремление улучшить жизнь людей.

3) такая количественная выраженность признака, которая специфична для данного субъекта ментальности. Например, по данным Х. Айзенка и Д. Эванса, средняя величина коэффициента интеллектуальности, служащего обобщённой характеристикой способностей, у докторов наук составляет примерно 130, у

студентов университетов – 120, у юристов и банкиров – 128, у авиамехаников, электриков, токарей – 109, у маляров и водителей – 96–98, у пастухов – 88¹¹⁰. Приведённые показатели служат одной из характеристик профессиональных менталитетов.

По-видимому, 3-й из приведённых выше показателей менталитета является наиболее валидным. Как справедливо отмечает Г.М. Андреева, «любая черта из выделенных в национальных характерах (по нашему – в национальных менталитетах – Н.Г.) различных групп не может быть жёстко привязана только к данной нации; каждая из них, строго говоря, является общечеловеческой: нельзя сказать, что какому-то народу присуще трудолюбие, а другому – общительность. Поэтому речь идёт не столько о каких-то различных «наборах черт», сколько о степени выраженности той или другой черты, о специфике её проявления»¹¹¹.

Менталитет может изучаться и по количественной выраженности не самого ментального признака, а его проявления. Например, мужчины в разговоре в среднем сохраняют молчание (паузу) продолжительностью 3,21 секунды, а женщины – 1,35 секунды¹¹²; в течение часа в среднем финны жестикулируют 1 раз, итальянцы – 80, французы – 120, мексиканцы – 180 раз¹¹³.

Те признаки, которые присущи всем членам общества, могут входить в состав менталитета лишь в том случае, если они имеют количественную градацию, то есть варьируют по своей величине. Специфические для данного субъекта величины таких признаков и будут компонентами его менталитета. К подобным компонентам относятся, например, входящие в профессиональные менталитеты величины общих способностей – сенсорно-перцептивных, мнемических, мыслительных, воли, воображения, организаторских, коммуникативных и некоторых других. Одинаковые в качественном и количественном отношении у всех людей признаки в содержание менталитета не входят. Они входят в состав их духовного мира и систему личностных качеств. Если какая-либо ментальная особенность распространяется в социуме и начинает охватывать всех людей, то она перестаёт быть элементом менталитета и становится компонентом духовного мира данных субъектов.

Идентификация менталитета – это *выделение особенного из единичного*. Такое выделение является процедурой *спецификации*, отличающейся от процедуры обобщения – выделения общего из единичного. *Процедура спецификации – конкретное изучение того или иного менталитета – предполагает вычленение и описание ментальных особенностей – уникальных социально-психологи-*

110 Айзенк Х., Эванс Д. Энциклопедия психологических тестов: Коэффициент интеллектуальности вашего ребёнка. М.: АСТ, 1997. 192 с.

111 Андреева Г.М. Социальная психология. М.: Наука, 1994. С. 144.

112 Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. 240 с.

113 Гришук А.И., Ковальзон М.М. На пути постижения ментальности. СПб.: Питер, 2003. 286 с.

ческих признаков субъекта, своеобразного сочетания социально-психологических признаков или их специфической величины.

В некоторых случаях менталитет ошибочно отождествляется с формой, или способом, его проявления и выражения. Так, А.И. Гришук и М.М. Ковальзон пишут, что ментальность можно и нужно рассматривать как текст¹¹⁴. Думается, что эти авторы неправомерно расширяют объём понятия «текст» и отождествляют менталитет с одной из форм его проявления. Ментальность, как мы стараемся показать, – это либо оригинальное содержание духовного мира (идеальные образы) субъекта, либо его особенные социально-психологические свойства. Текст, как его правильно определял ещё М.М. Бахтин, есть «всякий связный знаковый комплекс»¹¹⁵. А знак – это «такое явление (материальная вещь, свойство, процесс, действие, психический феномен), которое, не обладая структурным соответствием с другим каким-либо явлением, способно в определённых процессах представлять или замещать его»¹¹⁶.

Категория знака имеет смысл лишь тогда, когда имеется знаковая ситуация, включающая в себя семантический треугольник, состоящий из знака, семантического значения (образа) и денотата (обозначенного предмета). Ясно, к самому менталитету ни понятие знака, ни понятие текста не применимо. Менталитет большей своей частью состоит из образов. Одним из внешних выражений менталитета, наряду с другими предметами творческой деятельности человека и его речью, служит и текст, и его изучение, естественно, является важным способом постижения ментальности. Представляется, что приравнивание менталитета к тексту – это бессознательная уступка постмодернистской моде, согласно которой, вообще, всё бытие якобы есть текст, что, конечно, совершенно необоснованно.

Как известно, особенное не существует вне единичного, оно воплощено в последнем. Менталитет как особенное тоже не существует самостоятельно, а воплощён в психологии конкретных субъектов. Поэтому и исследование менталитета невозможно без изучения социально-психологических качеств субъектов – индивидов или социальных групп. Многие авторы любое изучение духовного мира людей именуют изучением менталитета, что неверно. Исследование менталитета – более сложная задача, чем просто исследование духовного мира субъекта, как индивидуального, так и коллективного.

Исследование менталитета предполагает два этапа: 1) идентификация социально-психологических признаков у разных субъектов и степени выраженности этих признаков; 2) сравнение социально-психологических признаков различных субъектов и выявление на основе этого их особенностей, то есть

114 Там же.

115 Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. С. 306.

116 Губанов Н.И. Чувственное отражение. М.: Мысль, 1986. С. 53.

менталитета, каждого из них. О необходимости сравнения ментальных особенностей исторических субъектов одним из первых указал Л. Леви-Брюль¹¹⁷. Известный французский учёный А. Дюпрон отмечает, что история состоит как из непрерывности, так и из различий; важнейшей величиной истории является различие, предполагающее использование метода сравнения при изучении исторических типов менталитета¹¹⁸. Ф. Арьес, также подразумевая необходимость метода сравнения, отмечает, что всё «непохожее есть благодарная материя для историка ментальностей»¹¹⁹. Если ментальные признаки выделяются, но процедура сравнения не производится, то это есть изучение сознания, бессознательного, психики, но не менталитета. При изучении менталитета применяются те же методы, что и при исследовании сознания и психики человека. К ним относятся культурно-исторические, герменевтические, социологические и психологические методы. Только изучение менталитета, как следует из изложенного, дополнительно требует сравнения результатов, полученных этими методами у разных субъектов.

Вторая характеристика. Сознание субъекта и в целом его психика обусловлены генотипом, окружающей средой и собственным духовным творчеством субъекта, то и менталитет детерминируется, во-первых, особенностями генотипа, во-вторых, своеобразием природных и социальных условий и, в-третьих, качеством и степенью собственной духовной активности субъекта как формой самодетерминации. Все эти три фактора запечатлеваются в содержании менталитета.

Третья характеристика. Менталитет посредством перцептивных и мыслительных установок, доминирующих потребностей и вызванных ими эмоций детерминирует своеобразный характер восприятия мира и эмоционального реагирования на его события.

Четвёртая характеристика. Сознание субъекта и в целом его психика регулируют речь, поведение и деятельность людей, а менталитет определяет специфический характер человеческой активности, в частности, её направленность. Изучение менталитета сверх исследования просто духовного мира субъекта, его сознания и психики, важно потому, что нас интересует вопрос не только о том, почему происходит данная деятельность, но и о том, почему данная деятельность имеет именно этот характер, почему она именно такая, а не какая либо другая. В этом заключается эвристичность категории менталитета.

117 Levy-Bruhl Lucien. La Mentalite primitive. P., 1922. 448 p.

118 Дюпрон А. Проблемы и методы истории коллективной психологии // История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М.: Институт всеоб. истории РАН, Рос.гос.гум. ун-т, 1996. С. 22–25.

119 Арьес Ф. История ментальностей // История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М.: Институт всеоб. истории РАН, Рос.гос.гум. ун-т, 1996. С. 28.

Пятая характеристика. Менталитет – это средство осуществления социальной самоидентификации субъекта. Самоидентификация – это осознание своей идентичности после ответа на вопрос: кто я? А под «идентичностью» понимается некий целостный образ, который индивид составляет о себе самом, неизменный во всех жизненных ситуациях, в которых осознаёт себя индивид»¹²⁰. Идентичность всегда есть осознание принадлежности себя к определённой социальной группе. Самоидентификация обуславливается потребностями индивида в безопасности и принадлежности к сообществу. Благодаря самоидентификации человек принимает групповые нормы поведения как свои собственные. Самоидентификация осуществляется в процессе осознания субъектом своих ментальных особенностей и сравнения их с особенностями других субъектов. В результате этого происходит отнесение человеком себя к определённой социальной общности – профессиональной группе, спортивной или иной игровой команде, классу, нации, расе, населению исторической эпохи или какой-либо территории и др. (например, «я – врач», «я – русский», «я – гражданин России»). Таким образом, возникновение чувства социальной принадлежности осуществляется благодаря менталитету.

Шестая характеристика. Менталитет – основа социальной солидарности и средство обеспечения единства социальной общности. Осознание себя частицей соответствующей социальной группы далее формирует чувство социальной солидарности и вытекающее из него стремление оказывать моральную, материальную и организационную поддержку членам своей социальной группы. Впервые догадка об этом была высказана Э.Дюркгеймом. Посредством чувства групповой солидарности менталитет интегрирует социальную общность и выполняет функцию поддержания единства этой общности.

Седьмая характеристика. Менталитет – средство осуществления преемственности в развитии социума и непрерывности его существования. Во-первых, это происходит благодаря детерминируемой менталитетом стабильности воспроизводственной деятельности субъекта во всех сферах его бытия. Во-вторых, преемственность осуществляется в результате транслирования через менталитет от поколения к поколению важных для данного социума ценностных ориентаций, норм поведения и стиля мышления.

Восьмая характеристика. Менталитет – это фактор, стимулирующий социальный прогресс. Возникающие в результате творческой деятельности субъекта новые ментальные особенности как формы культуры входят в противоречие с существующими социальными отношениями. Разрешение этого противоречия в ходе конструктивной деятельности субъекта приводит к установлению более совершенных социальных отношений. Изложенное пока-

120 Гаджиев К.С. Национальная идентичность: концептуальный аспект // Вопросы философии. 2011. № 10. С. 4.

зывает, что менталитет выполняет в обществе следующие основные функции:

1. Осуществление социальной самоидентификации человека;
2. Формирование социальной солидарности и обеспечение единства социальной общности;
3. Поддержание преемственности существования социальной общности;
4. Стимулирование социального прогресса посредством культурных новаций.

Более конкретно указанные функции менталитета будут раскрыты в ходе дальнейшего изложения.

Если попытаться синтезировать отмеченные выше основные характеристики менталитета и учесть все его функции, можно дать такую его трактовку: *менталитет – это возникшая на основе генотипа под влиянием природной и социальной среды и в результате собственного духовного творчества субъекта система качественных и количественных социально-психологических особенностей человека или социальной общности; эта система детерминирует специфический характер восприятия мира, эмоционального реагирования, речи, поведения, деятельности, самоидентификации субъекта, обеспечивает единство и преемственность существования социальной общности, а также стимулирует социальный прогресс посредством продуцирования культурных новаций.* Менталитет – это тип сознания и бессознательного индивида или социальной группы.

Каким статусом в системе частнонаучного и философского знания обладает понятие менталитета? В настоящее время этим понятием пользуются и ведут исследование различных аспектов или сторон менталитета историки, социологи, социальные психологи, политологи, культурологи, лингвисты, этнографы, правоведы, педагоги. Но понятие менталитета имеет, на наш взгляд, не частнонаучный, а философский характер. А.И. Гришук и М.М. Ковальзон справедливо, по нашему мнению, отмечают, что в социальной философии нет другого понятия, которое фиксировало бы сознательное и бессознательное в социуме, кроме понятия ментальности. И сознательное, и бессознательное в детерминации социально-исторических процессов играют существенную роль, и поэтому понятие ментальности должно быть включено в систему социально-философских категорий¹²¹.

В качестве аргументов в пользу положения о философском статусе понятия менталитета можно привести два довода. Во-первых, понятие менталитета по своей информационной значимости является однопорядковым с категориями сознания и бессознательного психического, поскольку отражает особенности сознания человека и его психики в целом. Понятия же сознания и бессознательного – философские категории.

121 Гришук А.И., Ковальзон М.М. На пути постижения ментальности. Спб.: Питер, 2003. 286 с.

Во-вторых, понятие менталитета является однопорядковым по своей значимости с категорией личности. Менталитет накладывает свой отпечаток на восприятие человеком всех явлений мира и на его деятельность в экономической, политической, социокультурной и бытовой сферах. Тем самым менталитет служит важнейшей интегральной характеристикой личности, выражая её уникальность. Поскольку понятие личности – философская категория, то и понятие менталитета должно иметь статус философской категории.

Категория менталитета имеет социально-философский, культурологический, антропологический и гносеологический аспекты. При рассмотрении регулирующей активности субъекта функции менталитета это понятие выступает как категория социальной философии, при раскрытии функции менталитета, заключающейся в порождении новых культурных смыслов и в стимулировании прогресса, – как категория культурологии, при исследовании качеств человека – как категория философской антропологии. Когда же изучается отражательный характер духовного мира человека, содержание и условия формирования идеальных образов, составляющих менталитет, то это понятие выступает уже в качестве гносеологической категории. Таким образом, категория менталитета в системе философского знания выполняет интегративную функцию и связывает культурологию, социальную философию, философскую антропологию и гносеологию.

Категория менталитета стала новой в нашей социальной философии постперестроечного периода, так как в отечественной философии советского периода понятие менталитета в качестве философской категории не использовалось. Познавательный характер и регулирующие функции духовного мира индивидуального и коллективного субъекта описывались с помощью категорий индивидуального сознания, группового сознания, общественного сознания, массового сознания, идеального, субъективной реальности, общественной психологии, идеологии, мировоззрения. И такой подход давал определённые научные результаты. По сравнению с названными категориями понятие менталитета обладает дополнительными эвристическими возможностями. Понятие менталитета, во-первых, служит интегральной характеристикой *уникальности* духовного мира субъекта, во-вторых, способствует пониманию *специфического типа* восприятия мира субъектом и, в-третьих, объясняет *особый способ* его поведения и деятельности.

Духовный мир человека регулирует активность (общение, поведение, деятельность) субъекта в целом, а менталитет в составе духовного мира детерминирует специфический характер этой активности, её направленность. В возможности выявления специфики активности, поиска ответов на вопросы не только о том, почему происходит данная индивидуальная и массовая деятельность, но и о том, почему эта деятельность имеет *именно данный* характер,

почему субъект воспринимает явления мира *именно таким образом*, заключаются новые эвристические потенции категории менталитета по сравнению с традиционными для отечественной философии категориями индивидуального, группового и общественного сознания, общественной психологии, идеологии, субъективной реальности, идеального, мировоззрения. Например, категория менталитета позволяет дифференцировать ответы на вопросы: «Почему человек работает?» и «Почему он работает *по данной специальности?*»; «Почему люди участвуют в политическом движении?» и «Почему они участвуют *в этом* движении, а в *других* не участвуют?»; «Почему человек разделяет религиозные взгляды?» и «Почему он разделяет *именно эти* взгляды?»; «Почему молодой человек увлекается музыкой?» и «Почему он любит *именно этих* композиторов?» и т.п.

Таким образом, потребность в понятии менталитета возникает тогда, когда необходимо дифференцированно характеризовать виды человеческой активности. Помимо приведённых выше можно привести ещё примеры дифференцированного подхода к активности субъектов, скажем, объяснять, не только почему люди участвуют в политическом движении, но и почему одна группа людей участвует в одном движении, а другая группа из той же самой страны – в ином. *Вот здесь то у понятия менталитета и проявляются дополнительные возможности по сравнению с понятием общественного сознания.*

Тем самым категория менталитета способствует более конкретному описанию человеческой активности, а в последующем и более глубокому её объяснению. Эта категория помогает также объяснить, почему одни идеи легко принимаются данным социумом, а другие нет. Так, В.В.Лапаева показывает, что правовые идеи, отдающие приоритет индивидуальной свободе и правам человека, плохо принимаются в нашей стране из-за некоторых особенностей российского менталитета¹²². Применительно к взаимодействию социальных групп и цивилизаций понятие менталитета позволяет исследовать вопрос о том, почему в одних случаях такое взаимодействие плодотворно для взаимодействующих сторон, а в других случаях из-за деструктивных ментальных различий социумов это взаимодействие имеет негативные последствия. Концепт глобалистского менталитета может быть плодотворным в разработке вопроса об условиях предотвращения межцивилизационных конфликтов¹²³.

Произведённый анализ показывает необоснованность отрицания некоторыми авторами необходимости понятия менталитета. Существует такая реальность, как социально-психологические особенности индивидуального и коллективного субъекта. Данная реальность играет существенную роль в

122 Лапаева В.В. Российская философия права в контексте западной философско-правовой традиции // Вопросы философии. 2010. № 5. С. 5.

123 Губанов Н.И., Губанов Н.Н. Глобалистский менталитет как условие предотвращения межцивилизационных конфликтов // Социологические исследования. 2011. № 4. С. 51–58.

социокультурной динамике. Отражением сущности и содержания указанной реальности служит категория менталитета. Эта категория позволяет выявить специфику человеческой активности, служит связующим звеном между эпистемологией, социальной философией, антропологией, культурологией, а также способствует синтезу различных концепций детерминации развития общества. В третьей главе мы покажем новые эвристические возможности категории менталитета для объяснения некоторых социальных процессов.

1.3. Место категории менталитета в системе категорий социальной философии

Категория менталитета стала весьма широко использоваться в политологических, психологических, педагогических, социологических, культурологических, лингвистических исследованиях. Для реализации новых эвристических возможностей понятия менталитета его необходимо отграничивать от близких и смежных понятий, таких как «мировоззрение», «общественное сознание», «общественная психология», «идеология», «образ мышления», «национальный характер», «ценностные установки».

Мировоззрение и менталитет. *Мировоззрение* – это система наиболее общих представлений о мире в целом и месте человека в этом мире. Оно включает в себя совокупность взглядов, представлений, принципов, эмоций, оценок, определяющих видение и понимание мира, места в нём человека, а также вытекающие из указанных принципов жизненные позиции, программы поведения и деятельности людей.

Мировоззрение складывается из элементов, относящихся ко всем формам и уровням общественного сознания (обыденных и научных знаний, религиозных, нравственных, эстетических, политических, правовых и других идей, норм, представлений, чувств). В целом мировоззрение включает в себя три основных компонента: 1) когнитивный, или познавательный, который, в свою очередь, состоит из мироощущения, мировосприятия, миропредставления и миропонимания; 2) аксиологический, или ценностно-эмоциональный, представленный идеалами, нормами, оценками, чувствами; 3) праксеологический, включающий в себя программы поведения и деятельности субъекта. Мировоззрение, включая в себя знания человека о мире, оценку его явлений, а также знания о себе самом, позволяет ему решать вопросы о смысле жизни, счастье и способах его достижения.

Имеется мнение, что менталитет человека служит частью его мировоззрения¹²⁴. Изложенные выше положения не позволяют согласиться с этим мнением. Сравнение компонентов менталитета и мировоззрения показывает,

124 Першиц Р. Анатомия ментальности. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. 143 с.

что понятия менталитета и мировоззрения частично совпадают по своему содержанию, а частично не совпадают. Особенности мировоззрения, то есть специфические для данного субъекта знания, оценки и эмоции, программы деятельности, входят в состав его менталитета как элементы. Одинаковые в качественном и количественном отношении у всех членов общества компоненты мировоззрения в состав менталитета не входят. Менталитет, помимо особенностей мировоззрения, включает в себя ещё особенности бессознательного психического, а также и личностные особенности субъекта менталитета – своеобразие его темперамента, характера, мотивов, интеллекта как системы способностей. Таким образом, *множество элементов менталитета частично совпадает с множеством элементов мировоззрения, т.е. они являются частично перекрывающимися объектами.*

Общественное сознание и менталитет. Для того чтобы раскрыть соотношение понятий менталитета и общественного сознания, необходимо установить связь общественного и индивидуального сознания, а также выявить структуру общественного сознания. Общественное сознание формируется из элементов индивидуальных сознаний. Впервые это было обосновано в работах В.Вундта¹²⁵. Элементы индивидуального сознания становятся компонентами общественного сознания тогда, когда они включаются в систему общественной коммуникации. Если индивидуальная идея принимается общественностью, то она начинает выполнять регулятивную функцию в отношении деятельности не только породившей её личности, но и социальной группы или нескольких групп.

Допустимо выделять разные степени общественности индивидуальных идей, понимая под ними меру включённости этих идей в систему коммуникации и сознания других людей. Например, научная идея, выработанная учёным, есть достояние его личного сознания. Изложенная, скажем, на научной конференции университета, она уже становится элементом общественного (группового) сознания, но степень её общественности ещё небольшая. Эта степень будет повышаться, если данную идею опубликовать в научном журнале, центральных газетах, передать по радио, телевидению и т.д. Но существует и обратный процесс: каждое индивидуальное сознание само формируется в результате воздействия на него со стороны общественного сознания. При этом влияние индивидуального сознания на общественное особенно велико, когда данное индивидуальное сознание уже достигло зрелости. Воздействие же общественного сознания на личное особенно значительно в период становления последнего в ходе обучения и воспитания как форм социализации личности.

Таким образом, общественное сознание есть множество социально значимых индивидуальных по происхождению идей, представлений, чувств, вклю-

125 Wundt W. Volkerpsychologie. B.: Muller Verlag, 1900–1920.

чѐнных в систему общественной коммуникации и выполняющих регулятивную функцию в отношении деятельности социальных групп. Общественное сознание нельзя представлять как сумму индивидуальных сознаний. Оно избирательно в отношении результатов деятельности последних: определённые элементы в общественное сознание из индивидуального входят, а другие (связанные преимущественно с личной и бытовой жизнью) – нет. Аналогично обстоит дело и с индивидуальным сознанием, в отношении общественного сознания оно также избирательно: что-то включает в себя, а что-то – нет. Например, отдельные люди могут не знать тех или иных научных положений, политических и религиозных идей, произведений искусства, относящихся к общественному сознанию. Поэтому соотношение содержания сознания одного человека и содержания общественного сознания в целом не может непосредственно характеризоваться понятиями части и целого, а также единичного и общего. Это соотношение выражается в их частичном совпадении и частичном несовпадении: общественное сознание и сознание отдельного человека имеют перекрывающиеся и неперекрывающиеся поля. Притом, для разных людей эти поля различны, т.е. зоны перекрытия этих понятий индивидуальны.

Наряду с этим, определённые моменты взаимоотношений индивидуально и общественного сознания могут характеризоваться при посредстве категорий единичного, особенного, общего. В целостной системе общественного сознания можно выделять относительно самостоятельные части, или сферы, которые соотносятся с индивидуальным сознанием как общее с единичным. Каждую такую часть, или сферу, можно назвать групповым, или коллективным, сознанием. Групповое сознание социальной общности охватывает то общее, что содержится в индивидуальном сознании членов этой общности. Так, классовым сознанием могут быть названы те общие и наиболее существенные идеи, взгляды, чувства, которые выражают главные интересы представителей данного класса и присущи большинству его членов. Профессиональным сознанием можно считать те знания, навыки, умения, принципы деятельности, этические нормы, которые отличают большинство представителей данной профессии. Национальное сознание представлено настроениями, чувствами, идеями и взглядами, присущими большинству представителей нации, выражающими их наиболее главные интересы и определяющими направления их деятельности.

Каждое групповое сознание может обладать различной степенью общности. Если рассматриваемая группа как элемент входит в более широкую общность, то данное групповое сознание в отношении индивидуальных сознаний её членов будет выступать как общее, а в отношении более широкой общности как единичное. То, что отличает одно групповое сознание от других – это особенное. Поэтому в отношениях друг к другу групповые сознания выступают

как особенное. *В целом же общественное сознание – сложная система частично перекрывающихся и частично неперекрывающихся профессиональных, классовых, национальных, территориально-поселенческих и других групповых сознаний, обладающих своими особенностями, различной степенью общности и интегрируемых своими системами коммуникации.*

Важно отметить, что выделение групповых сознаний как относительно самостоятельных сфер общественного сознания важно в методологическом отношении с целью осуществления дифференцированного подхода к духовной деятельности разных социальных общностей. Однако, признавая важность такого выделения, нельзя согласиться с мнением о том, что групповое сознание само по себе не является общественным сознанием, а последнее якобы включает в себя лишь общее из того, что присуще групповым сознаниям.

Реализация такого подхода приводит к резкому сужению содержания общественного сознания. В него нельзя включить, например, науку во всей её полноте, поскольку существуют группы людей, не знающих тех или иных отраслей научного знания, да и вообще не знакомых с наукой, религию во всех её течениях, так как имеются разные вероисповедания, а также атеисты. Словом, ни одну форму общественного сознания нельзя представить как инвариант групповых сознаний, такой инвариант был бы весьма бедным. Сказанное показывает, что групповое сознание не есть что-то иное по сравнению с общественным сознанием, а случит именно его частью, или сферой, и выделять его точнее не из общественного сознания, а только в пределах последнего.

В социологических исследованиях используется ещё понятие массового сознания, под которым подразумевается совокупность идей, представлений и чувств, присущих большому количеству людей. Иногда массовое сознание может совпадать с групповым (например, массовое молодёжное или профессиональное сознание), но чаще всего для исследования выделяют массовое сознание, охватывающее части нескольких социальных групп. Иногда ещё используется и понятие «сознание общества», под которым понимается сумма всех индивидуальных сознаний, абстрагированная от их включённости в систему коммуникации.

Структура общественного сознания включает в себя уровни (деление по вертикали) и формы (деление по горизонтали). К формам общественного сознания относятся политическое, правовое, эстетическое сознание, мораль, религия, наука, философия. Они отличаются друг от друга по предмету отражения, по способу отражения и по своим функциям. По вопросу об уровнях общественного сознания среди авторов единодушия нет. Некоторые из них выделяют в качестве уровней общественную психологию и идеологию¹²⁶, другие

126 Семёнов Ю.И. Общественное сознание // Словарь философских терминов / Под ред. Кузнецова В.Г. М.: ИНФРА-М, 2004. С. 380.; Крапивенский С.Э. Социальная философия. 3-е изд.

– уровни обыденного и теоретического сознания и отдельно от них уровни общественной психологии и идеологии¹²⁷. На наш взгляд, уровнями общественного сознания служат обыденное и теоретическое сознание, а общественная психология и идеология являются частями этих уровней.

Указанные уровни общественного сознания отличаются друг от друга глубиной, систематичностью и точностью отражения действительности. Обыденное сознание возникает в процессе повседневной практики как стихийное и фрагментарное отражение бытия. Теоретическое сознание формируется целенаправленно деятелями духовной культуры и отражает глубокие существенные связи бытия. Значительную часть теоретического уровня занимает идеология – учения, которые прямо или косвенно выражают интересы социальных групп и общества в целом. В неё входят социально-философские, политические, правовые, экономические, этические, религиозные, эстетические учения. К идеологии не относятся входящие в теоретический уровень общественного сознания естественные науки, математика, логика, кибернетика, синергетика, нейтральные к групповым интересам. Уровень обыденного сознания тоже включает в себя две части: отражение природного бытия (эмпирические знания о природе) и отражение социального бытия. Вторая из этих частей может быть названа общественной психологией. Она представлена разнообразными мыслями, чувствами, настроениями, желаниями, привычками. Общественная психология вырастает непосредственно под влиянием конкретных условий социального бытия людей. Она не выступает в виде обобщённой системы воззрений, а существует в виде эмоций, нерелефлексированных настроений и взглядов, интуитивных оценок, необоснованных рационально идей и т.п. В общественной психологии сильно выражен эмоционально-оценочный компонент, связанный с потребностями людей и их идеалами. Общественная психология даёт энергию массовым движениям, побуждает людей на длительные настойчивые действия.

Таким образом, мы имеем довольно ясную картину состава и структуры общественного сознания. Как же соотносится понятие менталитета с этой картиной? В соответствии с концепцией, развиваемой в данной работе, в менталитет входят особенности всех частей, сфер, элементов, уровней общественного сознания. Если рассматривать общественное сознание человечества в целом, то ему, как уже отмечалось, никакой менталитет не соответствует, поскольку человечество не входит в более широкую социальную общность и нельзя выделить какие-либо его особенности. Если рассматривать общественное сознание не всего человечества, а какой-либо конкретной общности, скажем, нации, класса или страны, то можно заключить, что *категории менталитета и обще-*

Волгоград: Комитет по печати, 1996. 352 с.

127 Гусев С.С., Пукшанский Б.Я. Обыденное мировоззрение. Структура и способы организации. СПб.: Наука, 1994. 90 с.

ственного сознания частично совпадают, а частично не совпадают по своему содержанию. В групповой менталитет как его часть входят особенности общественного сознания, кроме них в нём, менталитете, имеются общие для данной группы особенности бессознательной психики членов этой группы, а также и личностные особенности данного субъекта менталитета – своеобразие его темперамента, характера, мотивов, интеллекта как системы способностей. Что же касается общечеловеческих составляющих общественного сознания, то не все они входят в групповой менталитет, а входят только те элементы, которые варьируют по своей величине. Специфические для данной группы величины таких элементов и будут компонентами её менталитета.

Подобным образом обстоит дело и с категориями общественной психологии и идеологии как характеристиками частей общественного сознания. Особенности общественной психологии, относящейся к нижнему уровню общественного сознания, и особенности идеологии, входящей в верхний уровень общественного сознания, служат компонентами менталитета, а одинаковые в качественном и количественном отношении у всех людей элементы сознания в менталитет не входят.

Образ мышления, национальный характер, духовный мир, менталитет.

Образ, или стиль, мышления – это компонент менталитета, аналогично тому, как мышление – часть психики. Термины «менталитет» и «национальный характер» иногда признаются синонимами, что, по нашему мнению, нельзя признать оправданным. Как справедливо отмечает И.Г. Дубов, «национальный характер, понимаемый как специфическое сочетание устойчивых личностных черт представителей конкретного этноса или как доминирующие в данном обществе ценности и установки, является, по существу, лишь частью менталитета как интегральной характеристики психологических особенностей людей, принадлежащих к изучаемой культуре»¹²⁸. Эту точку зрения разделяют И.А. Моисеева и В.И. Сороковикова, которые в специальной статье «Менталитет и национальный характер» отмечают: «Менталитет и характер не синонимы. Отличие менталитета от национального характера в том, что последний, являясь составной частью ментальности, включает общие психофизиологические черты жизнедеятельности (определяемые принятой нацией системой ценностей). Понятие «менталитет» по содержанию гораздо шире, чем понятие «национальный характер»»¹²⁹. Национальный характер – компонент менталитета, поскольку характер вообще – часть психики человека. В менталитет, кроме особенностей характера, входят мотивационные, перцептивные, когнитивно-интеллектуальные, рациональные, эмоциональные особенности носителя менталитета.

128 Дубов И.Г. Феномен менталитета: психологический анализ // Вопросы психологии. 1993. № 5. С. 22.

129 Моисеева И.А., Сороковикова В.И. Менталитет и национальный характер // Социологические исследования. 2003. № 2. С. 46.

Психологические установки, или ценностные ориентации, тоже компонент менталитета. Они относятся к особенностям его мотивационной, перцептивной, рациональной и эмоциональной сфер. Это обусловленные доминирующими потребностями представления и понятия о значимых для субъекта ценностях, а также связанные с этим эмоциональные переживания и программы возможных действий.

Коснёмся далее вопроса о соотношении понятий менталитета и духовного мира. Л.Н. Пушкарёв отмечает, что понятие менталитета близко к понятию духовного мира человека, но не равнозначно ему. Этим автором под духовным миром человека (личности) понимается его «сознательная психическая и общественная жизнь, взятая в совокупности и целостности... Общественные науки, анализируя духовный мир того или иного социального слоя, рассматривают совокупность проявлений деятельности разума, чувств и воли людей и их коллективного сознания, складывающегося на основе практики»¹³⁰. На наш взгляд, Л.Н. Пушкарёвым справедливо отмечается целостность духовного мира и наличие в нём рациональных, эмоциональных и волевых компонентов, однако к духовному миру, как мы полагаем, следует относить не только совокупность всех сознаваемых, но и несознаваемых психических переживаний людей в единстве сенсорно-перцептивных, эмоциональных, волевых, рациональных, мотивационных составляющих¹³¹. Сознаваемые и несознаваемые компоненты духовного мира неразрывно связаны, подвержены непрерывным взаимовлияниям и взаимопревращениям и должны поэтому рассматриваться в их единстве и взаимодействии.

Отличие между духовным миром и менталитетом, – полагает Л.Н. Пушкарёв, – состоит в том, что «духовный мир – это своеобразный итог, результат духовной деятельности человека. Менталитет же – это постоянно действующее активное начало в его деятельности»¹³². На наш взгляд, активностью обладает как духовный мир во всех его составляющих, так и менталитет, поскольку все без исключения составляющие сознания и психики человека так или иначе участвуют в управлении его активностью – восприятием, речью, поведением и деятельностью. В соответствии с основной идеей нашей работы, менталитет – это особенное в духовном мире субъекта, те оригинальные компоненты его духовного мира, которые составляют его уникальность, отличие от других субъектов и которые обуславливают специфический характер мировосприятия, эмоционального реагирования и практической активности субъекта.

130 Пушкарёв Л.Н. Что такое менталитет? Историографические заметки // Отечественная история. 1995. № 3. С. 164.

131 Духовный мир в работе понимается не в религиозном, а в научно-психологическом смысле – как множество индивидуальных сознаний во всей совокупности их элементов, а также и бессознательных компонентов психики людей.

132 Там же. С. 164.

Ментальность и менталитет. Помимо термина «менталитет», используется и термин «ментальность». Некоторые авторы считают их синонимами¹³³, другие – вкладывают в них различный смысл. С.С. Соловьёв полагает, что ментальность – это проявление менталитета, а последний есть системообразующий фактор душевного склада людей¹³⁴. С таким словоупотреблением едва ли можно согласиться. Менталитет, как и вся психика, проявляется в речи, поведении и деятельности людей. Зачем эти формы человеческой активности называть ментальностью, и какое эвристическое значение тут будет иметь новый, ненужный, как нам думается, термин? Так что эту версию соотношения понятий менталитета и ментальности одобрить, на наш взгляд, нельзя.

Ещё одна версия соотношения этих терминов заключается в следующем: «Менталитет имеет всеобщее, общечеловеческое значение (как, например, «мышление», «сознание»...)...В то же время «ментальность» может относиться к самым различным социальным стратам и историческим временам...»¹³⁵. Такое основание для дифференциации понятий менталитета и ментальности мы тоже не можем признать верным. То, что в социально-психологическом плане одинаково у всех людей, в менталитет вообще не входит. Его содержание составляют не общие, а особенные качества и признаки, позволяющие в психологическом отношении дифференцировать социальные общности и выявлять их специфику, влияющую на их активность.

Сторонник различения терминов «менталитет» и «ментальность», Л.Н. Пушкарёв отмечает, что термин «ментальность» обязан своим происхождением прилагательному «ментальный», производному от слова «менталитет». Посредством суффикса «-ность» от основ имён прилагательных образуются существительные, обозначающие признак, свойство или состояние, отвлечённое от предмета¹³⁶. Но такое рассуждение едва ли может служить основанием для различения менталитета и ментальности. Наиболее широкое значение слова «ментальный» в соответствии с его этимологией – это «психический», то есть относящийся к психике человека (сознательной и бессознательной)¹³⁷. Следовательно, ментальность – это признаки, свойства, состояния субъекта, присущие его психике. Психика в целом тоже обычно характеризуется как свойство, а именно как свойство мозга отражать мир¹³⁸.

133 Дубов И.Г. Феномен менталитета: психологический анализ // Вопросы психологии. 1993. № 5. С. 20–29; Гершунский Б.С. Менталитет и образование. М.: Институт практической психологии, 1996. 144 с.

134 Соловьёв С.С. Менталитет российского офицера: Вызовы XXI века // Социологические исследования. 2003. № 12. С. 50–61.

135 Пушкарёв Л.Н. Что такое менталитет? Историографические заметки // Отечественная история. 1995. № 3. С. 163.

136 См.: Пушкарёв Л.Н. Цит. Соч. С. 164.

137 Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. 2-е изд. М: Русский язык, 1976. С. 630.

138 Пономарёв Я. Психика // Философская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1967. Т. 4. С. 414–417.

Для того чтобы термин «ментальность» не совпал с термином «психика» и не стал лишним, хотя и красивым словом, мы должны ограничить ментальность особенностями психики. Но и менталитет есть, как мы старались показать, особенные социально-психологические признаки и свойства субъекта. Так что понятия менталитета и ментальности совпадают по содержанию. Пройдя цикл превращений «менталитет – ментальный – ментальность», смысл термина, обозначающего социально-психологические особенности субъекта, возвращается к самому себе.

По мнению Н.С. Южалиной, – которая наряду с другими авторами считает, что «менталитет» и «ментальность», – не синонимы, «ментальность – это, скорее, один из содержательных элементов, структурирующих целое менталитета»¹³⁹. Надо сказать, что до настоящего времени окончательно не решён вопрос о системообразующем факторе психики и личности, а вопрос о подобном факторе менталитета ещё сложнее. Нами выдвигается предположение, что мотивационные особенности, представленные специфическими потребностями, идеалами, ценностными ориентациями субъекта и определяющими направленность его деятельности, составляют ядро менталитета, которое в значительной степени определяет характер всех других его компонентов. Возможно, мотивационную сферу, направленность личности можно признать и системообразующим фактором менталитета. Однако нет никакой необходимости мотивационную сферу именовать ментальностью, поскольку психология имеет хорошо разработанный и устоявшийся категориальный аппарат для описания составляющих этой сферы и её связей с другими частями психики.

Д.В. Полежаев, по его словам, «предлагает содержательное разделение западного термина *mentalité* на «менталитет» и «ментальность», соотносящиеся между собой как «целое» и «часть», что позволит говорить о менталитете общества (или национальном менталитете) и ментальности личности (индивидуальной ментальности)»¹⁴⁰. Менталитет личности (индивида) и общества (социальной группы) соотносятся не как часть и целое, а как единичное и общее. Групповой менталитет любой степени сложности есть инвариант индивидуальных менталитетов, а не их сумма. Социально-психологические особенности индивидов – это менталитет личности, особенности социальных общностей – это групповой менталитет. Места для категории ментальности здесь нет.

Коллектив авторов – Н.Ф. Калина, Е.В. Чёрный, А.Ф. Шоркин – пишет: «Понятие «ментальность» понимается нами как базовая характеристика системы психологических механизмов репрезентации опыта в сознании людей

139 Южалина Н.С. Менталитет. Сущность и структура явления. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2002. С. 111.

140 Полежаев Д.В. Русский менталитет: опыт социально-философского анализа: Автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора философских наук: 09.00.11. Волгоград, 2011. С. 16.

исторически определённой лингвокультурной общности, фиксирующая *функционально-динамические* аспекты соответствующего внутреннего опыта..., тогда как более употребительное слово «менталитет» обозначает *содержательные* стороны феномена». И ещё: «Признав понимание **ментальности** как процесса «вторичной перекодировки» картины мира с помощью знаковых систем, как способа реализации модели мира в различных семиотических воплощениях, которые образуют универсальную систему, имеющую природу *семисферы*..., будем исходить из того, что понятие **менталитет** отражает наличие определённого содержания этой системы, обозначение которой позволяет наметить структурные связи между элементами не только в процессуальном, но и в функционально-содержательном аспектах. Иначе говоря, **политический менталитет** мы будем понимать как результат «работы» ментальности, как совокупность содержаний, образованных ментальностью той или иной общности. При этом, повторим, **политическая ментальность** понимается в процессуальном плане, как способ отражения и впитывания объективной политической реальности»¹⁴¹.

Но если вычленив суть из этих чрезмерно усложнённых выражений, то можно сделать вывод о том, что ментальность, по мнению указанных авторов, – это процесс познания (который всегда имеет знаково-образную природу), а менталитет – это знание, или результат познания. Но зачем познание называть ментальностью, а знание – менталитетом? Здесь эти термины не обладают собственным значением и эвристичностью.

Психика (и её часть – сознание) включают в себя предметно-содержательную и формально-операциональную (функционально-динамическую) стороны. К первой из них, служащей предметно-событийным отражением мира, относятся различные идеальные образы (ощущения, восприятия, представления, мысли, учения), которые представляют собой знания субъекта об окружающем мире, себе самом и значимых для субъекта ценностях. Функционально-динамическая сторона психики возникла в процессе антропосоциогенеза как отражение логики предметной деятельности человека. Эта сторона психики представлена способностями к формированию познавательных образов и способами оперирования ими. Операциональная сторона психики обеспечивает ход познания и формирование знания. В связи с различиями в генотипе и условиях образования различные субъекты могут отличаться друг от друга особенностями как предметно-содержательной, так и функционально-динамической сторон психики. Сами по себе указанные две стороны психики не есть ментальность или менталитет. В менталитет, или ментальность, входят лишь особенности содержательной и операциональной сторон сознания и психики –

141 Калина Н.Ф., Чёрный Е.В., Шоркин А.Ф. Лики ментальности и поле политики. Киев: Агропромиздат Украины, 1999. С. 7.

специфические знания субъекта и оригинальные способы получения знания. Но отмеченными особенностями менталитет не исчерпывается: в него входят ещё эмоциональные, характерологические и темпераментные особенности субъекта.

Нельзя, на наш взгляд, согласиться с положением Н.Ф. Калины, Е.В. Чёрного, А.Ф. Шоркина о том, что «ментальность как совокупность семиотических воплощений картины мира продуцирует конкретное содержание менталитета, который является, таким образом, *эпифеноменом ментальности*»¹⁴². Под эпифеноменом понимается явление, сопутствующее в качестве побочного продукта другим фундаментальным явлениям, но не оказывающее на них никакого влияния¹⁴³. Примером эпифеномена может быть тень пешехода, не оказывающая никакого влияния на его движение. Некоторые представители философии волюнтаризма (Э. Гартман, Ф. Ницше) рассматривали сознание и психику в качестве эпифеномена мировой воли. Отдельные представители вульгарного материализма считали сознание эпифеноменом мозговых физиологических процессов. Сторонники бихевиоризма (Э. Торндайк, Д. Уотсон) полагали, что сознание служит эпифеноменом поведения и деятельности. Любой вариант признания сознания и психики эпифеноменами сводит их к пассивным, ничего не значащим в жизни человека и общества, явлениям. Данный подход, таким образом, вообще упраздняет проблему менталитета в составе проблем социальной философии.

Можно отметить, что эпифеноменализм возник как результат неумения решить одну из сложнейших проблем культуры – проблему управляющей функции сознания как идеального (бестелесного) образования. Если идеальное не обладает физическими свойствами (массой, зарядом, энергией и др.), то, согласно логике эпифеноменализма, оно не может влиять на материальные процессы и только сопровождает их. Одной из попыток объяснения управляющей функции психики был физикализм, «материализовавший» мысль и приписывавший ей физические свойства. Но эта попытка бесплодна, поскольку она не признаёт специфику сознания как идеального образования и «устраняет» из мира какую бы то ни было духовность и субъективную реальность.

При исследовании проблемы психической причинности и управляющей функции идеального адекватным оказался информационный подход к проблеме «сознание и мозг»¹⁴⁴. Согласно ему, психическое (идеальное) есть непосредственно данная личности информация, информация как таковая, а

142 Калина Н.Ф., Чёрный Е.В., Шоркин А.Ф. Указ. Соч. С. 9.

143 Эпифеномен // Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 803.

144 Дубровский Д.И. Проблема идеального. Субъективная реальность. М.: Канон +, 2002. 368 с.; Дубровский Д.И. Зачем субъективная реальность или «почему информационные процессы не идут в темноте?» // Вопросы философии. 2007. № 3. С. 90–104.

материальным носителем этой информации служит нейродинамический код – конкретный мозговой процесс, в котором воплощено данное психическое явление. Если мысль, переживаемая индивидом, квалифицируется как информация, воплощённая в мозговом коде, то тем самым снимается физикалистское истолкование управляющей функции мысли. Психическое управляет в том же смысле, в каком управляет именно информация как таковая – посредством информационного причинения. В качестве производящего начала информационной причины выступает специфическая структура кода, в особенностях которой воплощена информация. Поэтому действие психической причины есть цепь кодовых преобразований, каждое из которых представляет управляющий эффект в соответствующей подсистеме человека. Таким образом, согласно информационному подходу, как психика в целом, так и менталитет как специфические моменты психики, имеют информационную природу и обладают активностью в отношении нейрофизиологических процессов и деятельности человека. Тем самым информационный подход к проблеме идеального исключает эпифеноменологическую трактовку менталитета.

В литературе имеется и ещё одно не совсем понятное использование термина «эпифеномен» в контексте изучения менталитета. Так, книга М.А. Шенкао называется «Смерть как эпифеномен ментальности»¹⁴⁵. Эпифеномен, как отмечалось, – это малозначачее явление, сопутствующее другому явлению. Смерть никак не может быть эпифеноменом ментальности. Сами по себе категории смерти и менталитета являются несравнимыми. Смерть есть прекращение функционирования организма и личности, а менталитет – это социально-психологические особенности субъекта. Другое дело, что особенности восприятия и понимания людьми смерти, своеобразии переживаний ими своей смертности служат элементом, весьма существенным, любого менталитета. Именно такой позитивный смысл мы видим в названной выше книге М.А. Шенкао. Кстати, фундаментальный труд Ф. Арьеса, посвящённый ментальным особенностям, связанным с переживаниями смертности, назван «Человек перед лицом смерти»¹⁴⁶.

Ещё одна интерпретация соотношения понятий менталитета и ментальности состоит в том, что они соотносятся «между собой как «целое» и «часть», что позволяет говорить о менталитете общества (или национальном менталитете) и ментальности личности (индивидуальной ментальности)»¹⁴⁷. Однако национальный и индивидуальный менталитеты не соотносятся как часть и целое, поскольку национальный (любой групповой) менталитет не есть сумма

145 Шенкао М.А. Смерть как эпифеномен ментальности. Черкасск, 1997.254 с.

146 Арьес Ф. Человек перед лицом смерти / Пер. с франц.; Общ. ред. Оболенской С.В. М.: Прогресс-Академия, 1992. 523 с.

147 Полежаев Д.В. Русский менталитет: опыт социально-философского анализа: Автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора философских наук: 09.00.11. Волгоград, 2011. с. 16.

индивидуальных менталитетов, а представляет собой общие социально-психологические особенности, присущие индивидуумам. Например, русский менталитет – это не сумма индивидуальных менталитетов, а те общие социально-психологические признаки, которые присущи Иванову, Петрову, Сидорову и т.д. Национальный и индивидуальный менталитеты соотносятся как общее и единичное. Нет необходимости групповые особенности называть менталитетом, а индивидуальные – ментальностью, ведь суть их одна и заключается в категории особенного. Целесообразнее выделять типы менталитета – групповой (разной степени общности) и индивидуальный.

При рассмотрении вопроса о соотношении понятий менталитета и ментальности мы придерживаемся принципа Оккама: сущности не следует умножать без необходимости. Каждому понятию должна соответствовать своя сущность. Менталитет, или ментальность, – понятие для интегративной характеристики специфики духовного мира и своеобразия личностных качеств индивидуального или коллективного субъекта. Для отражения этой специфики и данного своеобразия достаточно одной новой категории, поскольку стоит задача теоретически освоить только одну новую сущность – уникальность духовного мира субъекта. Компоненты и аспекты менталитета могут описываться уже имеющимися категориями философии, психологии, политологии, культурологии, этнографии. Сказанное, конечно, не означает отрицания множества типов и видов менталитета.

Если подвести итог рассмотрению вопроса о соотношении понятий ментальности и менталитета, то можно сделать вывод о том, что объективные основания для дифференциации данных понятий отсутствуют, и эти понятия следует признать равнозначными. Как нами уже отмечалось, все элементы, уровни и проявления сознания и психики человека уже имеют свои наименования и соответствующие понятия для их характеристики, не было только специального наименования социально-психологических особенностей людей и понятия для интегральной характеристики этих особенностей. Таким понятием и выступило теперь понятие менталитета, или ментальности. Для другого понятия просто нет предметного поля – своего денотата. Менталитет и ментальность – это синонимы.

1.4. Состав, способы изучения, типы менталитета

Выше было показано, что проблема сущности менталитета разработана недостаточно, и у исследователей нет ещё достаточно ясного знания о том, что же такое менталитет. Поэтому вопрос об элементах или частях, составляющих менталитет, разработан ещё слабее, в частности, отсутствуют удовлетворительная классификация и описание компонентов менталитета. На основе своей трактовки менталитета как системы социально-психологических особеннос-

тей индивидуального или коллективного субъекта, особенностей, подверженных межличностной дифференциации, раскроем далее основные элементы содержания менталитета.

Особенности архетипов. Некоторые авторы включают в менталитет архетипы, составляющие коллективное бессознательное. Однако положение о вхождении архетипов в менталитет нуждается в уточнении. Дело в том, что, согласно основателю архетипической концепции К. Юнгу, архетипы одинаковы у всех людей¹⁴⁸. Современный исследователь тоже отмечает, что «архетипы – вневременные схемы, согласно которым образуются мысли и чувства всех людей, они составляют основу общечеловеческой символики и включают в себя всё богатство мифологических тем»¹⁴⁹. Поскольку архетипы одинаковы у всех людей и не подвержены межличностной дифференциации, то сами по себе они не относятся к менталитету. Они представляют собой бессознательную основу любого менталитета.

Большинство архетипов находится в неактивном состоянии. Архетипический образ, по словам Юнга, «от века зарыт в бессознательном, где спит, откуда благоприятные или неблагоприятные обстоятельства эпох не пробудят его»¹⁵⁰. Одним из средств пробуждения архетипов служит искусство. Здесь актуализация архетипа происходит два раза. Вначале творец создаёт художественный образ на основе архетипа. Далее, если созданный образ соответствует дремлющему архетипу данного реципиента (зрителя, читателя, слушателя), то этот архетип оживает и вызывает у него положительный эмоциональный отклик.

Актуализация архетипа происходит в особенной конкретной форме. Например, архетип Великой Матери (родового начала, высшего женского существа) актуализировался в образах Иштар (Вавилон), Исиды (Египет), Астарты (Финикия), Кали (Индия), Геи и Деметры (Греция), Родины-Матери (Россия). «Сам архетип, порождающий эти образы, остаётся неизменным. Подобно мелодии, он может быть лишь по-разному аранжирован»¹⁵¹. Конкретное воплощение архетипа определяется типом культуры. Именно культура привносит в образ – мифологический, религиозный, художественный, научный¹⁵² – истори-

148 Юнг К.Г. О психологии бессознательного // Психология бессознательного. М.: Канон+, 2003. С. 27–171.

149 Михайлов А.Н. Архетипическая концепция К.Г.Юнга: попытка культурологической реконструкции // Человек. 2008. № 6. С. 81.

150 Юнг К.Г. Феномен духа в искусстве. Собр. соч. в 19 т. Т. 15. М., 1992. С. 149.

151 Михайлов А.Н. Архетипическая концепция К.Г.Юнга: попытка культурологической реконструкции // Человек. 2008. № 6. С. 81.

152 Под образом мы понимаем любое духовное образование, которое воспроизводит какую-либо реальность. Образы могут быть наглядно-чувственными и мысленными, а также комбинированными из элементов чувственного и рационального. Так, например, научная теория включает в себя как рациональные компоненты (категории, принципы, формулировки законов), так и чувственные (наглядные модели).

ческие, национальные, региональные, конфессиональные, профессиональные, индивидуальные особенности. «...Архетип обеспечивает единство и многообразие культуры; его инвариантная сущность является нам в многочисленных вариантах»¹⁵³. Поскольку варианты архетипов могут быть различными у разных людей и разных социальных групп, то они то и входят в состав соответствующего менталитета. Изложенное позволяет сделать вывод о том, что сами архетипы (назовём их латентными архетипами) – это бессознательная основа любого менталитета, а актуализированные в духовном мире данного субъекта архетипы, т.е. его конкретные варианты, входят в состав менталитета.

Особенности темперамента. *Темперамент* – это совокупность динамических свойств личности. И.П. Павлов выделил три основных показателя нервных процессов, характеризующих темперамент: силу, уравновешенность и подвижность. Их сочетания дают 4 темперамента, или типа, высшей нервной деятельности: сангвиник (сильный, уравновешенный, подвижный); флегматик (сильный, уравновешенный, инертный); холерик (сильный, неуравновешенный, подвижный); меланхолик (слабый, неуравновешенный, инертный). Классической иллюстрацией приведённых типов служат герои А. Дюма: Арамис, Портос, Д'Артаньян, Атос. Свойства, лежащие в основе темперамента, почти полностью обусловлены генотипом. Поэтому темперамент весьма устойчив и мало изменяется под влиянием среды и воспитания. Темперамент не характеризует содержательную сторону личности (ценностные ориентации, мировоззрение) и не определяет непосредственно содержательные черты личности. Однако свойства темперамента могут как благоприятствовать, так и противодействовать формированию определённых черт личности, поскольку темперамент может модифицировать значение факторов среды и воспитательных воздействий, от которых в решающей степени зависит формирование личности. Поэтому учёт темперамента важен для понимания менталитета.

Особенности темперамента входят только в индивидуальный менталитет, а в групповой не входят, поскольку социальные группы по признакам темперамента не формируются и не дифференцируются.

Особенности характера. Характерологические особенности личности входят и в индивидуальный, и в групповой менталитет. *Характер*, как известно, – это наиболее устойчивые свойства личности, проявляющиеся в её отношениях к людям, поведению и деятельности. Характер обусловлен общественным бытием личности, усвоением социального опыта. В единстве с социально типическим в характере выступает его индивидуальное своеобразие, порождаемое разнообразными неповторимыми ситуациями, в которых протекает социализация субъекта, его воспитание и зависящее от природных предпосылок

¹⁵³ Михайлов А.Н. Архетипическая концепция К.Г.Юнга: попытка культурологической реконструкции // Человек. 2008. № 6. С. 87.

развитие индивидуальности. Для формирования характера решающее значение имеет воспитание.

Выделяются следующие полярные черты характера. По отношению к людям: коллективизм – индивидуализм, гуманность – жестокость, чуткость – чёрствость, правдивость – лживость, великодушие – мстительность, щедрость – скупость, доброжелательность – злобность, уступчивость – упрямство, вежливость – грубость, сдержанность – вспыльчивость и др. По отношению к себе: требовательность – самодовольство, самокритичность – сомнение, застенчивость – кичливость, скромность – хвастливость и др. По отношению к деятельности: трудолюбие – лень, аккуратность – небрежность, внимательность – рассеянность, инициативность – косность и др. К характеру относятся и волевые качества личности: решительность – нерешительность, целеустремлённость – разбросанность, самостоятельность – конформизм, смелость – трусость, мужество – малодушие и др. Своеобразные сочетания указанных черт способны давать огромное количество отличий в индивидуальных и групповых менталитетах.

Особенности мышления. Мыслительные, или рациональные, особенности относятся и к индивидуальному, и к групповому менталитету. Формами абстрактного мышления, как известно, служат понятия, суждения и умозаключения. В сфере разума люди могут отличаться друг от друга следующими моментами: 1) набором понятий, 2) содержанием (значением, смыслом), которое они вкладывают в эти понятия, 3) представлениями об объёме используемых понятий, 4) видами определений понятий, 5) различными умениями при формировании суждений и умозаключений. Особенности мышления выражаются в таких терминах, как глубокое и поверхностное, быстрое и медленное, гибкое и догматическое, самостоятельное и конформистское, продуктивное и репродуктивное, широкое и узкое, ясное и туманное, точное и неточное мышление. Комбинации указанных признаков могут давать большое количество стилей мышления, служащих компонентами индивидуальных и групповых менталитетов.

Когнитивно-интеллектуальные особенности. Ещё одна важная часть менталитета – особенности когнитивно-интеллектуальной сферы личности, или её духовного потенциала. Эта сфера частично совпадает с описанной выше рациональной сферой. Когда рассматривается содержание психики, то анализ идёт в плоскости исследования рациональной сферы психики, а когда рассматриваются свойства личности, то анализ перемещается в плоскость изучения когнитивно-интеллектуальной сферы личности. Последняя представляет собой духовный потенциал личности. Потенциал личности представлен знаниями, умениями и способностями. Эти элементы определяют эффективность, успешность деятельности, величину её результатов. Знания – это информация

о мире и самом человеке. Умения – основанная на знаниях совокупность действий, обеспечивающих решение какой-либо типовой (известной ранее) практической или теоретической задачи. В зависимости от знаний и умений личность может быть более компетентной и менее компетентной. Способности – качества личности, определяющие выполнение новых, творческих познавательных и практических действий. Способности, или интеллект, – ведущий элемент в потенциале личности. Он обуславливает не только творческий характер деятельности, но и скорость приобретения знаний и формирования умений.

Интеллект – весьма сложное образование. В его составе выделяют способности элементарные и сложные¹⁵⁴. Первые присущи всем людям, но в разной степени. К ним относятся сенсорно-перцептивные способности, память, мышление, воля, самосознание, сопереживание и др. Сложные способности формируются на основе элементарных и делятся на общие и специальные. Общие сложные способности (организаторские, коммуникативные, речевые, способности к труду, воспитанию, любви и др.) присущи всем людям, но выражены у них в разной степени. Сложные специальные способности (водительские, врачебные, финансовые, литературные, конструкторские, полководческие и др.) присущи не всем лицам, а только тем, которые занимаются соответствующими видами деятельности. В зависимости от степени развития способностей мы характеризуем личность как малоспособную, способную, талантливую, гениальную. Поскольку одни способности у человека могут быть более выраженными, чем другие, то человек может быть более (или даже очень) способным в одном отношении и менее способным в другом. Например, А.С.Пушкин был гениален в поэзии, но не был таковым в математике, о нерасположенности к которой он сам говорил.

Различия в знаниях, умениях и способностях порождают многообразные отличия в менталитетах индивидов и социальных групп. Особенно существенными эти различия бывают в содержании профессиональных менталитетов.

Мотивационные особенности. Наиболее важной частью содержания менталитета служат мотивационные особенности. Мотивационная сфера человека представлена такими явлениями, как потребности, влечения, интересы, цели, идеалы. Эти элементы определяют направления деятельности личности: то, к чему она стремится, то, что ей нужно. Базовый элемент в направленности личности – потребности, т.е. нужда человека в определённых факторах для нормального существования и развития. Субъективно потребность переживается как ощущение недостатка в чём-либо, как напряжение, которое снимается в ходе удовлетворения потребности. Потребности, слабо осознанные и недифференцированные, называются влечениями; осознанные и дифференцированные – желаниями; устойчивые, глубоко осознанные желания есть интересы.

154 Платонов К.К. Проблемы способностей. М.: Наука, 1972. 312 с.

Последние могут быть познавательными (к математике, истории, литературе и т.д.) и практическими (стать депутатом, заработать деньги, приобрести специальность и др.) При удовлетворении потребностей человек ставит определённые цели, которые являются моделями будущих результатов. Наиболее важные обобщённые цели человека, определяющие в главном его деятельность, называются идеалами.

Существуют три базовые группы потребностей: телесные (в пище, воде, кислороде, тепловом комфорте, активности и др.), межличностные (в уважении, безопасности, привязанности, любви, ласке, справедливости, в детях, самоутверждении, лидерстве, приносить пользу людям и др.), познавательные и эстетические (в новизне, знаниях, красоте, гармонии, порядке, ритме, симметрии и др.). На основе указанных базовых потребностей формируются сложные, комбинированные потребности. Например, потребности в любви, ласке, безопасности, детях порождают у человека потребность в семье. Люди могут различаться по набору конкретных потребностей, по степени их развития и по формам их удовлетворения. Всё это служит основой для формирования разнообразных видов индивидуальных и групповых менталитетов.

Предмет потребности выступает для субъекта как ценность, которая ориентирует человека на обладание ею. Таким образом, идеалы, цели и ценностные ориентации человека служат производными его потребностей. Ценностные ориентации выражают личностную значимость социальных, культурных, нравственных, политических явлений. Ценности регулируют направленность и степень активности субъекта. Согласно В. Франклу, «ценности ведут и притягивают человека... у человека всегда имеется свобода: свобода делать выбор между принятием и отверганием предлагаемого, т.е. между тем, осуществить потенциальный смысл или оставить его нереализованным»¹⁵⁵.

Представления людей о ценностях и соответствующие им специфические ценностные ориентации обуславливают наиболее важные отличия представителей одних социальных групп и одних культур от представителей других групп и других культур. Наиболее полная классификация ценностей, характерных для представителей западных, восточных, африканских, чёрных американских, мусульманских культур, разработана В.В. Ильиным¹⁵⁶.

В отечественной науке многими авторами направленность личности, представленная доминирующими потребностями, идеалами, ценностными ориентациями, признаётся ведущим системообразующим компонентом личности¹⁵⁷.

155 Франкл В. Человек в поисках смысла: введение в логотерапию // Доктор и душа. СПб.: Ювента, 1997. С. 146.

156 Ильин В.В. Природа ценностного сознания // Философия: Университетский курс / Под ред. С.А.Лебедева. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2003. С. 394–419.

157 Божович Л.И. Личность и её формирование в детском возрасте. М.: Просвещение, 1968. 456 с.; Гуревич К.М., Раевский А.М. Личность как объект психологической диагностики // Психологическая диагностика. М.: Психологическое общество России, 2004. С. 10–15.

И действительно, направленность существенно влияет на все другие элементы личности. Потребности и ценности определяют нравственные нормы человека. Например, потребность в истине обуславливает норму «быть честным», потребность приносить пользу людям – норму «быть добрым», потребность в справедливости – норму «быть справедливым» и т.д. Поэтому воспитать достойного человека – это значит сформировать у него нужные данному социуму потребности.

Потребности, идеалы, ценности влияют на мышление: мотивационная сфера ставит задачи для разума – поиск путей удовлетворения потребностей и способов обладания ценностями. Решая эти задачи, разум вырабатывает программы деятельности, призванные обеспечить удовлетворение потребностей, реализацию целей и овладение значимыми для субъекта ценностями. Мотивационная сфера определяет и эмоциональные переживания человека, а также существенные характеристики мировосприятия.

Сказанное позволяет предположить, что специфические потребности, идеалы, ценности субъекта и их своеобразные сочетания составляют ядро его менталитета, которое в значительной степени определяет характер всех других его компонентов.

Эмоциональные особенности. Эмоции – это положительно или отрицательно окрашенные переживания (удовольствие и неудовольствие), обусловленные удовлетворением потребностей. Часто эмоции, связанные с межличностными и познавательно-эстетическими потребностями, называют чувствами (честь, совесть, долг, патриотизм, чувство прекрасного и др.). Иногда термины «эмоции» и «чувства» используют как синонимы.

Неудовлетворённые потребности вызывают отрицательные эмоции, которые стимулируют человека к деятельности. В её процессе отрицательные эмоции исчезают, а возникают положительные. Эмоции (неудовольствие и удовольствие) – это единственный непосредственный стимул к действию и единственная награда за совершённое действие. Эмоции – единственный эквивалент стоимости, признаваемый нервной системой. Набор и характер потребностей человека определяют многообразие и качество его эмоций. Отличия в людях по совокупности и характеру потребностей обуславливают и их отличия в качестве и степени эмоциональных реакций, что вносит свой вклад в формирование индивидуального и группового менталитета.

логический журнал. 2001. Т. 22. № 5. С. 29–38; Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984. 444 с.; Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии: в 2-х т. М.: Педагогика, 1989. Т. 2. 412 с.; Рубинштейн С.Л. Человек и мир. М.: Наука, 1998. 512 с.; Фельдштейн Д.И. Проблемы возрастной и педагогической психологии. М.: Просвещение, 1995, 452 с.; Волочков А.А., Ермоленко Е.Г. Ценностная направленность личности как выражение смыслообразующей активности // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 2. С. 17–33.

Особенности восприятия. Непосредственный чувственный контакт с окружающим миром осуществляется у человека с помощью ощущений и восприятий. В связи с этим важной частью менталитета служат сенсорно-перцептивные особенности, то есть особенности ощущений и восприятий. Ощущения – это отражение отдельных свойств объектов, а восприятие есть система ощущений, целостный чувственный образ объекта. Генотип детерминирует индивидуальный интервал сенсорной чувствительности (норму реакции). В пределах этого интервала сенсорная чувствительность определяется средовыми и иными условиями, в частности, тренировкой органов чувств. Поэтому сенсорные особенности человека зависят главным образом от своеобразия генотипа и частично от условий среды.

Сенсорные особенности входят и в индивидуальный, и в групповой менталитет. По особенностям ощущений отличаются некоторые профессиональные группы, например, музыканты, художники, дегустаторы, декораторы, сталевары, ткачи. Для данных групп сенсорные особенности служат наиболее существенным компонентом их профессионального менталитета.

Ощущение как самостоятельная форма познания функционирует сравнительно редко. Чаще всего оно участвует в познании мира в составе восприятий. Восприятия, как и ощущения, у разных людей могут иметь свои особенности. Эти особенности имеют двойную детерминацию: во-первых, они зависят от генотипа человека, детерминирующего врождённый диапазон чувствительности органов чувств; во-вторых, они зависят от опыта субъекта, его потребностей и ценностей. Особенности мотивационной сферы обуславливают своеобразие перцептивных процессов: потребности и ценностные ориентации человека детерминируют характер его восприятия. Чтобы показать это, необходимо рассмотреть целостный процесс перцептогенеза. У людей существует иллюзия, что восприятие – это только результат обработки мозгом текущих сенсорных данных. В действительности же восприятие – сложный системный процесс, основными элементами которого служат текущие сенсорные данные, перцептивные установки, перцептивные категории, перцептивно-предметная деятельность.

Текущие сенсорные данные. Они служат непосредственным результатом взаимодействия органов чувств с объектом. Эти данные представлены различными нейродинамическими кодами (частотой нервных импульсов, числом возбуждённых нейронов и др.).

Перцептивные категории, или объект-гипотезы, – выработанные в процессе познания и практики представления и понятия, в которых репрезентирован познавательный опыт субъекта. По своему содержанию они могут быть весьма простыми («свет», «звук», «прямое-кривое»), более сложными («дерево-ель», «автомобиль-Волга») и очень сложными, в том числе представленными

ми научными и философскими понятиями. Одна из их функций – идентификация воспринимаемых объектов (опознавание).

Перцептивная установка – несознаваемая предрасположенность к восприятию тех или иных параметров внешнего мира. Например, испытуемый 15-20 раз с закрытыми глазами ощупывает руками два шара, равных по весу, но различающихся по диаметру. Затем ему вручают два равных по диаметру шара, однако испытуемому кажется, что один шар больше другого – у него выработалась установка, что один шар крупнее другого, и восприятие следует за этой установкой. В установке представлены некоторые инварианты прошлых событий. Сила установки зависит от ожидаемой вероятности явления (частоты его наблюдения в прошлом) и от потребностей субъекта¹⁵⁸. Например, у сильно голодного человека имеется установка на восприятие недостаточно определённых объектов как продуктов питания.

Перцептивно-предметная деятельность включает в себя разнообразные манипуляции с предметами, активные перемещения субъекта, движения осязающей руки, глаз, головы, изменение диаметра зрачка и т.п. Эта деятельность служит необходимым условием активного исследования окружающего мира и получения текущих сенсорных данных.

Главной системообразующей связью рассмотренных элементов выступает взаимодействие между текущими сенсорными данными и перцептивными категориями, названное американским психологом Д. Брунером категоризацией¹⁵⁹. Процесс категоризации заключается в том, что на основе признаков внешнего воздействия происходит актуализация находящейся в памяти той или иной категории и отнесение к ней воспринимаемого объекта.

Вероятность того, что некоторый сенсорный сигнал будет отнесён к определённой категории, зависит не только от соответствия сигнала признакам категории, но и от готовности этой категории. Распределение готовности категорий определяется действием установки. При наличии сенсорного сигнала, одинаково хорошо согласующегося с двумя непересекающимися категориями, верх одержит та из них, которая обладает большей готовностью. Нормальное восприятие характеризуется тем, что под влиянием адекватных сенсорных сигналов включаются объект-гипотезы, соответствующие отражаемым объектам.

Часть системы восприятия, включающая в себя категории и установки, может характеризоваться предложенным американским психологом У. Найссером понятием «предвосхищающие перцептивные схемы»¹⁶⁰. С его помощью полный перцептивный цикл может быть описан так: текущие сенсорные

158 Узнадзе Д.Н. Психологические исследования. М.: Наука, 1966. 452 с.

159 Брунер Д. Психология познания: за пределами непосредственной информации. М.: Прогресс, 1977. 413 с.

160 Найссер У. Познание и реальность: смысл и принципы когнитивной психологии. М.: Прогресс, 1981. 232 с.

данные формируют предвосхищающие схемы, последние направляют предметные действия и перцептивные движения для получения определённой информации. Взаимодействие этой наличной информации и перцептивных схем порождает актуальный чувственный образ, проецированный на объект. Наличная информация наряду с этим формирует новые предвосхищающие схемы, которые снова направляют перцептивно-предметную деятельность и т.д. В результате таких повторяющихся циклов предвосхищений и получения информации восприятие становится процессом всё большего гносеологического приближения образов к объекту. Взаимодействие схем и текущих сенсорных данных означает, что ни то, ни другое в отдельности не определяет хода восприятия. Перцептивный цикл протекает обычно неосознанно, в силу чего возникает впечатление, будто наличные образы есть только результат воздействия непосредственных раздражителей на органы чувств.

Мотивационная сфера влияет на восприятие через перцептивные установки и процесс категоризации. Сила установки зависит от двух факторов: от ожидаемой вероятности явления и от требований, диктуемых потребностями и ценностями субъекта, а распределение готовности категорий определяется установкой. Роль ценностей в формировании установки и восприятии видна из такого эксперимента. Группе американских детей из зажиточных семей и группе из бедных семей предлагалось определить на глаз размер различных монет. Все они преувеличивали размеры, но степень преувеличения возрастала с ростом стоимости монеты, а не её настоящего размера. Кроме того, дети бедных людей, которые, видимо, значительно больше озабочены мыслью о деньгах, преувеличивали размер монеты гораздо больше, чем дети богатых¹⁶¹.

Роль категоризации в восприятии обнаружена с помощью множества экспериментов. В истории психологии известен такой забавный, но наводящий на глубокие размышления эксперимент: священнику, а затем военному, чьи менталитеты сильно отличались, предложили посмотреть на Луну в подзорную трубу и рассказать, что они там видят. Служитель церкви, присмотревшись, сообщил, что на поверхности Луны отчётливо видна...церковь. Иной ответ дал военный: он «обнаружил» на Луне...хорошо укреплённый замок, окружённый крепостными стенами и бастионами¹⁶².

Испытуемых, в течение некоторого времени воздерживавшихся от пищи, спрашивали, что изображено на рисунках, выполненных так, что существовала возможность множества толкований. В том, что «видели» испытуемые, обнаруживалось влияние потребности в пище: частота ответов, связанных с едой, то есть восприятием образов пищи, возрастала пропорционально интервалу, отделявшему эксперимент от последнего принятия пищи.

161 Шибутани Т. Социальная психология. М.: Прогресс, 1969. 536 с.

162 Губанов Н.И. Чувственное отражение. М.: Мысль, 1986. 239 с.

В психологических исследованиях обнаружена также положительная зависимость между иерархией ценностей человека и лёгкостью распознавания им слов, связанных с этими ценностями¹⁶³. Это свидетельствует о том, что иерархия ценностей человека влияет посредством установки на распределение готовности соответствующих перцептивных категорий и их включение в восприятие.

Потребности и ценности субъекта формируются в процессе его обучения, общения и практической деятельности в конкретных социальных условиях. Поэтому влияние мотивов и ценностей субъекта на его восприятие посредством формирования установок есть одна из форм социальной обусловленности восприятия человеком мира. Люди, воспитанные в различных социальных и культурных условиях, могут по-разному воспринимать одну и ту же действительность в результате различия их перцептивных установок.

Категории, используемые субъектом для идентификации и классификации воспринимаемых предметов и событий, тоже формируются в социуме. Поэтому полнота и богатство восприятий в значительной степени обусловлены социально. Чем богаче (полнее, точнее и существеннее) система категорий, построенная для отражения явлений окружающего мира, тем больше адекватность восприятия. Категоризация восприятия служит второй (после формирования установок) формой социальной обусловленности чувственного отражения. Люди с различающимися системами категорий будут иметь различные переживания при восприятии одних и тех же объектов, хотя сигналы в периферических отделах их анализаторов (текущие сенсорные данные) у них будут идентичными.

Системы категорий и перцептивных установок изменяются как в ходе индивидуального развития каждого человека, так и в процессе исторического развития при переходе от одного типа культуры к другому. Для каждой исторической эпохи характерна своя система категорий, или универсалий, культуры, представляющих собой квинтэссенцию накопленного опыта человечества и задающих обобщённую схему мировидения. Изменение категорий культуры в ходе исторического развития означает и изменение особенностей восприятия мира. Так, индейцы племени тода в меньшей мере подвержены некоторым зрительным иллюзиям по сравнению с европейцами в связи с тем, что им не приходится делать выводы о трёхмерных объектах на основе двухмерных изображений. Д. Брунер отмечает, что «носители разных культур различаются не перцептивными сигналами, которые они способны воспринимать, а теми выводами, которые они бессознательно делают на основе этих сигналов... В рамках различных культур усваиваются сигналы в соответствии с разными

163 Брунер Д. Психология познания: за пределами непосредственной информации. М.: Прогресс, 1977. 413 с.

схемами... При наличии комплекса входных сигналов принципы отбора изменяются от культуры к культуре»¹⁶⁴.

Заканчивая вопрос о процессе перцепции, можно отметить, что различия у людей в индивидуальной сенсорной чувствительности, системе перцептивных установок и категорий, связанных в свою очередь с особенностями мотивационной сферы и социокультурными факторами, создают богатые возможности для существования многообразных способов мировосприятия и миропонимания, служащих существенной частью индивидуальных и групповых менталитетов.

Способы изучения менталитета. Поскольку внешними формами проявления личностных качеств, сознания и в целом психики человека служат его речь, поведение и деятельность с её предметными результатами, то изучение менталитета требует установления соответствующих вербальных, поведенческих, деятельностных и предметных индикаторов, посредством которых должен идентифицироваться тот или иной менталитет. Эти индикаторы должны быть доступны для наблюдения или измерения в виде вербальных характеристик, поступков, норм поведения, способов общения, результатов деятельности. *Результаты деятельности служат формам объективации менталитета.* К ним относятся разнообразные материальные предметы и произведения духовной культуры: созданные людьми бытовые вещи, технические устройства, художественные и научные тексты, картины, скульптуры, иконы, киноленты, архитектурные сооружения, музыкальные произведения и многое другое. Источником для изучения менталитета может быть всё, что создано человеком, всё, в чём опредмечен его творческий дух.

Один из важных способов изучения группового менталитета – исследование языка. Между менталитетом и языком как системой знаков, используемых для мышления и общения, существуют прямые и обратные связи. Содержащиеся в менталитете способы мышления и восприятия мира в ходе филогенеза формируют морфологию и синтаксис языка. Сложившаяся структура языка, в свою очередь, оказывает существенное влияние в ходе онтогенеза на формирование менталитета вступающих в жизнь новых поколений людей¹⁶⁵. Поэтому «именно исследование языка позволяет получить достаточно полное представление о ментальности народа»¹⁶⁶.

Интересный опыт установления некоторых компонентов русского менталитета на основе анализа языка представлен А.А. Мельниковой. Так, она полагает, что свободный способ соединения слов в русском языке свидетельствует об идее мира, «в котором нет универсальной жёстко организующей

164 Брунер Д. Указ.соч. С. 323.

165 Этот аспект будет рассмотрен в § 2.1.

166 Мельникова А.А. Онтология национальной ментальности и синтаксис языка // Человек. 2009. № 2. С. 137.

системы, нет однозначных причинно-следственных связей»¹⁶⁷. Сложный вид согласования (род, число, падеж) и синтетической способ словообразования (слияние языковой основы и формообразующих аффиксов) выражают способность носителей языка видеть специфику (особенности) любого явления, а не только его основную природу. Отмеченные особенности русского языка свидетельствуют также о наличии в русском менталитете психологической установки на признание всеобщей связанности и согласованности явлений мира.

По результатам контент-анализа сделано предположение, что в качестве demiурга (устроителя мира) в русском мировоззрении выступает концепт «судьба». В английских текстах на миллион слов приходится 33 употребления слова «fate» и 22 – слова «destiny», тогда как в русских текстах «судьба» встречается 181 раз. В русском мировоззрении судьба представляется как безличная сила, творящая непредсказуемые события. Бессистемному, текущему, неупорядоченному миру соответствует такая же действующая в нём сила¹⁶⁸.

Разные исследователи отмечают чрезвычайно частое использование слова «вдруг» как в текстах Ф.М. Достоевского, так и в современной русской прозе, а также и в бытовой речи. По мнению А.А. Мельниковой, очень частые выражения со словом «вдруг» «отображают важное для русского менталитета представление о непредсказуемости будущего, вытекающего из образа мира как нелогичного, неструктурированного образования»¹⁶⁹. Поэтому для носителей такого менталитета «порядок» не является значимым и отношение к нему не позитивное.

Вместе с тем, носители языка с жёстким способом расположения слов, например немцы, постоянно испытывают потребность в порядке и полагают, что порядок правит миром. Для русских же порядок не является системообразующим фактором. Исследователи русского языка предполагают, что в качестве организующего принципа в русском образе мира выступает концепт «лад» (согласованность). Это слово образовало очень объёмное гнездо, в котором есть существительные, глаголы, прилагательные, наречия, союзы (например, неполадки, поладить, ладный, отлажено, ладно бы и многие другие). На основе этого А.А. Мельникова заключает, что «в основе лада лежит идея гармоничной согласованности, которая в русском менталитете доминирует над идеей управления всем в мире посредством действия последовательно (по порядку), по общим правилам»¹⁷⁰. По мнению А.А. Мельниковой, обнаруживаемый при анализе языка ментальный комплекс

167 Там же. С. 138.

168 Там же. С. 139.

169 Там же. С. 140.

170 Там же. С. 141.

«всё связано со всем через подстраивание друг к другу» служит психологической основой двух идей русской философии – идеи всеединства и идеи определяющей роли в познании интуиции как постижения через настраивание на мир. Формирование языка – длительный исторический процесс, сопряжённый со становлением национального менталитета. Поэтому можно предположить, что анализ языка позволяет выявить глубокий и очень устойчивый уровень национального менталитета, уровень, который располагается, по-видимому, над наиболее глубоким слоем – слоем актуализированных архетипов.

Типы менталитета. Коснёмся теперь вопроса классификации типов менталитета. Выделение последних может производиться по нескольким основаниям, но при условии соответствия этих способов выделения общепсихологической категории особенного. В зависимости от его субъекта выделяются индивидуальный и групповой менталитеты. Типы группового менталитета выделяются по так называемой типовой характеристике. Эта характеристика объединяет элементы по общему для них признаку в одну группу, но в то же время именно типовая характеристика отличает это множество от других групп¹⁷¹.

Групповые менталитеты могут иметь разную степень общности. В зависимости от состава социальной группы и признака, по которому она выделена, могут существовать классовый (крестьянский, предпринимательский), национальный (французский, русский), профессиональный (инженерный, врачебный, учительский, офицерский), возрастной (детский, юношеский, старческий), территориально-географический (скандинавский, латиноамериканский, западноевропейский, провинциальный, столичный), партийный (демократический, тоталитарный), исторический (античный, средневековый), криминальный типы менталитета. В целом общество полиментально, и каждый человек несёт в себе компоненты многих типов менталитета.

Говоря о групповом менталитете, надо, конечно, не забывать, что самостоятельно, вне индивидуальных менталитетов, групповой менталитет не существует, аналогично тому, как общественное сознание любой степени сложности не существует вне сознаний отдельных людей, на что правильно указывал ещё В.Вундт. Групповой менталитет – это то общее, что присуще менталитетам членов данной социальной общности, и воплощён он во множестве этих индивидуальных менталитетов, являясь их инвариантом.

Групповой менталитет неразрывно связан с культурой. Каждому типу культуры соответствует определённый менталитет. Национальной культуре соответствует национальный менталитет, субкультурам – менталитет мень-

171 Литвинцева А.В. Типология культуры // Культурология / Под. ред. Н.Г. Багдасарьян. 5-е изд-е. М.: Высшая школа, 2004. С. 60.

ших, чем нация, социальных групп (например, детский менталитет, менталитет молодых людей, менталитет пожилых людей, сельский, городской, профессиональный и другие виды менталитета).

Менталитет одной социальной группы может оказывать влияние на менталитет другой группы, а также и на менталитет более широкой социальной общности. Например, сейчас у нас в стране, к сожалению, наблюдается значительное влияние криминального менталитета на менталитет всего общества, что проявляется в общественных нравах и особенно наглядно в языке (распространёнными стали слова «крыша», «накат», «откат», «разборка», «опустить», «замочить», «кинуть», «заказать»).

Иногда отношение между индивидуальным и групповым менталитетами ошибочно выражают посредством категорий части и целого, подобно, например, отношению между клеткой и организмом. На самом же деле отношение между индивидуальным и групповым менталитетами другое, а именно – отношение между единичным и общим. Единичное имеет более богатое содержание, чем общее. Оно есть общее плюс особенное. Индивидуальный менталитет включает в себя совокупность особенностей, присущих данному конкретному человеку, скажем, Иванову. Те из этих особенностей, которые присущи членам данной социальной общности, составляют групповой менталитет. Если данная группа как элемент входит в более широкую общность (например, территориальная группа включается в этническую), то содержание менталитета этой более широкой общности будет представлено общими особенностями, присущими всем меньшим группам. Чем шире группа, тем меньшее число особенностей будет включать её менталитет. Например, последовательно будет уменьшаться содержание менталитета в следующем ряду: менталитет русского москвича Иванова, менталитет русского москвича, русский менталитет, славянский менталитет.

Между индивидуальным и групповым менталитетом существуют двухсторонние связи. Менталитет каждого человека формируется в процессе его приобщения к культуре данной социальной группы. При этом уже имеющиеся групповые ментальные особенности усваиваются индивидом и становятся его собственными. В свою очередь, индивидуальные ментальные особенности (культурные новации), положительная социальная значимость которых доказана или создана видимость такой доказанности, могут включаться в групповой менталитет и влиять на поведение социальной группы. При этом влияние индивидуального менталитета на групповой особенно велико, когда данный индивидуальный менталитет уже достиг своей зрелости. Влияние же группового менталитета на индивидуальный особенно значительно в период становления последнего в ходе обучения и воспитания.

Некоторые авторы изображают соотношение индивидуальной (1), групповой (2), национальной (3) и цивилизационной (4) ментальностей такой схемой:

1			
2			
3			
4			

Поскольку общее содержится в единичном, а не наоборот, то можно заключить, что соотношение этих видов менталитета является обратным тому, что изображено выше, а именно:

4			
3			
2			
1			

Предпринимаются попытки выделения частных (парциальных) типов менталитета в зависимости от представленной в менталитете предметной сферы бытия и соответствующих ей ментальных образов и связанных с ними эмоций и других психических переживаний. К ним можно отнести политический, правовой, экономический, религиозный, художественный (эстетический), философский типы менталитета. Французский учёный М. Блок, один из пионеров в разработке учения о менталитете, в своей известной книге «Феодальное общество» выделит специальный раздел «Религиозный менталитет»¹⁷². В настоящее время понятие «политический менталитет» уже прочно вошло в научную, учебную и даже справочную литературу¹⁷³. Понятие «философский менталитет» используется для сравнительного анализа типов философского мышления¹⁷⁴. Категорию «нравственный менталитет» применяет Ю.М. Хрусталёв при обосновании необходимости внедрения гуманистических идеалов биоэтики во все сферы общества¹⁷⁵. Категория «экологический менталитет» («экологическая ментальность») используется Н.Н. Лукиным для обсуждения

172 Bloch Marc. La socieate feudale. P.: Decouverte, 1968. P. 134.

173 Менталитет // Социологический энциклопедический словарь / Под ред. Осипова Г.В. М.: ИнфаМ-Норма, 1998. С. 175.

174 Шохин В.К. Ньяя-вайшешика о небытии и его разновидностях // Вестник РФО. 2005. № 3. С. 123–126.

175 Хрусталёв Ю.М. Нравственность – императив демографической безопасности // Вестник РФО. 2006. № 4. С. 128–133.

перспектив решения глобальной экологической проблемы¹⁷⁶. В.Н. Осин отмечает необходимость исследования юридического, или правового, менталитета и полагает, что для успешного развития страны необходимо обращаться «к возможной и допустимой корреляции правовой культуры и её ядра – юридического менталитета»¹⁷⁷.

Указанные типы менталитета могут репрезентировать особенности отражения субъектом соответствующих сторон бытия и объяснять активность субъекта в данной области жизни. Эта классификация аналогична классификации форм общественного сознания. Представляется, что такое использование термина допустимо, поскольку в его значении сохраняется наиболее существенный признак менталитета: учёт особенностей различных составляющих духовного мира людей («особенностей политических взглядов», «особенностей религиозных воззрений», «особенностей эстетических представлений» и т.п.). Понятие общего менталитета можно использовать для интегральной характеристики духовного мира людей, а понятия частных менталитетов – для парциальной его характеристики. Общий менталитет включает в себя все социально-психологические особенности, отличающие данного субъекта от других, а парциальный менталитет – только те ментальные особенности, которые являются значимыми, определяющими при взаимодействии субъекта с кругом явлений, относящихся к данному конкретному срезу бытия.

Например, эстетический менталитет – это совокупность социально-психологических особенностей субъекта, детерминирующих способ художественного освоения им мира. В него входит следующая комбинация ментальные особенности: базовые и комбинированные эстетические потребности, воображение, широкое использование неточных (с неопределённым объёмом), неясных (с неопределённым содержанием) и многозначных (в разных контекстах) понятий, большое количество остенсивных определений, синонимов и метафор в речи, целеустремлённость, откровенность, искренность, внимательность к эстетическим проявлениям жизни, самостоятельность и оригинальность художественного выражения, самокритичность, трудолюбие, чуткость к потребностям общества¹⁷⁸. Знание эстетического менталитета необходимо для понимания процессов художественного творчества, восприятия произведений искусства и красоты мира.

176 Лукин Н.Н. О необходимости концепции опережающего информационно-экологического непрерывного поликультурного образования // Духовные основы государственности и правопорядка: сборник тезисов всероссийской научно-практ. конференции. Тюмень: ТИПКС МВД РФ, 2012. С. 17–20.

177 Осин В.Н. Общепризнанные социальные ценности (свобода, право, права и свободы, государство) и правовой менталитет // Вопросы философии. 2012. № 9. С. 50.

178 См. подробнее: Губанов Н.Н. Содержание эстетического менталитета // Актуальные проблемы теоретической, экспериментальной, клинической медицины и фармации. Материалы 44-й Всерос. научн. конф. Тюмень: ООО «Печатник», 2010. С. 259.

Следует обсудить возможность использования понятия менталитета ещё в одном парциальном смысле: как характеристики особенностей отдельных частей духовного мира субъекта. Можно, по-видимому, сформировать понятия «сенсорно-перцептивный менталитет», «мыслительный менталитет», «эмоциональный менталитет», «характерологический менталитет». Допустимо, как нам кажется, введение термина «интеллектуальный менталитет» для обозначения особенностей системы задатков и способностей субъекта. Никто ведь не сомневается, что существует глубокое отличие между менталитетом талантливого и обычного человека. В этом предполагаемом понятии это отличие и будет фиксироваться. Думается, что разнообразие понятий не будет пустым словотворчеством, поскольку в нём присутствует родовый признак понятия ментальности – соответствие всех этих понятий общефилософской категории особенного. Понятийное разнообразие может способствовать более полному постижению такого сложного социокультурного феномена, как менталитет.

Корректно ли понятие «менталитет человечества»? Думается, что нет. Понятие «менталитет» имеет сравнительный характер и соответствует, как отмечалось, общефилософской категории особенного, предполагающей существование более широкой, чем особенное, общности. Для человечества же такой более широкой общности нет. Поэтому существует сознание человечества, психика человечества, но нельзя выделить менталитет человечества. Когда ментальная особенность распространяется на всё общество, она перестаёт входить в состав менталитета и становится элементом общественного сознания. Если же будут обнаружены вземные формы разума и цивилизации, то понятие «менталитет человечества» приобретёт смысл. Наш менталитет будет одним из видов, скажем, гуманоидного менталитета. Он включит в себя те социально-психологические особенности, которые присущи всем людям и отличают их от других гуманоидов. А то общее, что присуще всем гуманоидам, будет представлять инвариантный компонент всех гуманоидных сознаний, воплощающих в себе единство общего и особенного.

1.5. Менталитет и творчество

Современное общество называют цивилизацией инноваций, или информационным обществом. Это обусловлено тем, что инновации становятся важнейшим фактором общественного развития. Для жизнеобеспечения растущего населения планеты и решения возникающих перед человечеством проблем требуется постоянный поиск новых идей в экономике, политике, социальной сфере, технике. Поскольку новации рождаются в творческих процессах, то изучение условий и способов креативной деятельности становится актуальной проблемой социальной философии и других социально-гуманитарных наук.

При изучении творчества особенно важно выяснить, чем обусловлена оригинальность, новизна результатов, своеобразный стиль творца. Категория менталитета позволяет при изучении этого вопроса раскрыть новые аспекты творчества. В данном параграфе мы попытаемся обсудить малоисследованный вопрос об обусловленности бессознательными компонентами менталитета специфического характера творческих процессов.

Сфера бессознательного человека, по мнению некоторых исследователей, например Юнга, представлена двумя слоями: *личным бессознательным* (субъективно-психическое) и *сверхличным бессознательным* (объективно-психологическое). Последнее Юнг обозначил как *коллективное бессознательное*¹⁷⁹. Сначала выясним, какова связь между личным бессознательным и индивидуальным менталитетом. Состав личного бессознательного Юнг описывает следующим образом: «утраченные воспоминания, вытесненные (намеренно забытые) тягостные представления, так называемые подпороговые (сублиминальные) восприятия, т.е. чувственные перцепции, которые были недостаточно сильны, чтобы достичь сознания, и, наконец, содержания, которые еще не созрели для сознания»¹⁸⁰. Эти и другие элементы личного бессознательного, принимающие участие в функционировании психики, человека, различны у разных субъектов, детерминируют его специфическое восприятие мира, поведение, деятельность. Поэтому они относятся к содержанию менталитета.

Влияние бессознательных компонентов менталитета на жизнь человека и проявление их в его творчестве изучали различные представители психоаналитического направления. Согласно их исследованиям, больше всего особенности личного бессознательного выражаются при неврозах, в сновидениях, в повседневных «ошибочных действиях», подобных оговоркам речи и провалам в памяти (например, мы теряем или забываем что-то, полученное от лица, которое нам уже не нравится) и в творчестве субъекта. Для анализа этих проявлений самые плодотворные методы – это изучение жизненных обстоятельств человека, его творчества, герменевтика сновидений и ошибочных действий, метод «свободных ассоциаций».

В данном контексте представляет интерес работа З.Фрейда «Достоевский и отцеубийство». В этом исследовании Фрейд попытался изучить, каким образом определенные биографические факты жизни Достоевского нашли отражение в его психике, а именно в его бессознательном, и каким образом эти особенности, в свою очередь, проявили себя в дальнейшей жизни и творчестве писателя. «Очевидная связь между отцеубийством в «Братьях Карамазовых» и судьбой отца Достоевского бросилась в глаза не одному биографу Достоевско-

179 Юнг К.Г. О психологии бессознательного // Психология бессознательного. М.: Канон+, 2003. С. 105.

180 Там же. С. 105–106.

го и послужила им указанием на «известное современное психологическое направление». Психоанализ, так как подразумевается именно он, склонен видеть в этом событии тягчайшую травму и в реакции Достоевского на это – ключевой пункт его невроза»¹⁸¹. Менталитет Достоевского был отмечен болезненным разрешением Эдипова комплекса. С раннего детства Достоевского преследовало нервное расстройство, которое после убийства его отца, властного и жестокого человека, произошедшего когда Достоевскому было восемнадцать лет, приобрело форму тяжелых эпилептических припадков. По мысли Фрейда, молодой Достоевский подсознательно желал смерти отцу и испытывал в связи с этим тягостное чувство вины. К чувству вины добавилась потребность в искуплении, которая проявлялась в различных деструктивных устремлениях. Часть этих устремлений находила выход в его писательской деятельности и выборе сюжетов, а другая часть – в подпитке его болезненных симптомов. По свидетельству некоторых биографов, болезнь ослабела во время отбывания каторги в Сибири, когда психика писателя приняла политическое осуждение в роли «справедливого наказания» за «убийство» отца. Также, по мнению Фрейда, болезненная страсть Достоевского к азартным играм и доведение своего материального положения до критического состояния тоже определилась мазохистским стремлением Достоевского получить кару за пожелание смерти отцу. После крупного проигрыша и сцен самобичевания перед своей молодой женой психическое состояние Достоевского временно улучшалось, и он начинал усиленно писать.

Помимо Достоевского отчетливые следы переживания Эдипова комплекса были присущи менталитетам и некоторых других писателей. Фрейд отмечает: «Едва ли простой случайностью можно объяснить, что три шедевра мировой литературы всех времен трактуют одну и ту же тему – тему отцеубийства: «Царь Эдип» Софокла, «Гамлет» Шекспира и «Братья Карамазовы» Достоевского. Во всех трех раскрывается и мотив деяния, сексуальное соперничество из-за женщины»¹⁸². Таким образом, можно предположить, что такая особенность личного бессознательного, как интенсивное переживание комплекса Эдипа, входила в менталитеты отмеченных писателей и наложила соответствующий отпечаток на их жизнь и творчество.

В этой же работе Фрейд убедительно показал, каким образом выявились в новелле Стефана Цвейга «Двадцать четыре часа в жизни женщины» давно позабытые детские переживания автора. След от этих переживаний в бессознательной психике писателя составил те ментальные особенности, которые в момент творчества «подсказали», «навели» автору некоторые образы и сюжет-

181 Фрейд З. Достоевский и отцеубийство // Художник и фантазирование. М.: Республика, 1995. С. 287.

182 Там же. С. 289.

ные повороты. Таким образом, в процессе творчества помимо рационального замысла произведения, отвечающего по большей части за содержательную часть сюжета (монологи, диалоги, рассуждения, идеи), присутствует и бессознательная деятельность психики, отвечающая за своеобразное оформление сюжетной линии (непредсказуемые поступки, детали, описания). В этом своеобразном оформлении и проявляются особенности личного бессознательного, входящие в менталитет творца. Людям, имевшим схожие переживания и схожие механизмы реакции на эти переживания, а соответственно и аналогичные ментальные особенности, будет особенно близким такое произведение. Подсознательно оно им понравится. Фрейд, «расшифровавший» содержания личного бессознательного в этом творении, назвал новеллу «маленьким шедевром».

В работе «О психологии бессознательного» К.Г. Юнг изучал с точки зрения психоанализа жизнь и творчество Ф.Ницше. Он писал, что «любой приверженец сексуальной психологии легко сможет доказать, что крайняя напряженность и героический характер ницшевского мировоззрения и его понимания жизни есть все же не что иное, как следствие вытеснения и игнорирования «инстинкта»»¹⁸³. Помимо сексуальной, фрейдовской, психологии Юнг рассматривает и подход А. Адлера, основанный на *принципе власти*. По мнению Юнга, обе концепции одинаково успешно описывают причины невроза, и он не смог удовлетворительно ответить на вопрос об истинности каждой из них. В другой работе «Отношения между Я и бессознательным» Юнг пишет: «Обе теории так хорошо подходят к *невротической ментальности*, что любой случай невроза можно объяснить одновременно обеими теориями... фрейдовская «инфантильная эротика» и адлеровская «тенденция власти» суть одно и то же, совершенно невзирая на спор между этими школами. Это просто фрагмент непокоренной и, главное, не поддающейся покорению изначальной природы инстинкта...»¹⁸⁴.

В наши задачи не входит анализ и сравнение различных психоаналитических течений, а также выяснение степени адекватности этих школ. Нам важно подчеркнуть, что особенности личного бессознательного, несущие отпечаток жизненных ситуаций субъекта, деятельности и трансформации его психики, его комплексы и попытки психики по их разрешению, бессознательное чувство вины, безотчетная подавленность, неосознанные мотивы, желания, намерения и другие содержания бессознательного входят в состав менталитета и играют важную роль в жизни человека. Они проявляются в случайных оговорках, назойливых идеях, необъяснимых навязчивых привычках и действиях,

183 Юнг К.Г. О психологии бессознательного // Психология бессознательного. М.: Канон+, 2003. С. 63.

184 Юнг К.Г. Отношения между Я и бессознательным // Психология бессознательного. М.: Канон+, 2003. С. 227. (выделено мною – Н.Г.).

избирательной забывчивости, шутках, поведении в нестандартных ситуациях, сновидениях, мечтах, фантазиях, творчестве. Бессознательная часть менталитета «подсказывает» творцу причудливые образы, нестандартные формы, оригинальные повороты сюжета, играет важнейшую роль в деятельности интуиции. Если особенности личного бессознательного и их влияние на психику выходят за границу нормы психического здоровья, то они составляют содержание *невротической ментальности*. Не случайно Юнг использовал этот термин. Изучение невротической ментальности – очень важная задача, ибо без психического равновесия немислимо счастье человека. В изучении этого типа ментальности и разработке способов её коррекции неопределимую роль сыграл психоанализ и особенно основатели различных школ в рамках этого течения, такие как З. Фрейд, А. Адлер, К.Г. Юнг, В. Франкл, Э. Фромм и другие.

Теперь перейдем к вопросу о роли коллективного бессознательного и менталитета в творческих процессах. Юнг полагает, что помимо личностных содержаний бессознательная психика любого человека включает в себя некоторые великие «изначальные» образы. Они представляют собой «унаследованные возможности человеческого представления в том его виде, каким оно было издавна»¹⁸⁵. Для подтверждения своих идей Юнг апеллирует к следующим феноменам: а) известные сказочные образы и мотивы встречаются на всей Земле в аналогичных формах; б) некоторые душевнобольные бывают в состоянии воспроизводить точно такие же образы и взаимосвязи, которые встречаются в старинных текстах. Подробные примеры таких случаев Юнг дает в своей работе «Трансформации и символы либидо». При этом он подчеркивает, что по наследству передаются не сами представления, а лишь *возможность* представлений.

Таким образом, Юнг пришел к тому, что на определенном этапе психоаналитического лечения продуцируются сновидения и фантазии, которые уже не основываются на личных воспоминаниях и личном бессознательном, а являют собой манифестации более глубокого уровня бессознательного, включающего в себя общечеловеческие изначальные образы. Юнг назвал такие всеобщие образы *архетипами* (а также «доминантами»). Содержания коллективного бессознательного, представленного архетипами, встречаются повсюду, и этим они отличаются от личностных содержаний, присущих только психике индивидуального субъекта.

Есть основания полагать, что в состав архетипов входят представления о соответствии выражения глаз, выражения лица, характера позы и мимики определенным психическим состояниям человека. Благодаря этому, например, произведения мастеров живописи прошлых веков понятны современным людям, а живопись, по словам Л. Фейхвагнера, есть «всеобщий язык».

185 Юнг К.Г. О психологии бессознательного // Психология бессознательного. М.: Канон+, 2003. С. 105.

Теорию архетипов Юнга много критиковали, на что сам автор резонно заметил: «Моя идея архетипа подвергалась суровой критике. Я вполне допускаю, что это понятие спорно и способно немало озадачить. Однако мне всегда было очень любопытно, с помощью какого же понятия собирались мои критики выразить тот опытный материал, о котором идет речь»¹⁸⁶. Помимо описания коллективного бессознательного при помощи понятия архетипа были предложены и другие модели объяснения этой сферы психики, например, теория энграммы Зомона.

Являются ли архетипы компонентами менталитета? Если архетип, понимаемый вслед за Юнгом как возможность представления, у разных людей выражен по-разному, то он входит в индивидуальный менталитет (степень выраженности признака). Тогда одни люди, у которых этот признак изначально был выражен сильнее, оказались способны репродуцировать те или иные мифологические сюжеты, а другие, у которых признак был выражен слабее, – нет. В таком случае эта особенность их бессознательного, безусловно, входит в их менталитет.

Можно показать это на таком примере. И у мужчин, и у женщин имеются архетипы анимы (женщины) и анимуса (мужчины) в которых представлена природа человека противоположного пола. У мужчин сильнее выражен архетип анимы, а у женщин – архетип анимуса. Степень выраженности этих архетипов у мужчин и женщин будет составлять их ментальные особенности. Благодаря наличию обоих архетипов все люди, независимо от опыта, образования, социального положения, интуитивно чувствуют и правильно оценивают красоту тела человека противоположного пола, хотя и не всегда могут дать этому рациональное объяснение. Вместе с тем, за счёт различий в степени выраженности архетипов красоту мужского тела более объективно могут оценить женщины, чем мужчины, и наоборот, красоту женского тела – мужчины.

Если же архетипы одинаковы для всех людей, то сами по себе они не входят в менталитет. Но данный архетип войдёт в состав индивидуального менталитета сразу после того, как он будет оживлен, активизирован, санкционирован психикой в ходе какого-либо психического процесса и начнёт играть определенную, достаточно значимую роль в жизни субъекта. Если сам по себе архетип является возможностью и является компонентом коллективно-бессознательного, то компонентом менталитета будет *актуализированный архетип*, представляющий собой уже не возможность образа, а каким-либо способом оформленный образ. Наличием этого образа менталитет данного субъекта будет отличаться от менталитетов других людей. Юнг связывал механизм психического процесса актуализации архетипа с перетеканием психической энергии из личного бессознательного в коллективное бессознательное.

186 Там же. С. 120.

Либи́до, «следуя своему уклону, погружается в глубины бессознательного и оживляет там то, что до сих пор дремало. Оно обнаруживает сокрытый клад, из которого всегда черпало человечество, из которого оно извлекло своих богов и демонов и все те сильнейшие и могущественнейшие идеи, без которых человек перестает быть человеком»¹⁸⁷.

Оставляя в стороне вопрос о сущности механизма актуализации какого-либо архетипа, подчеркнем, что актуализированный архетип является компонентом менталитета. Примером такой ментальной особенности может послужить представление об ангелах, архангелах, «тронах и господствах» у Павла, архонтах у гностиков, небесной иерархии у Дионисия Ареопагита¹⁸⁸. Ещё один пример, данный в работе Юнга – это идея сохранения энергии. Подлинным творцом этой идеи Юнг считает Роберта Майера. Интересен тот факт, что Майер был врачом, а не физиком, хотя выдвижение подобной идеи было бы ближе для последнего. Однако с точки зрения Юнга важно то, что эта идея не была *создана* в собственном смысле, не возникла в результате синтеза существовавших тогда научных теорий, а «выросла в своем творце подобно растению». Юнг приводит цитату из письма Майера Гризингеру: «Эту теорию я отнюдь не высидел за письменным столом... Некоторые мысли, как молнии пронзившие мое сознание – это было на рейде в Сурабайе, – я подвергал немедленному тщательному исследованию, что в свою очередь приводило меня к новым предметам. Те времена прошли, однако спокойное размышление над тем, *что тогда проявилось во мне*, привело к выводу, что это – истина, которую не только можно *чувствовать субъективно*, но которую также можно объективно доказать...»¹⁸⁹.

Далее Юнг задается вопросом о происхождении этой новой идеи, которая отвлекла Майера от всех впечатлений первого путешествия по тропикам и навязалась его сознанию с такой силой, и отмечает, что *«идея энергии и ее сохранения должна быть изначальным образом, который дремал в коллективном бессознательном»*¹⁹⁰. Этот образ действовал на протяжении всей истории человечества. Его можно обнаружить в различных примитивных религиях. Такого рода религии называют динамическими религиями, они основываются на представлении, что повсюду разлита некая магическая сила. Американский исследователь Лавджой назвал её «primitive energetics» – «примитивной энергетикой». У первобытных народов это понятие интегрировало в себе представления о душе, духе, боге, здоровье, силе любви, плодородности, силе волшебства, власти, авторитете, лекарстве и др. Полинезийцы называют её «му-

187 Там же. С. 106.

188 Там же. С. 107.

189 Там же. С. 107.

190 Там же. С. 108.

лунгу» и призывают её, когда им требуется помощь. У первобытных народов это понятие было эквивалентно первой формулировке понятия бога. В дальнейшем этот образ приобретал всё новые черты. В Ветхом Завете волшебная сила светится в горящем терновом кусте и в лице Моисея; в Евангелиях – это излияния Святого Духа в виде исходящих с неба огненных языков; у Гераклита она появляется как вечный огонь; у персов она выступает как огненный блеск «хаомы»; у стоиков она – первотеплота, сила судьбы; в средневековой легенде она выступает как аура, ореол святости¹⁹¹. В соответствии с архаичными воззрениями сама душа есть эта энергия, и в идее бессмертия души заключено представление о её сохранении, а в восточном и первобытном представлении о переселении душ заключена идея о её неограниченной способности к вращениям¹⁹².

Согласно Юнгу, эта идея испокон веков запечатлена в человеческом мозгу и в готовом виде заложена в бессознательном каждого¹⁹³. Усилим позицию Юнга тем соображением, что идея сохранения энергии была выражена в 40-е годы 19-го века в различной форме независимо друг от друга разными учеными: Гессом, Майером, Джоулем, Гельмгольцем. Ранее эту же идею в другой формулировке высказывал Ломоносов. А одним из первых её сформулировал Эмпедокл. Аналогичный тезис высказывали Демокрит, Аристотель и Эпикур. Можно предположить, что первообраз (архетип) неуничтожимой энергии присущ каждому человеку, но для того, чтобы он выступил на поверхность психики, требуются определенные условия, и, видимо, в зависимости от их сочетания образ будет проявляться в той или иной специфической вариации. Очевидно, что в случае Роберта Майера и некоторых других вышеперечисленных мыслителей такие условия сложились. В таком случае актуализированный архетип энергии вошел в индивидуальные менталитеты их обладателей и активно участвовал в деятельности психики, особенно на бессознательном, интуитивном уровне.

Следуем дальше за мыслью Юнга: «Величайшие и наилучшие мысли человечества формируются поверх изначальных образов, представляющих собой как бы первичный рисунок...они представляют собой отражение постоянно повторяющегося опыта человечества...архетипы – это не только отпечатки постоянно повторяющихся типичных опытов, но и вместе с тем они эмпирически выступают как *силы* или *тенденции* к повторению тех же самых опытов. Дело в том, что всегда, когда некоторый архетип являет себя в сновидении, в фантазии или в жизни, он всегда несет в себе некоторое «влияние» или силу, благодаря которой воздействие его носит *нуминозный*, т.е. зачаровывающий

191 Там же. С. 108.

192 Там же. С. 109.

193 Там же. С. 109.

либо побуждающий характер»¹⁹⁴. Из последней фразы следует, что актуализированный архетип, по мнению Юнга, детерминирует поведение и деятельность субъекта. В связи со сказанным, очень интересным представляется вопрос о том, каким образом возможно и возможно ли вообще в процессе деятельности и творчества использовать помимо своего личного опыта также и опыт предшествующих поколений, запечатленный в структурах мозга в виде архетипов. Каким образом возможно сознательное, принудительное приобщение к этой сокровищнице изначальных образов? Видимо, приведенные выше примеры представляют собой стихийное, спонтанное движение психики, приводящее к актуализации какого-либо архетипа. Ответить на этот вопрос довольно сложно и в будущем психология должна попытаться дать ответ.

И. Ефремов в своей книге «Лезвие бритвы» высказал свою концепцию эстетического воздействия абстрактного искусства: «...Кажется, что сущность воздействия абстрактных вещей в том, что они являются памятными знаками... опорными, отправными точками памяти, каким для нас часто являются запахи... А знаков может быть великое множество. Часть из них относится к той же подсознательной памяти поколений. Например, вид огня, цвет меда, шум бегущей воды. А еще больше знаков — бессознательных заметок — накапливается опытом индивидуальной жизни, иногда вне анализа, с детства»¹⁹⁵. Если проинтерпретировать взгляды Ефремова с помощью концепции Юнга, то можно провести параллель между *памятными знаками и архетипами; подсознательной памятью поколений и коллективным бессознательным; бессознательными заметками, накопленными опытом индивидуальной жизни, и личным бессознательным*. Если образы коллективного бессознательного получают актуализацию в менталитете художника и находят выражение в его произведении, то оно будет доставлять эстетическое переживание любому человеку.

Юнг говорит о множестве архетипов, например, таких образах, как Тень, зверь, старый мудрец, анима, анимус, мать, ребенок, а также о большом количестве архетипов, выражающих ситуации. Подробнее об этом можно найти в работах «Символы сновидения в процессе индивидуации» и «Тайна Золотого Цветка». Юнг отмечал, что актуализированный в силу каких-либо обстоятельств архетип может привести к возникновению новой идеи из всеобщей коллекции первообразов. Рассмотрим этот процесс подробнее. Новый, только что возникший из коллективного бессознательного духовный продукт неясен и расплывчат, он получает более четкое очертание при добавлении к нему некоторых деталей, поставляемых личным бессознательным, и окончательно оформляется сознательной деятельностью психики.

194 Юнг К.Г. О психологии бессознательного // Психология бессознательного. М.: Какон+, 2003. С. 110.

195 Ефремов И.А. Лезвие бритвы. М.: Дрофа–Плюс, 2005. С. 78.

Рассмотрим пример композитора Д. Тартини. Ему во сне являлся дьявол и играл на скрипке новые произведения¹⁹⁶. Юнг много писал об образе дьявола. «Дьявол есть вариант архетипа Тени, т.е. опасного аспекта непризнанной, темной половины человека»¹⁹⁷. Образ дьявола – это актуализированный в коллективной психике архетип Тени, к этому образу добавилась скрипка и музыка – это компоненты, продуцируемые личным бессознательным композитора, и, наконец, утром, после рационального осмысливания и оттачивания композиция записывается в нотную тетрадь. Таким образом, в готовом психическом продукте – новом музыкальном произведении – мы выделяем три составляющие: образ дьявола (ментальная особенность, принадлежащая к коллективному бессознательному), образ скрипки в руках дьявола (ментальная особенность личного бессознательного) и готовая композиция в голове музыканта – ментальная особенность рациональной психики.

Динамику творческого процесса можно описать следующим образом: днем присутствует сознательное желание сочинять музыку, ночью это желание продолжает функционировать в личном бессознательном, оттуда оно устремляется в самую глубину психики – в коллективное бессознательное и актуализирует там архетип Тени. Потом идет обратное движение нового зарождающегося духовного продукта. Получив мощную энергию коллективного бессознательного, он обрастает компонентами личного бессознательного и оформляется в творческое сновидение, а на утро подвергается ещё и рациональной обработке сознанием.

Описанные выше случаи в основном иллюстрировали примеры вхождения актуализированного архетипа в индивидуальный менталитет. Но возможны ситуации, когда на основе актуализации одного и того же архетипа у группы индивидов формируется одинаковое специфическое представление, которое войдет в состав их группового менталитета (более узкого, чем общечеловеческого). Юнг в уже упоминавшейся нами работе «О психологии бессознательного» дает описание такой ситуации¹⁹⁸. В этом примере мы имеем дело с архетипом первобытного племенного колдуна или врачевателя – одной из вариаций архетипа старого мудреца. Этот архетип несет в себе возможность образа некоей особо одаренной личности, обладающей магической силой. Представление о таком врачевателе, несущем в себе способность общаться с духами и владеющим волшебством глубоко укоренено у многих первобытных народов.

196 Губанов Н.И. О гносеологическом статусе малоизученных феноменов чувственного отражения // Философские науки. 1986. № 2. С. 94.

197 Юнг К.Г. О психологии бессознательного // Психология бессознательного. М.: Канон+, 2003. С. 143.

198 Там же. С. 143.

А некоторые народы даже считают, что звери тоже имеют своих «докторов». Так, ахумави в Северной Калифорнии разделяют обычных койотов и «койотов-докторов». Представление о последних входит в менталитет этого народа. Всеобщий архетип мудрого старца оформился в данном случае в представление о «койотах-докторах». Видимо, в виду того, что койоты занимали важное место в жизни племени, именно их образ участвовал в оформлении всеобщего архетипа и придал ему такой специфический и причудливый характер.

Возможно, актуализация одного и того же архетипа у разных лиц обуславливает появление научного открытия несколькими учёными независимо друг от друга, а также возникновение в искусстве произведений, воплощающих одну и ту же идею в разных художественных вариантах.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что элементы индивидуального бессознательного, формируясь в конкретных жизненных обстоятельствах, входят в состав менталитета человека, в котором наблюдается их сложное взаимодействие с определёнными элементами коллективного бессознательного, а в дальнейшем и с рациональными компонентами психики. Итогом служит неповторимый, своеобразный характер художественного, научного, философского и иного творчества человека. Оригинальность креативного результата определяется менталитетом творца, включающим в себя своеобразное сочетание элементов индивидуального бессознательного, коллективного бессознательно-го и рефлекслируемых рациональных компонентов.

ГЛАВА 2. ЗАКОНОМЕРНОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ МЕНТАЛИТЕТА

2.1. Закон тройной детерминации менталитета

Концепции детерминации менталитета. В самое последнее время процесс формирования менталитета получил наименование ментализации человека. Понятие «ментализация», производное от концепта «менталитет», свидетельствует об эвристичности этого концепта. Данное понятие уже довольно широко и, на наш взгляд, весьма плодотворно используют психологи и педагоги, в особенности при разработке методов формирования различных видов профессионального менталитета¹⁹⁹.

Далее мы рассмотрим концепции, которые объясняют причинную обусловленность процесса ментализации. Раньше при обсуждении вопроса об обуславливающих менталитет факторах существовало три концепции. В соответствии с первой из них, менталитет обусловлен природно-генетическими факторами. Первым, по-видимому, это положение обосновывалось французским историком Ж. Лефевром, который писал, что коллективная и индивидуальная ментальность являются своего рода биологическими константами²⁰⁰.

Вторая концепция содержание менталитета объясняла социально-культурными условиями. Эта точка зрения была характерна для другого французского историка, одного из основателей школы «Анналов», Л. Февра. Развивая социоисторическую психологию, Февр мыслил ментальность не как биологически укоренённую константу, а как исторически складывающуюся под влиянием социальных условий структуру, определяющую мысли, чувства, ценности и поведение людей²⁰¹.

Отмеченные две концепции преувеличивали значение либо природных, либо социальных факторов для осуществления ментализации. В настоящее время преобладает третья концепция, согласно которой, формирование менталитета детерминируется как генетическими, так и социальными факторами. Так, П.И. Смирнов применительно к такому компоненту менталитета, как на-

199 См.: Толстошеина Н.В. Система мотивов как основа формирования профессиональной ментальности будущего специалиста: Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата психологических наук: 19.00.07. Курск, 2001. 22 с; Картушина И.Г. Формирование профессионального менталитета инженера по организации и управлению на транспорте: Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата педагогических наук: 13.00.08. Калининград, 2004. 22 с.

200 Lefevre G. La Grande peur de 1789. Suive de «Les foules revolutionnaires». P., 1988. 314 p.

201 Февр Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991. 384 с.

циональный характер, пишет, что «национальный характер есть комбинация природного и социального начал»²⁰². Такую же позицию занимают Н.А. Моисеева и В.И. Сорокикова²⁰³. А.В. Косов отмечает: «Ментальность формируется на основе природных данных и социально обусловленных компонентов»²⁰⁴.

Третья концепция синтезирует две предыдущие и является наиболее истинной. Однако и она не обладает нужной степенью адекватности. Дело в том, что все качества и признаки человека, в том числе и те, которые составляют его менталитет, имеют не один и не два, а три источника детерминации: 1) генотип (природное начало); 2) окружающую среду, представленную естественно-географическими и социальными условиями (природное и социальное начала) и 3) собственную креативную деятельность субъекта по созданию новых культурных смыслов и по самосовершенствованию (личностное начало). Генотип детерминирует психические возможности человека (задатки), а внешние условия, в особенности условия обучения и воспитания, а также собственные усилия по самосовершенствованию определяют, насколько эти задатки реализовались. Неповторимый ансамбль ментальных особенностей каждого человека обусловлен взаимодействием трёх начал – генетического, средового и личностного.

Инновационная (креативная) деятельность субъекта есть форма самодетерминации человека. Она занимает особое место в формировании и развитии менталитета: именно благодаря ей в менталитете зарождаются новые компоненты, и менталитет может прогрессировать. Первые два детерминирующих фактора – генотип и среда – обуславливают сохранение и трансляцию менталитета – передачу ментальных особенностей от одних поколений людей к другим и от одних социальных групп или лиц к другим. Третий же фактор – творческая духовная активность человека – обуславливает развитие менталитета, его качественное изменение и совершенствование.

Несмотря на то, что духовный мир и социально-психологические качества каждого человека формируются всеми тремя отмеченными выше детерминирующими факторами, однако *особенности социально-психологических качеств*, характеризующие различия между людьми, могут быть обусловлены преимущественно либо условиями среды, либо генотипом, либо личностной активностью. В связи с этим можно выделить три способа, или механизма, формирования менталитета в обществе, которые далее будут нами описаны.

202 Смирнов П.И. Социология личности. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. С. 172.

203 Моисеева И.А., Сорокикова В.И. Менталитет и национальный характер// Социологические исследования. 2003. № 2. С. 45–55.

204 Косов А.В. Ментальность как мировоззренческая система и компонента мифосознания // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. Вып. 3. С. 88.

Первый способ формирования менталитета. Этот способ ментализации заключается в том, что проживание людей в одинаковых или очень сходных природных, социально-экономических, политических и культурных условиях приводит к возникновению у них сходных социально-психологических особенностей. Так формируются национальный, классовый, религиозный, территориальный, исторический менталитет и в определённой мере некоторые виды профессионального менталитета на основе овладения субъектом легитимных для данного социума социальных ролей – ролей представителя нации, класса, конфессии, территории, исторической эпохи, профессии. В этом случае определяющую роль в формировании менталитета играет своеобразие внешних по отношению к субъекту условий. Данный способ ментализации был характерен, в частности, для становления российского менталитета.

В пределах каждой из социальных общностей (нации, класса, населения региона, населения исторической эпохи и др.), характеризующихся своим групповым менталитетом, имеется неисчислимое множество индивидуальных менталитетов. Последние обусловлены, во-первых, различиями в условиях жизни и в особенностях субкультурной среды, которые могут отличаться, например, у обеспеченных и мало обеспеченных слоёв общности, во-вторых, различиями в генотипе, представляющем собой совокупность природных задатков (одарённость) для формирования социально-психологических качеств человека, и, в-третьих, различиями в собственной духовной творческой деятельности.

В рамках данного способа ментализации можно выделить два вида – стихийный (никем не управляемый) и сознательный (управляемый определёнными акторами). Все множество внешних по отношению к субъекту менталитета условий можно разделить на два типа: а) условия, складывающиеся спонтанно относительно носителя менталитета, не носящие целенаправленного характера со стороны какого либо конкретного социального актора по изменению ментальности этого носителя; б) условия, представляющие собой программы целенаправленного изменения ментальных особенностей субъекта со стороны некоего иного актора, обладающего целью, способами и возможностями такого изменения. Условия первого типа представлены такими факторами, как естественно-географическая среда (рельеф, климатические условия и т.д.), а также объективным и необходимым образом сложившимися экономическими, политическими и другими социальными (социальными – понимаемыми в широком смысле) условиями (демографическая ситуация, экономическое благосостояние населения, состояние культуры, политическая обстановка, правовая ситуация, криминальная обстановка и т.д.). Эти факторы существуют относительно независимо от носителей каких-либо конкретных менталитетов, складываются стихийно относительно них, без целеориентирования на изменение их менталитетов. Условия же второго типа существуют постольку, поскольку

существуют некие специфические носители менталитетов, на которых ориентировано создание этих условий. Особенный интерес представляют факторы второго типа, т.е. различные технологии по целенаправленному изменению менталитета того или иного субъекта. Подробно они будут рассмотрены в следующем параграфе.

Здесь же отметим, что в принципе любое социальное взаимодействие уже некоторым образом изменяет менталитет участников – оно изменяет поверхностные слои менталитета, создает ситуативные ментальные особенности, которые в отсутствии какой-либо продолжительной ситуации и деятельности легко элиминируются из менталитета впоследствии. Мы же сейчас ведем речь о более-менее продолжительных воздействиях, направленных на формирование относительно устойчивых ментальных особенностей, которые впоследствии детерминировали бы поведение и деятельность субъекта. Еще следует отметить, что любые воздействия на ментальность каким-либо образом влияют и взаимодействуют с компонентами всех сфер менталитета – и сенсорно-перцептивной, и эмоционально-волевой, и мотивационной, и рациональной, и когнитивно-интеллектуальной и др. Никакие элементы менталитета не остаются полностью в стороне при воздействии на ментальность извне. Это происходит в силу единства психики и взаимосвязанности ее процессов. Но различные виды целенаправленных воздействий на менталитет, как правило, в первую очередь ориентированы на изменение каких-либо определенных компонентов менталитета (например, компонентов мотивационной сферы). Так как ведущей сферой менталитета, на наш взгляд, является его мотивационный отсек, то больше всего нас будут интересовать воздействия, приводящие к изменению именно особенностей мотивационной сферы.

Надо иметь в виду, что любое изменение менталитета несет в себе некоторое мотивирование носителя менталитета, в зависимости от особенностей этого мотивирования выделяются определённые виды воздействий на менталитет, которые будут рассмотрены в отдельном параграфе.

Первый способ формирования менталитета, как уже отмечалось, представляет собой его транслирование от одного поколения к другому. Происходит это, во-первых, осознанно – на основе обучения и сознательного перевода внешних требований во внутренние нормы и свойства личности. Во-вторых, трансляция менталитета осуществляется и бессознательно – через подражание и внушение в процессе участия человека в жизни данного социума и получения от последнего нравственной, эстетической, политической и религиозной информации.

Из всех социокультурных факторов особую роль в формировании менталитета играет язык. Слова, в которых зафиксирован человеческий опыт, и грамматический строй языка оказывают влияние на самые различные компоненты

менталитета. Усваиваемый человеком с детства язык влияет на особенности его эмоционального реагирования, на принятие им тех или иных ценностей; язык формирует способы аргументации, воздействует на гибкость, глубину и широту мышления. Усваивая язык, ребёнок бессознательно овладевает имплицитно содержащимися в языковых структурах законами логики, хотя и не изучает науку логику. Язык представляет собой систему знаков, структурирующих картину мира. Поэтому, овладевая языком, ребёнок бессознательно формирует у себя некоторые общие представления о мире – то, что А.А.Мельникова называет национальной онтологией²⁰⁵.

Второй способ возникновения менталитета. Данный способ заключается в том, что состав социальной группы формируется из тех лиц, которые обладают специфической одарённостью – генетически обусловленными выраженными социально-психологическими особенностями. Сюда можно отнести становление некоторых видов профессионального менталитета, связанных с большой одарённостью в отношении какой-либо деятельности, например, менталитета музыкантов, художников, поэтов, дегустаторов, учёных, полководцев, детективов. Возможно, сюда можно отнести спортивный характер и спортивный менталитет в целом. При этом способе определяющую роль в формировании менталитета играет природный фактор – особенности генотипа, обуславливающие повышенную одарённость в отношении соответствующей деятельности.

Особенности генотипа обуславливают не только формирование некоторых видов группового менталитета, но и уникальный, неповторимый характер индивидуального менталитета. В настоящее время принимается, что человек не рождается со своими качествами – характерологическими, интеллектуальными, нравственными, профессиональными, – а все они формируются в ходе воспитания и обучения в результате взаимодействия природных и социальных факторов²⁰⁶. Природные факторы представлены наследственным кодом в виде задатков – потенциальных качеств, т.е. возможностей развития качеств²⁰⁷.

Социальные факторы – это игра, обучение, воспитание, общение, трудовая и иные виды деятельности. Генетические задатки передаются по каналу биологической наследственности от родителей к детям и представляют собой природную одарённость человека. Социальные условия реализуют задатки и

205 Мельникова А.А. Онтология национальной ментальности и синтаксис языка // Человек. 2009. № 2. С. 138.

206 Губанов Н.И., Царегородцев Г.И. Биологическая и социальная детерминация способностей (методологические аспекты) // Философские науки. 1988. № 2. С. 23–35; Губанов Н.И., Никольская Н.Н. О природной и социальной детерминации нравственности и криминального поведения // Философские науки. 2002. № 3. С. 98–105.

207 Равич-Щербо И.В., Марютина Т.М., Григоренко Е.Л. Психогенетика. М.: Аспект Пресс, 1999. 447 с.

превращают их в соответствующие способности и другие качества человека. Генотип детерминирует психические возможности человека (диапазон варьирования), а социальные условия определяют, насколько эти задатки реализовались посредством воспитания и обучения. Для целей нашего дальнейшего рассуждения важно также отметить следующее: все способности и другие качества человека имеют количественную градацию, т.е. они могут быть более и менее выраженными.

О необходимости генетических задатков для формирования способностей и других качеств человека говорит тот факт, что предпринимавшиеся неоднократно попытки «воспитания» детёнышей шимпанзе вместе с детьми человека не привели к социализации обезьяны и превращению её в разумное существо. От своего рождения человек не имеет речевых, мыслительных, нравственных способностей, но обладает задатками к их формированию. А обезьяна этих задатков не имеет. У человека поэтому в ходе обучения, воспитания и общения формируются соответствующие способности и личностные качества. А обезьяна в любых условиях остаётся животным. Чтобы стать разумным существом, недостаточно лишь жить в социальной среде, необходим ещё определённый, притом высокий, уровень биологической организации индивида.

О необходимости социальных условий для становления сознания и менталитета человека свидетельствует то обстоятельство, что маленькие дети, попавшие в среду животных и жившие с ними, не обладали речью и понятийным мышлением. А после возвращения в общество в определённом возрасте уже не могли научиться этому. Вне социума задатки человеческого генотипа не могут быть реализованы.

В современной психогенетике принято, что величины задатков различных людей укладываются на кривую распределения случайных величин²⁰⁸. Это обусловлено тем, что мутации и комбинации супружеских пар случайны. Кроме различий в задатках для людей характерно различие в условиях обучения и воспитания. Покажем биологическую и социальную детерминацию менталитета на гипотетическом примере. Допустим, для трёх лиц задатки какой-либо способности равны соответственно 100, 80 и 60 условных единиц. Если бы эти величины одарённости полностью реализовались, то и величины их способностей были бы равны приведённым числам. Допустим, возможности реализовались для каждого соответственно на 20, 40 и 70% в зависимости от условий воспитания. Тогда их способности будут соответственно равны 20, 32 и 42 условным единицам. Итак, на кривую распределения по величине задатков накладывается кривая распределения по социальным условиям. В результате не всегда лица, имевшие более высокие задатки, т.е. одарённость, станут

208 Губанов Н.И., Царегородцев Г.И. Биологическая и социальная детерминация способностей (методологические аспекты) // Философские науки. 1988. № 2. С. 23–35.

обладать и более выраженными способностями. Таким образом, различия в генетической и социальной детерминации качеств различных людей определяют всё многообразие менталитетов людей.

Генетические задатки проявляются в склонности человека к той или иной деятельности. Поскольку к одним видам деятельности человек проявляет большую склонность, а к другим – меньшую, то это позволяет заключить, что каждый человек обладает *индивидуальным профилем одарённости* – качественно своеобразным соотношением величин задатков. Наличие этого профиля показывает, что большая или меньшая одарённость имеется только в отношении какой-либо конкретной способности. На графике распределения величин интеллектуальных задатков человечества один и тот же индивид будет попадать на разные места при рассмотрении различных способностей. Наиболее выраженный задаток – пик в структуре задатков – у разных людей может иметь различную величину. В связи с этим индивиды могут иметь различную по величине одарённость и том виде деятельности, который служит для них призванием. Например, поэзия была призванием Пушкина, она служит призванием и для современных лучших поэтов. Но степень поэтической одарённости Пушкина несравненно выше поэтической одарённости наших современников.

Положение об индивидуальном профиле одарённости можно проиллюстрировать на таком гипотетическом примере. Предположим, у кого-либо профиль одарённости по 3-м выбранным задаткам представлен величинами 50, 60 и 90 условных единиц. Если бы указанные задатки реализовались на 100%, то и способности этого человека были бы равны приведённым выше числам. Указанная уникальная комбинация – 50, 60, 90 условных единиц – отличает его от других людей и есть его интеллектуальный менталитет.

Допустим, при неблагоприятных условиях образования задатки этого человека реализовались на 60, 40 и 20%. Тогда величины его актуальных способностей стали бы равны 30, 24 и 18 условным единицам. Эта неповторимая комбинация составит интеллектуальный менталитет данного человека. В целом уникальность менталитета каждого человека определяется взаимодействием двух множеств – природного и социального. Индивидуальный профиль одарённости – это природная основа уникальности личностного менталитета, а особенности обучения, воспитания, деятельности – социальное основание такой уникальности.

Из сказанного следует, что важная задача образования – максимальная реализация индивидуального профиля одарённости человека. А главная задача профориентации – определение призвания человека – вида деятельности, соответствующего его наиболее выраженному задатку. В результате каждый человек будет обладать максимально богатым по своим качествам менталитетом.

Эволюция самоорганизующихся систем любого вида зависит от их степени разнообразия. Природно-генетическое разнообразие организмов обеспечивает значительные адаптационные потенции популяции и служит одним из факторов биологической эволюции. Существование природного разнообразия у людей служит важным фактором развития общества. Наличие разных профилей интеллектуальной одарённости и различных менталитетов позволяет обществу успешно овладевать разными видами деятельности, для которых требуются особые сочетания интеллектуальных способностей и других личностных качеств.

Третий способ формирования менталитета. Он состоит в самодетерминации личности. Самодетерминация – это форма причинной обусловленности, заключающаяся в действии внутренних стимулов развития системы. Она выражается в том, что духовная активность человека формирует множество новых культурных смыслов, которые входят в менталитет данного человека и отличают его от других людей. Хотя моменты творчества в той или иной мере присущи всем людям, но данный способ характерен преимущественно для интеллектуальной элиты – творцов новых форм культуры. Благодаря этому способу происходит развитие менталитета.

В существующей литературе при обсуждении вопроса о становлении менталитета принимаются во внимание первые две из отмеченных выше форм его детерминации – генотип и внешние условия. При этом не учитывается, как нами уже отмечалось во введении к диссертации, качество самодетерминации менталитета. А между тем, человек не есть пассивное произведение биологической наследственности и внешних условий. Как справедливо отмечалось известным отечественным генетиком Д. Беляевым, «если всё живое развивается в системе двух составляющих – наследственности и среды – в их взаимодействии, то для человека как личности надо добавить третий элемент, а именно самого себя, своё собственное «эго» с индивидуальным миром духа, чувств, мыслей, страстей, поведения и собственных решений»²⁰⁹. Человек – единственное на планете существо, обладающее способностью к самодетерминации.

У талантливых и гениальных людей, составляющих высшую духовную элиту общества, фактор самодетерминации, выражающийся в собственной творческой активности, самовоспитании, самообладании, самодисциплине, волевой направленности, особенно ярко выражен. Самодетерминация может преобладать над внешними условиями. К примеру, М.В. Ломоносов, М. Горький, М. Фарадей, Д. Лондон и многие другие незаурядные представители культуры сначала находились в крайне неблагоприятных социальных и бытовых условиях, но, обладая исключительной силой воли, целеустремлённостью, ра-

209 Беляев Д. Генетика, общество, личность // Коммунист. 1987. № 7. С. 93.

ботоспособностью, сами смогли создать себе требуемую среду и необходимые для развития условия. Благодаря этому они реализовали свои незаурядные интеллектуальные задатки.

В лучшем своём воплощении человек обладает внутренней программой активности – программой саморазвития, самосовершенствования и самореализации. В таком воплощении он является творческим существом. Это творчество управляется менталитетом человека и заключается в создании новых форм культуры и формировании у самого себя чаемых социально-психологических свойств.

Новые формы культуры и новые личностные свойства постоянно пополняют ментальность творческого человека. Тем самым, менталитет обладает качеством самодетерминации и не зависит целиком от генотипа и внешних условий, в том числе и от условий обучения и воспитания. Более того, надо ещё раз подчеркнуть, что наиболее оригинальные компоненты менталитета возникают именно в результате актов самодетерминации. Например, менталитет А.С. Пушкина или, скажем Л.Н. Толстого, отличался от менталитета других людей в первую очередь тем, что создал их творческий дух, а не тем, что они получили на уроках в гимназии. Творческий дух – это система умственных способностей, порождающих новые знания о мире, человеке, способах его деятельности.

Три формы детерминации менталитета – генотип, внешние условия и творческую активность самого субъекта – не следует противопоставлять друг другу. Эти формы взаимодействуют друг с другом в едином процессе формирования менталитета: обусловленная генотипом природная склонность к какой-либо деятельности приводит к выбору человеком определённой профессии, а профессиональная деятельность и соответствующая ей социальная среда со своими нормами, ценностями, установками, способами мышления формируют у человека специфические мировоззрение и социально-психологические качества. Благодаря этим качествам человек достигает определённого уровня умственной активности, осмысливает прежний опыт, актуальные социальные проблемы и создаёт новые культурные смыслы, обогащающие духовный мир людей.

В течение жизни ментальность личности может изменяться. Это может быть обусловлено изменением или сменой социокультурной среды, что, например, характерно для людей, эмигрирующих сейчас из России в западные страны. Второй причиной изменения менталитета может быть собственная креативная деятельность человека. А третьей причиной его изменения может послужить целенаправленная деятельность определённых акторов по формированию нужных ментальных особенностей субъектов. Формы этой деятельности мы рассмотрим в следующем параграфе.

2.2. Технологии целенаправленного изменения менталитета (обучение, применение санкций, манипуляция)

Для успешной модернизации России, предотвращения межэтнических и межцивилизационных конфликтов требуется, как нами уже отмечалось, определённая коррекция менталитетов соответствующих социальных общностей. В связи с этой необходимостью ниже будут рассмотрены наиболее распространённые способы целенаправленного воздействия на ментальность.

Различные виды обучения и воспитания. Они осуществляются в семье, в различных учебных заведениях, в других учреждениях культуры и в различных коммуникационных процессах. При обучении формируются знания, умения, навыки, способности путём объяснения, убеждения, интеллектуального тренинга. Воспитание состоит в формировании личностных качеств, а также ценностных ориентаций, моделей поведения, нравственных, эстетических, правовых, политических, религиозных убеждений посредством внушения, примера, подражания. Обучение, полагал Аристотель, формирует интеллектуальные добродетели, а воспитание – этические (а также и другие, регулирующие поведение в социуме, – добавим мы). Воздействия в виде обучения и воспитания направлены в первую очередь на изменение когнитивно-интеллектуальной, рациональной, а также мотивационной сферы менталитетов соответствующих лиц.

Мотивационные воздействия посредством наград и кар. Сюда относятся многообразные санкции, начиная от отметок в школе и заканчивая вердиктами судов, государственными премиями и правительственными наградами. Воздействие посредством санкций – это формирование у человека необходимых мотиватору ментальных особенностей с помощью демонстрации возможной награды или наказания. Использование санкций особенно характерно для правовой, политической, экономической сфер общества. Воздействия посредством санкций направлены в первую очередь на мотивационную сферу менталитета, и уже потом на его рациональную и когнитивно-интеллектуальную сферы. Их отличие от предыдущей группы условий, также преимущественно воздействующих на данные сферы, заключается в том, что при обучении и воспитании имеет место либо сознательный перевод внешних требований во внутренние нормы и свойства личности благодаря добровольному, самостоятельному выбору обучаемого, либо неосознанное подражание тому, кто обладает для обучаемого авторитетом. Результатом обучения и воспитания является формирование в менталитете обучаемого такой *внутренней мотивации* (его собственных потребностей, ценностей), которая в дальнейшем всегда и везде будет управлять его поведением. А во втором случае поведение субъекта формируется под воздействием специально создаваемых для разных ситуаций

мотивов (кар и наград), ориентируясь на которые субъект начинает вести себя определенным, нужным создателю мотивов, образом (*внешняя мотивация*), а в отсутствии данных мотивов он мог бы вести себя совсем по-другому.

Стоит сделать небольшое пояснение. Любая деятельность всегда является полимотивированной, и субъект всегда характеризуется множеством мотивов, находящихся в иерархических отношениях, но удельный вес разных мотивов в структуре полимотивированной деятельности может быть различным. Обучение опирается преимущественно на внутреннюю мотивацию, а воздействие посредством кар и наград – на внешнюю мотивацию. «Мотивация – это необходимое условие для развертывания актуальной мыслительной деятельности...но она может быть разной. На одном полюсе находится внешняя, на другом – внутренняя мотивация. Положение о том, что есть внешняя и внутренняя мотивация, является более или менее устоявшимся в научной литературе»²¹⁰.

Изменение менталитета посредством манипуляции. Манипуляция – формирование у человека путём скрытого обмана идеи и мотивации, выгодной манипулятору. Отличие данного способа от предыдущих в том, что регулирующее воздействие кар и наград на субъект поведения носит характер осознанной им оценки, расчета выгод и невыгод от определённых поступков. Цель создателя мотивов тут всем ясна, прозрачна и осознана субъектом поведения (мотивируемым); также им прекрасно осознаны свои выгоды-невыгоды. А при третьем способе тот, над кем совершается манипуляция, не осознает истинную цель манипулятора, становится неспособен адекватно оценить степень своей реальной, а не декларируемой манипулятором выгоды. Типичный пример – как реклама заставляет людей покупать их то, что совершенно им не нужно, избыточно их потребностям. При манипуляции наличествует воздействие тоже в первую очередь на мотивационную сферу, и во вторую – на когнитивно-интеллектуальную и рациональную. А также технологи манипуляции используют достижения современной психологии в области изучения того, как можно управлять поведением субъекта, воздействуя нужным образом на его бессознательное (поэтому для технологий манипуляции так важны такие течения как психоанализ, бихевиоризм). Мотивация здесь носит главным образом внешний характер (со стороны манипулятора), но при удачной манипуляции у манипулируемого создается стойкое впечатление, что это его внутренняя мотивация (соответствующая его собственным потребностям, целям и интересам) и его собственный добровольный выбор.

Типы отношений в процессе ментальных преобразований. В зависимости от выделенных нами трех способов целенаправленного формирования ментальных особенностей выделим и три идеальных (в смысле идеальных объектов, а не соответствующих идеалу) типа отношений между участника-

210 Тихомиров О.К. Психология мышления. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. С. 29.

ми такого акта изменения ментальности и условно назовем участников этих актов: 1) *учитель – ученик*; 2) *мотиватор – мотивируемый*; 3) *манипулятор – манипулируемый*. В жизни редко встречаются чистые виды этих отношений, чаще реальные отношения представляют собой некую комбинацию этих типов. Например, обучение почти всегда сопровождается каким-то мотивированием посредством санкций (оценки, похвалы, грамоты, вызова родителей). Рассмотрим подробнее каждый из этих типов актов.

1) *Учитель – ученик*. При акте обучения и воспитания со стороны *учителя* имеет место информирование, показ, объяснение, воспитание, демонстрация внушаемого положения собственным примером, восприимчивость к критике, отсутствует навязывание, принуждение; *учитель* оставляет за *учеником* право выбора, что принимать на веру, а что не принимать; доказательство посредством рациональной аргументации, демонстрация *ученику* всех возможных точек зрения. Всё это отсутствует при использовании санкций, заставляющих человека подчиняться внешним требованиям.

Со стороны *ученика* имеет место запоминание, понимание, разумное доверие, уважение, подражание, высокая критичность и самокритичность. Примерами таких отношений (с разной степенью приближенности к этому идеальному типу) могут служить: урок в школе, доклад ученого на симпозиуме, товарищ сообщает вам что-то неизвестное или дает совет в сложной для вас ситуации, родитель объясняет что-то ребенку, проводится мастер-класс или бизнес-тренинг, публичное обсуждение, различные обучения на предприятиях, публичная проповедь, процесс исповеди, выступление артиста, поэта перед публикой и т.д. При этой форме отношений мы в течение всей жизни выступаем попеременно то *учителями* для кого-то, то *учениками* кого-то, причем мы можем меняться ролями с одним и тем же субъектом в разных ситуациях.

Истинная цель *учителя* известна *ученику*, она не камуфлируется как при манипуляции. У *учителя* нет какой-либо цели, отличной от заявленной (обучить тому то). *Ученик* сам приходит к неким выводам, результатам, убеждениям, чувствуя, понимая и принимая для себя их истинность, справедливость без прагматической оценки последствий, как при мотивировании посредством наград и кар, делает что-то просто «для себя», «по совести», «ради истины», «потому, что так правильно, так поступать хорошо». Процесс обучения (воспитания, искренней проповеди, знакомства с произведением искусства) приводит к актуализации в психике *ученика* внутренней мотивации к какой-либо деятельности («узнать больше», «быть честным» и т.д.). Этот тип отношений, в довольно чистом виде, пожалуй, встречается в научной деятельности. Одна из самых главных характерных черт этого вида отношений – здоровая критичность и готовность к совместному обсуждению, дискуссии. «Императив организованного скептицизма предполагает не только запрет на догматичес-

кое утверждение Истины в науке, но, напротив, вменяет в профессиональную обязанность ученому критиковать взгляды своих коллег, если на то имеются малейшие основания. Соответственно необходимо относиться и к критике в свой адрес, а именно – как необходимому условию развития науки. Истинный ученый – скептик по натуре и призванию»²¹¹.

При мотивировании посредством кар и наград никакой дискуссии и сомнений быть не может, *мотиватор* просто ставит *мотивируемого* перед фактом, какие последствия его ожидают. При манипуляции конструктивной дискуссии тоже быть не может в силу того, что *манипулируемый* не понимает истинного смысла (значения) происходящего, а имеет дело с некоей фальшивой реальностью, специальным образом созданной *манипулятором*. Если у *манипулируемого* возникнет подозрение в истинной цели и смысле деятельности *манипулятора*, то такая манипуляция грозит тут же развалиться. Она несовместима с сомнением.

В реальной жизни чаще всего используют методы обучения и воспитания, и сильнее других приближаются к идеальному типу учителя представители следующих видов деятельности: учителя, преподаватели вузов, научные руководители, лидеры общественных организаций, руководители различных коллективов, кружков (научных, творческих), председатели собраний, спикеры, различные эксперты, священнослужители, писатели, поэты, мыслители, художники и т.д.

Какие сферы менталитета больше всего подвергаются изменению при различных видах обучения и воспитания? Во-первых, это рациональная сфера. У *ученика* изменяется набор понятий – появляются новые, уточняется понимание старых понятий (объёма и содержания), а также изменяются умения к формированию суждений и умозаключений. Во-вторых, изменяются особенности когнитивно-интеллектуальной сферы. Появляются новые знания, умения, развиваются различные способности. В-третьих, изменяется мотивационная сфера менталитета – в процессе обучения и воспитания появляются новые потребности, интересы, цели, ценности, которые в дальнейшем определяют судьбу личности. В-четвертых, можем отметить, что при тех или иных видах обучения могут значительно изменяться и другие компоненты менталитета. Например, при спортивном или военном обучении значительно усиливаются волевые качества *ученика*, входящие в его эмоционально-волевой отсек. При обучении в художественной школе могут изменяться особенности сенсорно-перцептивной сферы, тоже имеем и в случае обучения дегустаторскому и кулинарному мастерству. В ходе художественного обучения *ученик* приобретает способность более тонко чувствовать и переживать искусство. Это отражается

211 Философия науки / под ред. С.А. Лебедева: Учебное пособие для вузов. Изд. 5-е, перераб. и доп. М.: Академический Проект, Альма Матер, 2007. С. 23.

в особенностях его эмоционального реагирования, входящих в эмоционально-волевую сферу менталитета.

2) *Мотиватор – мотивируемый*. При акте мотивирования посредством кар и наград со стороны *мотиватора* имеет место ознакомление *мотивируемого* с нормативными положениями, условиями и правилами некоторой деятельности, критериями оценок этой деятельности, разъяснение ему последствий тех или иных поступков, демонстрация его выгод и невыгод. Со стороны *мотивируемого* имеет место прагматический расчет выгод-невыгод, оценка вероятности наступления тех или иных последствий, сравнение различных желательных для него результатов и выбор своих предпочтений. Примерами таких отношений могут послужить: публикация новых законов в центральных газетах и ознакомление с ними общественности, создание и публикация различных правовых кодексов, сообщение директора предприятия о выплате премии каким-либо сотрудникам, предупреждение о штрафах (например, за парковку в этом месте), объявление руководителя творческого коллектива о проведении конкурса на лучшую работу, предупреждение судьи, что некий участник процесса может быть наказан за неуважение к суду и т.д. Отличие *учителя* от *мотиватора* можно продемонстрировать таким примером. *Учитель* говорит: «Не кури, это вредно и некрасиво», а *мотиватор* провозглашает: «штраф за курение в этом месте 300 рублей». Влиянием кар и наград на поведение человека обстоятельно занимался П. Сорокин²¹². В результате обобщения обширного фактического материала он приходит к следующему выводу: «...как кары, так и награды влияли и влияют на поведение человека. Мало того, мы имеем смелость утверждать, что, если бы не было этих рычагов, поведение как целых народов, так и отдельных личностей было бы существенно иным. Утверждая это, мы прежде всего исходим из того положения, что целевые и утилитарные соображения человека способны так или иначе влиять на поведение индивида»²¹³. У человека развитие способности оценивать будущие варианты событий шло совместно с развитием культуры: «И чем культурнее человек, тем большее значение в его поведении играют целевые соображения, так как тем более способным он становится заглядывать в будущее и высчитывать цепь последствий, получающихся из тех или иных поступков. Первобытный же человек по самой своей психической организации не способен представлять себе отдаленные цели, а потому эти цели и не играют для него большой роли. Для него есть выгоды и невыгоды сегодняшнего и завтрашнего дня, но выгод, которые наступят через год или 5 лет, для него нет, а потому он и не может координировать свое поведение сообразно с ними»²¹⁴. Отсюда можно сделать вывод, что степень

212 Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Пер. с англ.; Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов. М.: Политиздат, 1992. 543 с.

213 Там же. С. 115.

214 Там же. С. 116.

мотивирующего воздействия посредством применения санкций для разных субъектов будет различной. Так, Сорокин приводит в качестве примера описание австралийцев Г. Спенсером. Последний описывал их как «неспособных к сколько-нибудь настойчивому труду, коль скоро вознаграждение за этот труд может быть получено только в будущем»²¹⁵. Тут же исследователь говорит об их беспечности, непредусмотрительности, импульсивности, детской веселости поведения, об отсутствии у них накоплений на черный день.

При мотивировании посредством кар и наград, эти новые мотивы вступают во взаимодействие (нередко в прямой конфликт) с имеющимися у субъекта мотивами. В некоторых случаях эти новые, внешние мотивы берут верх. «А сколько есть чиновников, которые честны не по убеждению, а только из боязни наказания; они с удовольствием взяли бы взятки и если не берут, то только благодаря мотивационному действию наказания – боязни лишения службы, понижения, позора и т.д. . . . Сколько есть лиц (преступников), морально-правовые убеждения которых нисколько не противоречат совершению ряда убийств, насилий и т.д. в каждый данный момент. И если они не делают это постоянно, то только из боязни, что попадут под влияние наказания. Наказание давит на их поведение и видоизменяет его. Подобных примеров мотивационного давления кар можно привести сколько угодно. Само существование кар – лучшее свидетельство этому»²¹⁶.

А в некоторых случаях верх берут внутренние мотивы. «Христианские мученики, исповедующие своего Бога, несмотря на пытки и казни, революционеры, продолжающие свою борьбу, несмотря на те же кары, всякий человек, исполняющий свой долг в ущерб своим интересам и так или иначе караемый за это исполнение своего долга (так как за неисполнение его он мог бы быть награжден), – все это примеры победы «морально-должного» поведения над поведением, требуемым давлением санкций»²¹⁷.

Попробуем перечислить факторы, определяющие влияние применения санкций, опираясь на «теоремы мотивационного влияния наказаний и наград на поведение людей», предложенные П. Сорокиным.

А) «При прочих равных условиях одна и та же награда или одно и то же наказание тем сильнее влияют на поведение человека, чем момент их выполнения ближе»²¹⁸. Эта идея хорошо демонстрируется русской народной мудростью: «Лучше синица в руках, чем журавль в небе». Выше мы уже писали, что неразвитый человек (первобытный, или ребенок) не в состоянии вообще воспринимать сколько-либо отдаленные перспективы, поэтому для его мотивирования награды и кары должны быть очевидны и наступать тут же после его поступка.

215 Цит по: Указ соч. С. 120.

216 Там же. С. 117.

217 Там же. С. 128.

218 Там же. С. 119.

Б) «Одна и та же кара или награда тем сильнее влияют на поведение одного и того же человека, чем сильнее в нем уверенность в их неизбежности»²¹⁹. Например, если бы все преступники были бы уверены в неизбежности наказания, то количество преступлений уменьшилось бы в разы. Чем выше представляется вероятность наступления кары для преступника, тем меньше вероятность того, что он совершит преступление.

В) «Одна и та же награда или кара при прочих равных условиях произведет тем большее влияние на поведение различных людей или одного и того же человека в различные периоды его жизни, чем больше данный человек нуждается в этой награде для удовлетворения соответствующей потребности, или чем большее «благо» отнимает у него кара»²²⁰.

Например, значение игрушки для ребенка и взрослого в качестве награды за тот или иной поступок.

Г) «Степень мотивационного влияния одной и той же кары или награды на различных людей зависит от характера и интенсивности (устойчивости) их научно-религиозно-морального мировоззрения и миропонимания»²²¹. Т.е. степень мотивационного воздействия посредством санкций зависит от того, с ментальными особенностями какого уровня будут взаимодействовать привносимые извне мотивы. Какие ментальные особенности будут актуализированы этим внешним привнесением. Если награды и кары встретятся с некими ментальными особенностями (ценностями, убеждениями, настроениями) довольно глубокого уровня, с достаточно устойчивыми особенностями, то в такой борьбе мотивов одержат верх убеждения и внутренняя мотивация вопреки карам и наградам. П. Сорокин в качестве примера привел спор между Ферри и Тардом. Ферри считал, что кары являются бессильными и аргументировал свою точку зрения тем, что, например, ряд жестоких наказаний за дуэли в 17-м в. не сократили число дуэлей, но в их время, когда строгих наказаний нет, количество дуэлей намного меньше, чем при Людовике 13-м. «Тард вполне резонно на это отвечает, что страх эшафота, острога и тюрьмы в этом случае, как и в других, ничто в сравнении со страхом перед общественным мнением, требовавшим дуэли и в случае отказа от нее шельмовавшим «таких» преступников перед общественной совестью. И моральные убеждения дуэлянтов, и общественное мнение требовали тогда дуэли. В силу этого этот «должный» шаблон поведения был весьма устойчив и мог весьма успешно сопротивляться давлению самых жестких кар. Лучше эшафот или тюрьма, чем вечное «бесчестие», казавшееся неизбежным в случае отказа от дуэли»²²².

219 Там же. С. 121.

220 Там же. С. 122.

221 Там же. С. 123.

222 Там же. С. 128.

От чего же зависит устойчивость ментальных особенностей (убеждений, например)? Дать исчерпывающий ответ на этот вопрос мы не беремся. Но можно отметить, что факт повторения и привычки являются важными условиями укрепления некой ментальной особенности (соответствующей данным актам). «...сам факт многочисленного повторения тех или иных актов (под влиянием кар и наград) может (благодаря рикошетному влиянию акта на психику) как усилить, так и расшатать уже имеющиеся убеждения. Многократная реализация моральных убеждений укрепляет и делает их устойчивыми, многократное же нарушение их вытравливает, расшатывает и может даже совершенно уничтожить имеющиеся убеждения и выработать убеждения противоположного характера»²²³.

Продолжая разговор о влиянии кар и наград на менталитет, приведем удачную историческую иллюстрацию такого влияния, данную Тардом и приведенную в работе Сорокина: «Согласно архивным данным, в течение 15 и 16-го веков в Испании инквизицией было приговорено к смертной казни и к галерам 300 000 человек за «свободомыслие и религиозные преступления». Эта ужасная цифра дает основания полагать, что в это время (исторически цветущий период для Испании) в Испании больше, чем где бы то ни было, существовало смелых, независимых и деятельных мыслителей. Но 300 000 жертв и страх жестоких кар, терроризировавший население и аргументируемый кострами, пытками и т.д., не прошли бесследно даже для целого народа. По мере карательной расправы импульсы – «веровать и действовать иначе, чем требовала инквизиция» – должны были постепенно подавляться. И достаточно продолжительная дрессировка в этом направлении сделала свое дело. После этого периода работа свободной мысли в стране упала, официальная вера постепенно внедрилась в плоть и кровь народа и сделала страну образцовой с точки зрения католического клерикализма... «Костры достигли своей цели». Они изменили в значительной степени сами психические переживания и убеждения»²²⁴.

Таким образом, при продолжительном воздействии санкций на менталитет субъекта и при продолжающейся деятельности, диктуемой данными санкциями, внешняя мотивация постепенно превращается во внутреннюю и начинает в дальнейшем действовать даже при отсутствии санкций. «В истории известны факты, где мы видим, как свободный вначале народ, подпав под чужое иго и вынося это иго вначале только благодаря строгим карам и наградам, потом привыкал к нему и постепенно делался «рабом по привычке» или «природным рабом». Долгая дрессировка постепенно вытравила из него свободную душу и мысль о собственном достоинстве и превратила в раба, для которого уже не

223 Там же. С. 132.

224 Там же. С. 139.

нужны карательные законы, чтобы повиноваться капризам деспота: он уже по природе своей стал холопом, и повиновение стало его потребностью»²²⁵.

Ранее мы уже отметили, что при обучении, равно как и при всех других видах деятельности, имеет место полимотивированность. Обычно в психологической литературе выделяют две группы мотивов: внешние и внутренние. Вот как отличие этих разных групп мотивов применительно мыслительной деятельности описал Тихомиров: «...когда говорят о внешней мотивации, то подчеркивают, что задача решается ради достижения каких-то результатов, не связанных с познанием объекта... Например, решить задачу, чтобы как можно быстрее уйти из аудитории... Та же самая задача может решаться на основании внутренней мотивации, которая включает в себя такие аспекты, как: разобраться, что из себя представляет данная головоломка, каков метод ее решения... Представим себе ситуацию: поставлено условие – кто первый решил задачу, тот может уйти из аудитории. И вот пять человек остались, решили задачу и не уходят. Начинаются дополнительные вопросы: а есть ли аналогичная задача?... А нельзя ли привести своих знакомых решать свои задачи? Эти и ряд других косвенных индикаторов свидетельствуют о том, что актуализировалась некоторая познавательная потребность»²²⁶. На наш взгляд, главная цель обучения как раз активизировать внутреннюю мотивацию – это самое главное условия эффективного последующего обучения и высоких результатов обучаемого. Хотя следует отметить, что внешняя мотивация тоже имеет большое значение для обучения и по времени она обычно сначала преобладает над внутренней, а последняя постепенно усиливается в дальнейшем. Опытный педагог грамотно и ненавязчиво применяет внешнюю мотивацию, которая постепенно трансформируется и дополняется внутренней. Психологи показали, что на продуктивность решения задачи оказывают влияние такие внешние факторы, как форма предъявления задачи, характер инструкций и вопросов, соревновательная ситуация²²⁷.

В роли *мотиваторов* в жизни чаще всего выступают различного рода управленцы, менеджеры, представители властных, силовых, законодательных структур, руководители, директора, президенты, супервайзеры, администраторы, приставы, суды, присяжные, органы, осуществляющие контроль, надзор, проверку и т.д.

Мотивирование применением санкций прежде всего воздействует на мотивационную сферу менталитета. Оно добавляет в менталитет, в его поверхностные мотивационные слои новые мотивы, которые участвуют в борьбе мотивов и при продолжительном действии и длительном выполнении актов, диктуемых

225 Там же. С. 138.

226 Тихомиров О.К. Психология мышления. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. С. 29.

227 Там же.

санкциями, формирует новые устойчивые и глубокие ментальные особенности. «...Кары и награды, в соединении с повторением и рикошетным влиянием его на психику, являются той магической силой, которая трансформирует наши нравы, наше поведение, наши привычки и вообще всю нашу жизнь»²²⁸. А также мотивирование изменяет рациональную и когнитивно-интеллектуальную сферу менталитета – это происходит в результате ознакомления субъекта с новыми правовыми понятиями, законами, нормами, овладении им новыми навыками правового поведения и т.д.

3) *Манипулятор – манипулируемый*. При манипуляции со стороны *манипулятора* имеет место желание по возможности скрыть сам факт своего воздействия и свою истинную цель, создается некая фальшивая реальность, используется длительная дезинформация или одностороннее освещение фактов, постоянное повторение одного и того же, используются самые различные технологии воздействия на скрытые слабости, комплексы, страхи, фобии, особенности бессознательного субъекта. Цель *манипулятора* подвести *манипулируемого* к таким решениям, к которым тот самостоятельно бы не пришел и при этом считал бы, что он сам решает так сделать. Однако эти решения служат только скрытым целям *манипулятора* и о них *манипулируемый* не должен догадываться. *Манипулятор* создаёт информационную ситуацию, в которой его жертва добровольно принимает идею и мотив поведения, выгодный манипулятору. *Манипулятор* часто стремится замаскироваться под *учителя*. Со стороны *манипулируемого* имеют место невдумчивые выводы, подчинение иррациональным порывам, гневу, страсти, жадности, слепая вера *манипулятору*, бездумное подражание, малая степень рефлексирования относительно своих выводов, низкая самокритичность и критичность по отношению к *манипулятору*.

С. Кара-Мурза дает определение манипуляции как программирования «мнений и устремлений масс, их настроений и даже психического состояния с целью обеспечить такое их поведение, которое нужно тем, кто владеет средствами манипуляции»²²⁹. Он отмечает следующие особенности манипуляционного воздействия. Это вид духовного, психологического воздействия (не физического насилия или угрозы такового). Это скрытое воздействие, которое не должен заметить объект манипуляции. *Манипулируемый* должен верить, что все происходящее естественно. Для манипуляции нужна фальшивая действительность, в рамках которой сама манипуляция будет незаметна. Также *манипулятор* скрывает свою истинную цель проведения воздействия. «Еще более тщательно скрывается главная цель – так, чтобы даже разоблачение самого факта попытки манипуляции не привело к выяснению дальних намерений.

228 Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Пер. с англ.; Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов. М.: Политиздат, 1992. С. 139.

229 Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: Изд-во Эксмо, 2006. С. 16.

Поэтому сокрытие, утаивание информации – обязательный признак, хотя некоторые приемы манипуляции включают в себя «предельное самораскрытие», игру в искренность, когда политик рвет на груди рубаху и пускает по щеке скупую мужскую слезу»²³⁰. Как правило, для проведения манипуляции требуются значительное мастерство и знания, хотя бывают и исключения.

Пожалуй, удачной художественной иллюстрацией процесса манипуляции может служить басня Крылова «Ворона и Лисица». У Лисицы есть своя цель – заполучить сыр. Она не прибегает к угрозам, она не говорит: «отдай мне сыр, а то поплатишься», она не прибегает к простому обману: «кинь мне сыр, а я тебе кину что-то взамен». Она создает фальшивую реальность – начинает хвалить Ворону и делает так, чтобы та сама захотела спеть. Ворона считает, что истинная цель Лисицы совпадает с декларируемой (подразумеваемой) – услышать ее голос, поэтому и ведет себя таким образом, к которому ее подводят. Разницу между простым обманом и манипуляцией поясняет Е.Л. Доценко в работе «Психология манипуляции» (М., 1996г.): «Например, кто-то спрашивает у нас дорогу на Минск, а мы направляем ложно на Пинск – это лишь обман. Манипуляция будет иметь место в том случае, если тот, другой, собирался идти в Минск, а мы сделали так, чтобы он захотел пойти в Пинск»²³¹.

Вот что про историю слова «манипуляция» пишет С. Кара-Мурза: «Само слово «манипуляция» имеет корнем латинское слово manus – рука (manipulus – пригоршня, горсть, от manus и ple – наполнять). В словарях европейских языков слово трактуется как обращение с предметами с определенными намерениями, целями (например, ручное управление, освидетельствование пациента врачом с помощью рук и т.д.)... Отсюда произошло и современное переносное значение слова – ловкое обращение с людьми как с объектами, вещами. Оксфордский словарь английского языка трактует манипуляцию как «акт влияния на людей или управления ими с ловкостью, особенно с пренебрежительным подтекстом, как скрытое управление или обработка»²³².

Автор одной из первых книг, прямо посвященных манипуляции «Манипулируемый человек» (1964) Герберт Франке дал такое определение: «Под манипулированием в большинстве случаев следует понимать психическое воздействие, которое производится тайно, а следовательно, и в ущерб тем лицам, на которых оно направлено. Простейшим примером тому может служить реклама»²³³. Следует отметить, что реклама – это относительно безопасный вид манипуляции, неотъемлемо присущий современной экономической системе, но, будучи чрезмерной, она может стать весьма негативным фактором. Рекла-

230 Там же. С. 17.

231 Цит по: Там же. С. 18–19.

232 Там же. С. 15.

233 Цит по: Там же. С. 16.

ма исподволь формирует у человека те ценности, которые может и совсем чужды мотивационному ядру его менталитета, вызывая конфликты в его психике. Навязываемые стандарты жизни и представления об успешности и удачливости могут даже вызвать у человека расстройство невротического характера, на что указывала в своей работе «Невротическая личность нашего времени» Карен Хорни. «По экономическим причинам в нашей культуре потребности постоянно стимулируются такими средствами, как реклама, «демонстрация образцов потребительства», идеал «быть на одном уровне с Джонсами». Однако для огромного большинства реальное осуществление этих потребностей жестко ограничено. Психологическое следствие для человека состоит в постоянном разрыве между желаниями и их осуществлением»²³⁴. Реклама посредством таких слоганов, например, как «вы этого достойны», «подчеркните свой статус» и им подобных создает у людей впечатление, что успеху в жизни должны обязательно сопутствовать (быть атрибутивными) обладание определенными вещами, определенные формы отдыха и развлечения, определенный стиль жизни. А в противном случае получается, что вы «недостойны», «неудачник», «лузер». А последнее особенно обидно для любого человека. Хорни указывает, что в данном случае давление оказывается на очень болезную точку человеческой психики – его самоуважение. «Еще одной причиной того, почему успех становится такой манящей мечтой, является его воздействие на наше чувство самоуважения... Согласно существующим идеологиям, успех отражает неотъемлемо присущие нам заслуги, или, на религиозном языке, является видимым воплощением Божьей милости; в действительности он зависит от многих факторов, не поддающихся нашему управлению, – случайных обстоятельств, чьей-то недобросовестности и т.п. Тем не менее, под давлением существующей идеологии даже абсолютно нормальный человек считает, что его значимость напрямую связана с успехом, сопутствующим ему. Нет надобности говорить о том, что это создает шаткую основу для самоуважения»²³⁵. Таким образом, приходим к выводу, что для любого человека является жизненно важным овладеть некоторыми средствами психологической самозащиты против различных манипуляций. Манипуляция является безнравственной, а часто и противоправной, формой воздействия на массовый менталитет. Негативным последствиям манипуляции может противостоять хорошая система образования. Она должна сформировать сильное, устойчивое мотивационное ядро в менталитете ученика, выработать в нём иммунитет к неразумным и абсурдным потребностям, способность критически воспринимать манипуляционные воздействия и не подвергаться опасным ментальным деформациям.

234 Хорни К. Невротическая личность нашего времени; Самоанализ / Пер. с англ.; Общ. ред Г.В.Бурменской. М.: ИГ «Прогресс», Издательство «Ювента», 2000. С. 219–220.

235 Там же. 217–218.

О непосредственной родственной связи между рекламой и технологиями манипуляции в других сферах, например политической, говорят следующие факты²³⁶. Австрийский психолог, ученик Фрейда, эмигрировавший в США в 1938г. Эрнст Дихтер одним из первых начал применять понятия психоанализа для разработки рекламных технологий. В США он начал с рекламы мыла, потом рекламировал автомобили. Во время пика популярности психоанализа он создает «Американский институт по изучению мотивации поведения». Решительно отвергает концепцию рационального внушения и считает, что главная цель рекламы не в ознакомлении потребителя с функциональными качествами товара, а в стимуляции подсознательных желаний, о которых покупатель и не догадывается. По его мнению, рекламные агентства США – это «самые передовые лаборатории психологов», они «манипулируют мотивацией и желаниями человека и создают потребность в товарах, с которыми люди еще незнакомы или, возможно, даже не пожелали бы их купить»²³⁷. Институт Дихтера начал приносить огромные доходы и это заинтересовало политиков. Он был приглашен в 1960г. в качестве советника в избирательную кампанию Кеннеди. На большом статистическом материале вывели результативность его рекомендаций. После этого Дихтера стали привлекать в избирательные кампании в международном масштабе.

В качестве *манипуляторов* чаще всего выступают политики, силовые ведомства, правительственные организации, военные блоки, идеологи, лидеры террористических и экстремистских организаций, рекламные агентства и т.д. Примером манипуляции общественным мнением может послужить информационная подготовка военной операции против Югославии, проведенная НАТО. С помощью одностороннего освещения событий, умалчивания одних фактов и гипертрофированного «раздутия» других, СМИ, умело руководимые *манипуляторами* из НАТО, создали в общественном сознании западных стран негативный образ Югославии. Большинство населения этих стран поддержало военную агрессию, хотя она объективно была грубейшим нарушением норм международного права.

Как уже было отмечено выше, *манипулятор* часто пытается замаскироваться под *учителя*. Помимо прозрачности истинных целей каждого из них и применяемых технологий есть между ними и другие отличия. Для *учителя ученик* является равноправным собеседником, сотрудником в общем деле обучения, *учителю* важна обратная связь как имманентное условие процесса обучения, он сам готов изменяться ради *ученика* во благо процесса обучения. *Учитель* сам постоянно учится чему-то у *ученика* и постоянно работает над собой. Для *манипулятора* же обратная связь важна только в одном аспекте –

236 Подробнее: Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: Изд-во Эксмо, 2006. 832 с.

237 Там же. С. 73.

как подтверждение успешности проведенной манипуляции, меняться он готов только в направлении повышения эффективности манипуляции, но не приобретать новые ментальные особенности, которые бы оказались полезны *манипулируемому*. Он рассматривает его как жертву, а не как союзника.

При манипуляции в первую очередь воздействию подвергается мотивационная сфера менталитета. Это воздействие часто осуществляется посредством значительного стимулирования бессознательных компонентов психического. Манипуляция своими возмущениями может изменять компоненты менталитета, относящиеся к индивидуальному или коллективному бессознательному. Также она вносит изменения в рациональный и когнитивно-интеллектуальный отсеки менталитета.

Как мы уже отмечали, ни один реальный вид человеческой деятельности не является полностью иллюстрацией какого-либо одного описанного нами идеального типа воздействия на ментальность. В жизни всегда встречается некая комбинация этих воздействий. Например, обучение немислимо без мотивирования наградами и карами. Возьмем еще один пример – религиозная проповедь. Когда искренне верующий проповедник рассказывает о заповедях, говорит об общечеловеческих ценностях, о недопустимости зла и несправедливости, то он выступает как *учитель* жизни. *Ученик*, соответственно, сознательно принимает объясняемые нормы, критически пропускает их через себя, убеждается в их правомерности, авторитет проповедника заслуженным образом растет в его глазах. Но как только, допустим, проповедник начинает говорить о том, что за хорошее поведение человека ожидает рай (награда), а за плохое – ад (кара), то он встает на путь мотивирования посредством кар и наград. Еще больше он встает на этот путь, если начинает угрожать отлучением от церкви, лишением благословения, публичным проклятием, лишением сана и т.д. Если же руководитель религиозной секты говорит кому-то: «взорви их, они неверные, исчадия ада, слуги сатаны, и ты себя спасешь, ты будешь в раю уже сегодня», или, «отдай все деньги в пользу братства, ты обретишь счастье, деньги – зло», то это уже манипуляция.

Еще один пример – действие искусства на менталитет. В своем чистом виде искусство должно представлять собой вид обучения (по нашей терминологии). Творец (*учитель*) представляет зрителю (*ученику*) свое видение мира и не настаивает на его единственности, оставляя зрителю право выбора и ознакомления с другими способами видеть и изображать мир. Но в жизни нередко искусство ставят в подчинение неким политическим или экономическим интересам и тогда оно превращается в манипуляцию. Так было, например, с американским кинематографом, длительное время создававшим черный образ СССР и русских. Сейчас искусство нередко служит целям рекламы.

Отметим, что существуют еще некоторые редкие и экзотические способы изменения менталитета. Гипноз, психоаналитический сеанс (своеобразие его методов, например, метода свободных ассоциаций, не позволяет его однозначно отнести к какому-либо типу), использование психотропных веществ с целью трансформации ментальности (например, продолжительное накачивание кого-то наркотиками), помещение носителя менталитета в какие-либо непривычные условия (камеру-одиночку, концлагерь), нанесение телесных повреждений (например, кастрация), хирургическое вмешательство в головной мозг (например, лоботомирование – удаление некоторых центров лобной части мозга, применявшееся долгое время в США с целью сделать буйных и мятежных людей пассивными и всем довольными) и т.д.

2.3. Причины исторического развития менталитета

Вопрос об историческом развитии менталитета является мало разработанным. Некоторые авторы, например М.Ю. Шеваков, отрицают положение о развитии менталитета²³⁸. Другие авторы, такие как английский историк и философ П. Бёрк, признают развитие менталитета, но затрудняются в установлении причин этого²³⁹.

Положение о том, что менталитет изменяется со временем, подтверждает факт наличия качественного различия между менталитетами исторических эпох. Никто ведь не сомневается в том, что античный менталитет отличался от средневекового, средневековый – от менталитета эпохи Возрождения, и так вплоть до настоящего времени. Вместе с тем, определённые инварианты национальных менталитетов в ходе исторического развития сохраняются, что позволяет говорить о существовании на протяжении эпох греческого, французского, итальянского и других менталитетов.

В основе развития менталитета, на наш взгляд, лежат следующие причины. Первая из них – самодетерминация, которая служит не только одним из способов формирования индивидуального менталитета, но и причиной его исторического развития. Творческая активность человеческого духа порождает разнообразные новации – оригинальные идеи, способы деятельности, представления о новых ценностях. Эти новые смыслы пополняют менталитет творца и затем могут распространяться в этносах, религиозных конфессиях, политических партиях, профессиональных группах, странах и регионах.

238 Шеваков М.Ю. Менталитет: сущность и особенности функционирования: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук: 09.00.11. Волгоград, 1994. 21 с.

239 Бёрк П. Сила и слабости истории ментальностей // История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М.: Институт всеобщей истории РАН, Рос.гос.гум.ун-т, 1996. С. 56–60.

Вторая движущая сила ментального развития – взаимодействие социальных систем и групп в составе сложного социума. В ходе такого взаимодействия происходит аккультурация – изменение культур этих систем и соответственно менталитетов их носителей. В рамках отношений доминирующей и подчинённой культур аккультурация может иметь несколько форм: принятие (полное замещение культурного паттерна новым, взятым из донорской группы); адаптация (частичное изменение культурного паттерна новым); реакция (полное отторжение культуры донорской группы и укрепление в результате этого позиций собственных культурных норм)²⁴⁰. Но наиболее важные результаты аккультурации возникают тогда, когда происходит не одностороннее влияние, а взаимодействие культур. При этом происходят процессы комбинации культурных элементов контактирующих групп, смешение этих элементов и их синтез, в ходе которого возникают принципиально новые культурные смыслы, обогащающие менталитеты взаимодействующих социальных общностей. Диалог между представителями различных социальных групп, стран, цивилизаций позволяет учитывать множество аспектов каждой экзистенциальной проблемы. Особую ценность диалог имеет тогда, когда его субъекты находят ценность другого не только в похожести, но и в отличии от себя. Такой диалог способен порождать новые, более оптимальные, чем в отдельных группах, подходы и идеи. Они то и могут обогащать групповые менталитеты разной степени общности.

Взаимодействие представителей различных цивилизаций и культур имело место на протяжении всей истории человечества. Особенно это взаимодействие усилилось в эпоху глобализации. В это время численно возросли и интенсифицировались контакты между людьми разных стран и регионов. Большую роль при этом играют миграция населения, туризм, обучение за границей, международные научные, музыкальные, спортивные и иные культурные мероприятия, телевидение, сотовая связь, Интернет. Для обозначения новой формы межкультурного взаимодействия в эпоху глобализации ряд авторов использует понятие «полилог»²⁴¹. Это понятие выражает состояние коммуникации многих со многими, или диалога многих по сетевому принципу²⁴².

Третья причина ментального развития – изменения экономической и политической сферы общества и условий жизни людей. Между менталитетом и социальными условиями существует как прямая, так и обратная связь. Поэтому изменение социально-экономических и политических условий, инициирован-

240 Николаев В.Г. Аккультурация // Культурология. XX век. Словарь. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 19–21.

241 Касумова Г.К. Особенности межкультурных взаимодействий в условиях глобализации // Философские науки. 2012. № 2. С. 60.

242 Левин Г.Д. Диалог: гносеологический механизм и гуманитарная функция // Наука глазами гуманитариев / отв. ред В.А.Лекторский. М.: Прогресс-Традиция, 2005. С. 269–270.

ное в основном менталитетом духовной элиты, вызывает и новые изменения менталитета данного социума в целом и менталитетов его отдельных групп. Часто бывает так, что исходные ментальные стимулы в социуме, находящемся в состоянии бифуркации, вызывают такие кардинальные резонансные изменения, которые не предполагались вначале и не были предусмотрены. Такое происходит, согласно синергетике, за счёт процессов самоорганизации в сложных системах, находящихся в неравновесном состоянии. Л.Е.Гринин справедливо отмечает, что в «точке бифуркации (революции, войны, перестройки и т.п.) общество может повернуть в ту или иную сторону под влиянием различных, даже незначительных в целом причин. Среди этих причин почётное место занимают те или иные личности»²⁴³. В эти бифуркационные моменты многократно возрастает роль менталитета социальных лидеров.

Так, например, в нашей стране идеи перестройки, гласности, творческой инициативы, хозрасчёта вначале предназначались для перехода от сложившегося авторитарного социализма (который на самом деле был государственным капитализмом) к социализму демократическому. Реализация этих идей вызвала такие интенсивные и непредвиденные процессы, которые обусловили возврат страны к исторически закономерному и неизбежному этапу рыночного демократического капитализма, служащего ступенью к будущему обществу социальной справедливости и гармонии²⁴⁴.

Вызванные отмеченными выше идеями перестройки политические и социально-экономические условия начали изменять массовый менталитет, ориентируя его на ценности рыночной экономики, личного успеха и обогащения. В результате сейчас российский менталитет не является единым в социально-политическом отношении. В нём сочетаются особенности прежнего советского и современного рыночного менталитета. Первые особенности присущи преимущественно людям пожилого возраста, а вторые – больше молодым людям.

Ещё пример резонансного действия менталитета на социум. В 1991 г. по решению Ельцина, Кравчука и Шушкевича почти мгновенно и без сопротивления был распущен Советский Союз, находящийся тогда в состоянии бифуркации (хаоса, деморализации, усталости, апатии). В стабильном состоянии СССР выдержал мощную фашистскую агрессию, а в состоянии бифуркации пусковым механизмом распада великой страны стал незначительный, можно сказать ничтожный сам по себе, ментальный фактор – воля трёх недостойных своих народов лиц. В свою очередь, распад СССР сильно повлиял на менталитеты населения бывших республик СССР. Он вызвал, в частности, у многих

243 Гринин Л.Е. Роль личности в истории: история и теория вопроса // *Философия и общество*. 2011. № 4. С. 187. 173–193.

244 Как такое общество будет называться, ещё неизвестно. Поэтому назовём его посткапиталистическим.

людей националистические настроения, русофобию, космополитические настроения и ориентацию на жизнь за пределами родины.

Четвёртая причина развития менталитета – изменение социальной структуры общества и социальной базы носителей (субъектов) менталитета. Общество не является однородным, гомогенным образованием. Оно дифференцируется на многообразные социальные группы. Причиной этого служит общественное разделение труда и деятельности²⁴⁵. В связи с тем, что формы труда совершенствуются и дифференцируются, непрерывно изменяется социальная структура общества: в ней зарождаются новые социальные группы, социальная база некоторых групп сужается, а других расширяется. Меняются численность, качественный состав, положение, возможности и функции социальных групп в обществе. Все эти многообразные социальные изменения соответствующим образом сказываются посредством прямых и обратных связей на ментальной динамике. Определённые социальные группы перестают существовать и сходят с исторической сцены вместе со своими менталитетами. Так, в нашей стране практически исчезли дворянский и казачий менталитеты. Но зато возрождается предпринимательский менталитет – бывший купеческий.

245 Обстоятельно этот вопрос изложен в работе С.А.Виноградова «Общая социология» (Алматы: Галым, 1997. 266 с.).

ГЛАВА 3. ЗАКОНОМЕРНОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МЕНТАЛИТЕТА В ОБЩЕСТВЕ

3.1. Функционирование менталитета в составе основного противоречия общества

Вопрос о функционировании менталитета и его влиянии на социально-исторические процессы является наиболее важным в проблеме менталитета и объяснении социокультурной динамики, но, вместе с тем, и наименее разработанным. Изложенный ниже вариант объяснения социокультурных функций менталитета можно рассматривать как мысленную конструкцию, которую мы называем социокультурной концепцией функционирования менталитета. Как и всякая новая концепция, она, естественно, должна подвергаться критическому рассмотрению.

Роль менталитета в развитии общества отмечают ряд авторов. Так, Б.С. Гершунский пишет, что мир изменяют поступки людей, поступками же «правит» менталитет. Поэтому «менталитет социума играет решающую роль в поведении народных масс. Именно он порождает, в конечном итоге, геополитические и социально-экономические сдвиги исторического масштаба в развитии... социумов и человеческой цивилизации»²⁴⁶. В.П.Визгин, имея в виду категорию «менталитет», полагает, что «ментальность служит средством анализа и объяснения в гуманитарном знании, особенно в той мере, в какой его предмету присуще динамическое историческое измерение»²⁴⁷. По мнению Т.В. Наумовой, «воздействие менталитета явно можно проследить практически во всех сферах человеческой активности: он определяет большинство норм и стандартов социального поведения, формирует многие стереотипы и предпочитаемые реакции на реалии бытия... понятие ментальности, или менталитета, успешно может быть использовано в изучении и объяснении массовых социокультурных процессов»²⁴⁸. В.С. Стёпин отмечает, что «кардинальные перемены социальной жизни предполагают изменение смыслов мировоззренческих универсалий, критику прежних базисных ценностей и их замену новыми. Духовные революции обычно предшествуют революциям политическим»²⁴⁹.

246 Гершунский Б.С. Менталитет и образование. М.: Институт практической психологии, 1996. С. 60.

247 Визгин В.П. Ментальность // Новая философская энциклопедия. М.: Мысль, 2001. Т. 2. С. 525.

248 Наумова Т.В. Менталитет как базовая категория в объяснении особенностей ценностного сознания современной российской молодежи // Вестник МГУ. Серия. 18. Социология и политология. 2001. № 1. С. 65.

249 Стёпин В.С. Культурология как наука: за и против // Вопросы философии. 2008. № 11. С. 30.

Соглашаясь с положениями Гершунского, Визгина, Наумовой, Стёпина отметим, что они являются верными, но всё же, весьма абстрактными и недостаточно аргументированными. Более конкретно роль менталитета в социальных процессах можно раскрыть, по нашему мнению, на основе разработанной А.С. Ахиезером социокультурной концепции развития общества²⁵⁰. Отрицая марксистское положение о ведущем значении экономических отношений, А.С. Ахиезер не согласен также с популярным в настоящее время утверждением об определяющей роли техники и технологии как движущей силы общественного развития. На этой идее, как известно, основывались концепции единого индустриального общества, выдвинутые на Западе в 50-60-е годы XX века, а сейчас они утверждаются в иной форме, когда говорится об определяющем значении распространения информационных технологий для создания нового постиндустриального общества. А.С. Ахиезером предложено иное понимание движущих сил общественного развития.

Согласно его концепции, движущей силой развития общества является внутреннее противоречие воспроизводственной деятельности общественного субъекта, противоречие между потребностями, ценностями и возможностями субъекта, с одной стороны, и воспроизводимым объектом, с другой стороны. Конкретной формой этого противоречия выступает так называемое социокультурное противоречие – противоречие между культурой и социальными отношениями (экономическими, политическими, нравственными, этническими, профессиональными, половозрастными и другими).

В понимании культуры мы придерживаемся её информационно-семиотической трактовки, данной В.С. Стёпиным, А.С. Ахиезером, Ю.М. Лотманом, А.С. Карминым. По мнению В.С. Стёпина, культура – это «система исторически развивающихся надбиологических программ человеческой жизнедеятельности (деятельности, поведения и общения), обеспечивающих воспроизводство и изменение социальной жизни во всех её основных проявлениях»²⁵¹. А.С. Ахиезер отмечает, что «культура выступает как всеобщее основание воспроизводственной деятельности, как её программа»²⁵²; «Культура... играла роль организованного накопленного опыта воспроизводственной деятельности человека... культура для её субъекта-носителя всегда есть программа деятельности этого субъекта, программа следования накопленному опыту»²⁵³.

250 Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). От прошлого к будущему. 2-е изд. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. Т. 1. 804 с.; Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). Т. II. Теория и методология. Словарь. 2-е изд. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. 595 с.

251 Степин В.С. Культура // Вопросы философии. 1999. № 8. С. 61.

252 Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). Т. II. Теория и методология. Словарь. 2-е изд. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. С. 482.

253 Ахиезер А.С. Философские основы социокультурной теории и методологии // Вопросы философии. 2000. № 9. С. 30.

Согласно А.С. Кармину, «культура – это мир социальной информации, которая сохраняется и накапливается в обществе с помощью создаваемых людьми знаковых средств...культура выступает как своего рода информационное обеспечение общества во всех областях его жизни»²⁵⁴. Культура – это информационные структуры социальных организмов. Важными элементами этих структур, по мнению В.С. Стёпина, служат категории культуры, или мировоззренческие универсалии, на основе которых функционируют программы человеческой активности²⁵⁵. Мировоззренческие универсалии выполняют в жизни общества такую же функцию, как гены в живом организме. Они организуют в целостную систему сложнейший набор различных феноменов культуры и выступают в качестве базисных структур социокода, играют роль своего рода ДНК социальной жизни. Смыслы мировоззренческих универсалий (категорий «природа», «космос», «пространство», «время», «истина», «человек», «свобода», «справедливость» и т.д.), формируя целостный образ человеческого жизненного мира и выражая шкалу ценностных приоритетов соответствующего типа культуры, определяют, какие фрагменты из непрерывно обновляемого социального опыта должны попасть в поток трансляции, а какие должны остаться вне этого потока, то есть не передаваться новому поколению и не играть сколь-нибудь важной роли в его становлении. Тем самым они определяют, какие знания, верования, ценностные ориентации, целевые установки, образцы деятельности и поведения будут преимущественно регулировать поведение, общение и деятельность людей, формировать их социальную жизнь. «Система мировоззренческих универсалий – это своеобразный культурно-генетический код, в соответствии с которым воспроизводятся социальные организмы»²⁵⁶. Помимо отмеченных универсалий культуры, производящих наиболее общее регулирование человеческой активности и именуемых обычно духовной культурой, в составе культуры имеются знания и нормы, регулирующие частные виды деятельности и называемые иногда технологической культурой.

Итак, культура – это совокупность надбиологических программ человеческой активности. Поскольку менталитет, как нами было показано в главе 1, детерминирует характер активности индивида или социальной группы, специфику, направленность этой активности, то он, менталитет, может быть истолкован как *ядро личностной и групповой культуры, как стратегическая культурная программа субъекта*. Думается, что меткая характеристика ментальности дана А.А. Пелипенко: она им «понимается как свёрнутый в устойчи-

254 Кармин А.С. Философия культуры в информационном обществе: проблемы и перспективы // Вестник РФО. 2005. № 2. С. 52.

255 Стёпин В.С. Философия и поиск новых ценностей цивилизации // Вестник РФО. 2005. № 4. С. 10–24.

256 Стёпин В.С. Философия и поиск новых ценностей цивилизации // Вестник РФО. 2005. № 4. С. 13.

во воспроизводимых когнитивных структурах *геном культурной системы, его психическая квинтэссенция*»²⁵⁷. Отмеченное выше позволяет признать верным положение А.С. Ахиезера о том, что «культурология как наука о культуре – этой особой форме человеческой реальности – имеет своим предметом сдвиги ментальности»²⁵⁸. «Изменения... в культуре, – справедливо отмечает Н.И. Киященко, – происходят на базе изменения ментальности социума...»²⁵⁹, т.е. культурные новации стимулируются изменениями менталитета. Изложенное позволяет предположить, что *основное противоречие общества имеет форму противоречия между менталитетом и социальными отношениями*. Конкретное общество существует до тех пор, пока ему удаётся через напряжённую воспроизводственную деятельность преодолеть или удерживать противоречие между менталитетом и социальными отношениями в границах, достаточных для интеграции этого общества.

Функционирование менталитета в социокультурной динамике общества, то есть взаимосвязанного развития культуры и социальных отношений, можно представить примерно следующим образом. В ходе своего развития общество неизбежно и постоянно получает вызовы истории – «факторы, ставящие жизнь общества под угрозу в результате различного рода **Конфликтов**, появления новых массовых дискомфортных идей, новой технологии, роста **Экологических проблем**, конфликта **Культур** и т.д. Угроза **Дезорганизации**, роста **Дискомфортного состояния**, кризисов, **Кагастроф** заставляет людей искать принципиально новые решения»²⁶⁰. К современным вызовам истории относятся все глобальные проблемы, которые ставят перед человечеством беспрецедентные по сложности задачи.

Как ответ на вызов истории в индивидуальном менталитете зарождаются новые ментальные особенности. Их появление – результат культурного творчества. Социальные условия – это фон, на котором осуществляется это творчество. Осмысление социальных условий и прошлого опыта творцами приводит к возникновению новых культурных смыслов. Эти новые культурные смыслы могут возникать у представителей любых слоёв общества, но основным их источником служит духовная элита. Н.Г. Багдасарьян отмечает, что «перемены обеспечиваются относительно небольшой частью общества – культурной элитой... Широкая общественность всегда несколько запаздывает в восприятии и оценках нового»²⁶¹. Чем масштабнее личность, тем большее влияние она ока-

257 Пелипенко А. А. Теоретическая культурология в эпоху кризиса культуры // Человек. 2010. № 4. С. 23. 12–27.

258 Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). Т. II. Теория и методология. Словарь. 2-е изд. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. С. 276.

259 Киященко Н.И. Культура гражданского общества // Вопросы философии. 2010. № 10. С. 63.

260 Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). Т. II. Теория и методология. Словарь. 2-е изд. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. С. 113.

261 Багдасарьян Н.Г. Профессиональная культура инженера: механизмы освоения. М.: изд-во МГТУ им. Н.Э.Баумана, 1998. С. 86.

зывает на групповой менталитет. Особенно сильным в истории было влияние на менталитет людей со стороны творцов новых религий – Будды, Конфуция, Христа, Магомеда, деятельность которых дала начало новым типам культуры.

Сходные социальные условия могут порождать и похожие культурные смыслы. Например, золотое правило нравственности приблизительно одновременно появилось в нескольких местах ойкумены.

В порождении культурных инноваций особенно велика роль философского познания. Можно указать два способа такого порождения. Во-первых, это – экспликация (выявление глубинного смысла, объяснение) универсалий культуры. Философия выступает в качестве рефлексии над мировоззренческими универсалиями, она выясняет их смыслы, выносит их на суд разума, критически анализирует и порождает новые смыслы. Второй способ порождения философией инноваций основан на применении аппарата логического оперирования с философскими категориями, что позволяет за счёт «внутреннего движения» в поле философских проблем и выявления связей между категориями как идеальными объектами выработать их новое содержание. Поэтому «философское познание способно генерировать новые мировоззренческие идеи и тем самым вносить мутации в культуру, подготавливая кардинальные изменения социальной жизни»²⁶². В переломные эпохи эти новые идеи могут становиться своеобразными генераторами и катализаторами публицистики, художественной критики, литературных произведений, новых религиозно-нравственных, политических и правовых идей, внедряемых в социальную практику.

Культурная инновация, новая ментальная особенность возникает вначале у отдельных лиц как ситуативное решение какой-либо актуальной для того времени социально-культурной проблемы. Затем эта возникшая культурная инновация закрепляется, становится устойчивой, начинает распространяться в социуме и постепенно становится компонентом группового менталитета. Становление индивидуальной ментальной особенности частью коллективного менталитета – сложный и трудный процесс. Данный процесс может включать борьбу, временное непонимание, преследование творцов новых культурных смыслов и нередко сопровождается трагическим исходом для этих творцов.

В процессе генезиса – формирования и функционирования новых ментальных особенностей как культурных форм можно выделить четыре этапа:

1. Инициирование, или стимулирование, новаций; на этом этапе креативные личности осознанно или неосознанно воспринимают социальный заказ на решение актуальных экзистенциальных проблем и начинают осуществлять творческий поиск.

2. Создание новых культурных смыслов; эти смыслы предлагают возможные варианты решения экзистенциальных проблем.

262 Стёпин В.С. Культурология как наука: за и против // Вопросы философии. 2008. № 11. С. 31.

3. Конкурс эффективности и социально-психологической приемлемости ментальных новаций; принятие и распространение новой идеи зависит не только от её полезности, но и от социально-психологической готовности масс к её принятию. Способом созидания и отбора новаций служит внутрикультурный диалог, являющийся необходимым условием стабильного существования и развития любой социальной системы. Как показано И.Г. Яковенко, внутрикультурный диалог оформляет рождение и становление всех новых феноменов – частных технологий, обычаев и ритуалов, ценностей, идей. Также «в ходе диалога разворачивается важный процесс тестирования конкретного новшества на соответствие базовым ценностям, эффективность, близкие и отдалённые последствия и т.д.»²⁶³. Благодаря диалогу осуществляется и трансформация новации и её адаптация к системным характеристикам культуры данного социума.

4. Внедрение победившей в социальном конкурсе идеи в общественную практику воспроизводственной деятельности; это внедрение сопровождается формированием новых видов деятельности и новых профессий.

Победившие в социальном конкурсе новые компоненты менталитета выступают как новые формы культуры – программы деятельности в нравственной, политической, экономической, правовой, религиозной, научной сферах. *Менталитет же в целом служит глобальной программой человеческой активности.* Возникает противоречие между новыми ментальными особенностями, воплощающими в себе вновь появившиеся формы культуры, и существующими социальными отношениями. Данное противоречие порождает особое состояние, названное А.С. Ахиезером конструктивной напряжённостью. Оно преодолевается через соответствующую воспроизводственную деятельность коллективного субъекта.

Если эта деятельность конструктивна, то она приводит к установлению более прогрессивных социальных отношений по сравнению с отношениями, существовавшими ранее. Подтверждения этому положению можно найти на любом этапе истории России. Так, З.М. Оруджев справедливо отмечает, что «победители-декабристы привезли из побеждённой Франции идеи, взорвавшие сначала крепостничество..., а затем и саму монархию»²⁶⁴. В середине 80-х годов XX века в менталитете либеральной части политической элиты советского общества, возглавляемой М.С. Горбачёвым, возникли идеи о необходимости демократизации. Идеи перестройки, гласности вошли в массовый менталитет, вызвали большой энтузиазм в обществе и стимулировали последующие экономические и политические реформы. Однако впоследствии, когда в результате непрофессиональной приватизации жизненный уровень значительной части

263 Яковенко И.Г. Диалог через противостояние – фактор российской истории // Философские науки. 2010. № 2. С. 16.

264 Оруджев З.М. Способ мышления эпохи и принцип априоризма // Вопросы философии. 2006. № 5. С. 22.

населения понизился, массовый менталитет стал тормозить прошлые схемы рыночных реформ и стимулировать более экономически адекватные преобразования.

Итак, в результате разрешения противоречия между новыми ментальными особенностями и социальными отношениями общество поднимается на более высокую ступень своего развития. Важно подчеркнуть, что для установления новых социальных отношений необходимо, чтобы соответствующие им культурные смыслы стали устойчивыми компонентами массового менталитета. Как отмечается В.С. Барулиным, «социальное масштабное преобразование будет именно таким, каким оно соответствует глубинной культурно-ментальной основе человека»²⁶⁵. И в дальнейшем установившиеся социальные отношения будут относительно стабильными, если станут поддерживаться воспроизводительной деятельностью масс, основывающейся на их менталитете. «Ход истории определяется в конечном счёте... деятельностью миллионов»²⁶⁶.

В свою очередь старые компоненты менталитета, обладая социальной инерцией и консервативностью, могут тормозить становление новых социальных отношений. Таким образом, *менталитет имеет противоречивую природу и воплощает в себе дуальную оппозицию новации и традиции, он служит одновременно и продуцирующим социальный прогресс фактором, и фактором, сдерживающим чрезмерно быстрые и чрезмерно крупные социальные изменения*. Имеется отличие между менталитетом творцов новых культурных смыслов и менталитетом масс. В менталитете творцов, составляющих духовную элиту общества, более выражен инновационный компонент по сравнению с традиционным компонентом, а в менталитете масс дело обстоит противоположным образом: традиция преобладает над новацией.

Обе стороны дуальной оппозиции (диалектического противоречия) менталитета – новация и традиция – необходимы, и между ними должно быть равновесие, своеобразный баланс. Имеется разумная мера новаций, названная А.С. Ахиезером шагом новизны, под которым понимается величина допустимых новшеств, не нарушающая комфортного состояния субъекта и стабильного состояния социума. Излишняя новизна, например непродуманные поспешные реформы, может вызвать деструктивные процессы и последующий за ними распад социума. Но имеется и разумная мера консерватизма, традиционности. Излишний консерватизм тоже играет отрицательную роль, он приводит к застою, накоплению нерешённых проблем и вместе с ними деструктивных процессов, которые, в конечном счёте, могут разрушить этот социум. История многих стран, в том числе и супердержав, может служить тому примером.

265 Барулин В.С. Социально-философская антропология. Общие начала социально-философской антропологии. М.: Онега, 1994. С. 85.

266 Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). От прошлого к будущему. 2-е изд. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. Т. 1. С. 343.

Традиционная и либеральная цивилизации и соответственно массовые менталитеты в условиях этих цивилизаций отличаются разным отношением к шагу новизны и различным принятием этого шага. В традиционном обществе шаг новизны не подлежит изменению, он является фиксированным и часто сакральным. В условиях либерального общества шаг новизны сам стал «предметом критического анализа, рефлексии, превратился в подвижный, *постоянно расширяющийся*. Из абсолютно заданного он превратился в предмет осмысления, переосмысления»²⁶⁷; [выделено мною – Н.Г.]. В связи с этим либеральная цивилизация обладает более значительными возможностями по сравнению с традиционной отвечать на всё более сильные вызовы истории и формировать адекватные новым условиям программы воспроизводственной деятельности, обеспечивающие выживание и развитие общества.

Менталитет, как и весь духовный мир человека, имеет информационную природу. Поэтому, подобно любой информации, он выполняет отражательную и регулирующую функции. Регулирование менталитетом активности субъекта может быть направлено либо на сохранение существующих социальных отношений, либо на их изменение. В первом случае менталитет воспроизводит привычные образцы деятельности, во втором случае – создаёт новые программы активности. В соответствии с отмеченными выше сторонами своей дуальной оппозиции общая регулирующая функция менталитета разделяется на две его основные социокультурные функции: 1) поддержание преемственности существования социальной общности и её единства через устойчивость поведения и воспроизводственной деятельности входящих в неё членов; 2) стимулирование социального прогресса посредством постепенной смены ментальных особенностей социальной общности – её культурных приоритетов – через культурные инновации как новые программы воспроизводственной деятельности субъектов. В стабильных социальных условиях указанные социокультурные функции менталитета уравновешены. Выше отмечалось, что практически не исследован процесс самодетерминации менталитета, возникновение в нём новых культурных смыслов в результате креативной деятельности субъекта. Это служит, видимо, одной из причин весьма слабой изученности социокультурной функции менталитета, заключающейся в стимулировании социального прогресса. Во многих работах менталитет изображается как сугубо консервативный социокультурный феномен. Некоторые авторы вообще отрицают активную, продуцирующую социальный прогресс, функцию менталитета. Так, М.Ю. Шеваков пишет, что «функция менталитета в общественном сознании состоит в обеспечении механизма стабильности, а не механизмов изменения»²⁶⁸.

267 Ахиезер А.С. Нравственность в России и противостояние катастрофам // Общественные науки и современность. 1997. № 6. С. 27.

268 Шеваков М.Ю. Менталитет: сущность и особенности функционирования: Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата философских наук: 09.00.11. Волгоград, 1994. С. 20.

Ещё один автор, О. А. Орлов, отмечает: «Функция менталитета в общественном сознании состоит в обеспечении механизмов стабильности, а не механизмов изменения»²⁶⁹.

Думается, что такая позиция в теоретическом отношении существенно обедняет понимание менталитета, а в методологическом отношении не способствует раскрытию причин прогрессивной социокультурной динамики. Как показано Н.Г.Багдасарян и Г.В.Иванченко, в динамике социокультурных систем кроме «вертикальной» трансляции традиций от поколения к поколению наблюдаются и такие типы изменчивости, как культурогенез (постоянное порождение новых форм культуры), культурная диффузия (пространственное распространение образцов культуры в другие страны), трансформация (модернизация, развитие, деградация), и реинтерпретация (изменение смыслов символических характеристик культурных явлений)²⁷⁰. Все эти процессы, из которых особенно важен культурогенез, протекают посредством функционирования менталитета интеллектуальной элиты, интеллигенции, правящей элиты и народных масс. В своей совокупности указанные процессы обеспечивают стимулирование социального прогресса.

Выше речь шла о менталитете социальной общности, например населения страны, в целом. В его же составе могут находиться социальные группы со своими ментальными особенностями. И эти особенности могут быть более прогрессивными и менее прогрессивными. Сравним, к примеру, менталитет научной элиты с менталитетом криминальной группы. В менталитете различных социальных групп может также преобладать либо инновационный, либо традиционный компоненты.

В.В. Денисов, обсуждая процесс реформирования современной России, пишет, что «подтверждается закономерность, согласно которой сознание отстаёт в своём развитии от бытия, менталитет меняется медленнее, чем условия жизни»²⁷¹. Представление об этой «закономерности» возникает при двух условиях: признании менталитета страны в качестве однородного образования и признании наличия лишь той функции менталитета, которая заключается в стабилизации социума и обеспечении преемственности его существования. Если же полагать, что менталитет – единство традиции и новации, представленных соответственно массами и духовной элитой, то следует заключить, что в одних отношениях менталитет опережает общественное бытие, а в других отношениях отстаёт от него. Менталитет творцов новых культурных смыслов

269 Орлов О.А. Этнопедагогика и этнопсихология [Электронный ресурс]. URL: http://1987.ucoz.org/index/lekscija_5/0-28 (дата обращения: 04.09.2012).

270 Багдасарян Н.Г., Иванченко Г.В. Социокультурная динамика // Культурология / Под ред. Н.Г.Багдасарьян. 5-е изд. М.: Высшая школа, 2004. С. 98–99.

271 Денисов В.В. Политическая культура. Теория и практика // Философия и общество. 2006. № 1. С. 28.

и те части менталитета масс, в которых уже ассимилирована культурная новация, идут впереди изменений бытия, а остальные части менталитета масс отстают от этих изменений.

В определённых социальных условиях менталитет может стимулировать не прогресс, а регресс социума. Такая ситуация наблюдается при установлении тоталитарных режимов и фашистских диктатур. В таких случаях в результате хорошо продуманной дезинформации и умелой идеологической обработки граждан в массовый менталитет диктатором и правящей элитой внедряются идеи, которые объективно не соответствуют интересам ни этих масс, ни всего человечества. К таковым, например, можно отнести фашистскую идею превосходства вымышленной арийской расы, идею необходимости и неотвратимости мирового господства этой расы. В наше время в качестве аналогичной можно привести идею представителей НАТО о необходимости распространения «демократии» в мире насильственным путём, «чудовищную идею «гуманитарных бомбардировок»»²⁷². Дальнейшее распространение этой идеи может не только принести беды человечеству, но и погубить его.

Ещё один пример деструктивного действия на социум ментальных особенностей представителей определённой социальной группы – падение производства, рост преступности, сокращение населения, невообразимый аморализм в России после гайдаровско-чубайсовско-немцовских реформ. Р.Х. Симонян проанализировал возможные причины провала этих реформ: неготовность общества к переменам, отсутствие теории перехода от социализма к капитализму, отсутствие финансовой помощи Европейского Союза, особый менталитет россиян, наличие нерентабельных предприятий, малая доля частного сектора, отсутствие среднего класса²⁷³. Он аргументировано показал, что отрицательный результат реформ был обусловлен особым субъективным фактором, т.е. особенностями менталитета возглавляемой Б.Н. Ельциным социальной группировки, осуществлявшей реформы в стране.

Ещё более сильный пример негативного действия менталитета на состояние социума – разразившийся сейчас мировой финансово-экономический кризис. Э. Агацци пишет: «Кризис, в котором нехватка передовых и математически надёжных экономических теорий (в течение ряда лет у нас были нобелевские лауреаты по экономике), и нехватка сложных симуляций и компьютерного моделирования, а отсутствие чувства личной ответственности и моральной устойчивости крупных финансовых менеджеров лежали в основе гигантских экономических потрясений»²⁷⁴. Из-за ментальных особенностей

272 Тощенко Ж.Т. Кентавр-идеи как деформация общественного сознания // Социологические исследования 2011. № 12. С. 4.

273 См.: Симонян Р.Х. Фактор объективных условий в переходе от социализма к капитализму // Вопросы философии. 2012. № 11. С. 163–172.

274 Агацци Э. Идея общества, основанного на знаниях // Вопросы философии. 2012. № 10. С. 16.

небольшой группы недостойных людей мир испытал грандиозные экономические и иные потери.

3.2. Закон ведущей роли изменений менталитета в системе движущих сил развития общества

Для социальной философии на протяжении всего времени её существования одним из важнейших вопросов был вопрос о движущих силах развития общества. Различными мыслителями было высказано много идей, однако и сейчас этот вопрос далёк от своего решения. Изложенная выше социокультурная гипотеза функционирования менталитета может, как нам представляется, в определённых отношениях углубить и конкретизировать понимание движущих сил развития общества. С.А. Лебедев, Ф.В. Лазарев и некоторые другие исследователи справедливо полагают, что в функционировании и развитии социума имеет место полидетерминизм. При этом предполагается, что эта идея плодотворна при условии признания того, «что а)сама многофакторность понимается системным образом и б)вес различных факторов в целом неодинаков»²⁷⁵. Наше исследование показывает, что развитие социума действительно детерминируется многими факторами, но наиболее важный из них связан с функционированием менталитета. Попытаемся далее обосновать это положение.

Ранее в объяснении развития общества наиболее известными были три учения: марксистская концепция экономического детерминизма, концепция культурного детерминизма и концепция технологического детерминизма. Согласно первой из них, движущей силой развития общества служит противоречие в способе материального производства – противоречие между производительными силами и производственными отношениями. К производительным силам традиционно относят следующие компоненты: 1)людей с их профессиональными, в том числе и научными, знаниями, умениями, способностями, потребностями, волей, эмоциями и другими ментальными составляющими; 2) предмет труда; 3)средства труда, включающие в себя орудия труда, технологии, производственно-экономическую инфраструктуру. Второй и третий компоненты вместе составляют средства производства.

Производственные (экономические) отношения – это, как известно, отношения по поводу собственности на средства производства, в которые вступают люди в процессе производства, обмена и распределения материальных благ. Производственные отношения (наряду с политическими, правовыми, нравственными, эстетическими и др.) являются частью социальных отношений (понима-

275 Лебедев С.А., Лазарев Ф.В. Проблема истины в социально-гуманитарных науках: интервальный подход // Вопросы философии. 2005. № 10. С. 98.

емых в широком смысле слова «социальных»). Согласно К. Марксу, растущие «производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями»²⁷⁶. Разрешением этого противоречия служит изменение производственных отношений, которое, в свою очередь, приводит к изменению политической, юридической и других сфер общества. Данную концепцию Маркса неточно именовали и продолжают нередко именовать сейчас материалистическим пониманием истории. Производительные силы и способ производства в целом включают в себя не только материальные, но и духовные компоненты, способ производства есть единство материального и идеального (духовного), поскольку люди с их духовным миром (и профессиональным менталитетом в его составе) – основной компонент производительных сил. Ещё один духовный компонент, в настоящее время важнейший, производительных сил – научные знания. Поэтому правильно обсуждаемое учение Маркса надо называть концепцией экономического детерминизма.

В качестве аргумента в пользу предложенной нами для обсуждения социокультурной концепции функционирования менталитета можно привести такой аргумент: главный компонент производительных сил – человек, а его *менталитет как стратегическая культурная программа – единственный в составе производительных сил источник всех культурных инноваций*. Ни орудия труда, ни финансы, ни природные богатства, ни компьютеры, работающие по программам человека, ни другие *вещественные* элементы производительных сил не осуществляют творчества и не создают необходимой для прогресса конструктивной напряжённости в системе «производительные силы – производственные отношения». Как отмечают А.А. Пелипенко и И.Г. Яковенко, «технологические открытия, а именно переход к железу, в котором часто видят причину глобальных цивилизационных изменений, по нашему убеждению, являются следствием фундаментальных изменений ментальности»²⁷⁷. Другие важные и революционизировавшие общество события, такие, как создание паровой машины, двигателя внутреннего сгорания, радио, телефона, телевидения, компьютера, явились результатом творческого функционирования профессиональных менталитетов неизвестных и известных изобретателей, инженеров, учёных. Роль профессионального менталитета в развитии экономики показывает тот факт, что «новые знания, воплощённые в технологиях, оборудовании и организации производства, в промышленно развитых странах обеспечивают свыше 75 процентов прироста валового внутреннего продукта»²⁷⁸.

276 Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1959. Т. 13. С. 7.

277 Пелипенко А.А., Яковенко Г.И. Культура как система. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 307.

278 Степашин С.В. Образование вместо «образованщины» // Вестник РФО. 2005. № 4. С. 117.

Мы полагаем, что противоречие между производительными силами и производственными отношениями действительно имеет место, но только благодаря наличию противоречия между менталитетом и социальными отношениями. Маркс и Энгельс правильно описывали взаимодействие производительных сил и производственных отношений. Но они оставили без внимания творческую способность людей в историческом процессе. Хотя они декларативно признавали, что история совершается действиями конкретных лиц, но не учитывали следующего обстоятельства: всё, что влияет на активность человека – творца истории: экономические и политические интересы, природно-географические условия, демографическая ситуация, состояние здоровья, религиозные, эстетические, нравственные убеждения, профессиональные знания, представления о своих способностях и внешности, – всё это и многое другое на уровне субъективности представлено в менталитете – «социально-психологическом паспорте» субъекта.

Важно отметить также, что менталитет – единственный источник новаций для развития не только техники и материального производства, но и всех других сфер общества – политической, правовой, нравственной, эстетической и других.

Помимо концепции экономического детерминизма существуют варианты концепции культурной детерминации исторического процесса. Одним из первых таких вариантов была теория М. Вебера²⁷⁹. Он пытался объяснить экономическую жизнь капиталистического общества, исходя из базисных ценностей, которые постепенно формировались, начиная с эпохи Ренессанса и Реформации. Вебер полагал, что возникновение капитализма имело духовные истоки, среди которых важнейшая роль принадлежала протестантской этике, объявившей труд и честное накопление богатства богоугодным делом. Согласно Веберу, существует определённая взаимосвязь между господствующей в обществе религиозной моралью и экономической деятельностью, разные типы религиозной веры различным образом мотивируют людей к трудовой деятельности.

Одним из современных вариантов концепции культурного детерминизма является теория А.С. Ахиезера, о которой говорилось в предыдущем параграфе и согласно которой, формой проявления основного противоречия общества выступает противоречие между культурой и социальными отношениями. Попытку конкретизировать эту концепцию посредством категории менталитета мы предприняли в предыдущем параграфе.

Здесь же отметим, что концепция экономического детерминизма и концепция культурного детерминизма вначале рассматривались как взаимоисключаю-

279 Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 61–207.

щие. Согласно первой, выражающей традиционный марксистский подход, тот или иной способ материального производства – это главное, что определяет и социальную структуру, и политику, и духовную жизнь общества. Согласно второй концепции, представленной М. Вебером и А.С. Ахиезером, тот или иной способ экономической жизни воспроизводится и укореняется в зависимости от базисных ценностей культуры.

Однако указанные подходы не исключают, а дополняют друг друга. Такой вывод возникает, если рассматривать общество как целостную исторически развивающуюся систему, в которой культурные коды выполняют роль программ воспроизводственной деятельности, а последняя создаёт условия для жизни людей и культурного творчества. Связь между экономикой и культурой, по справедливому замечанию В.С. Стёпина, «не сводится к односторонней жёсткой детерминации мировоззренческих универсалий способом производства, либо наоборот. Между ними существуют многообразные прямые и обратные связи»²⁸⁰. Между экономикой и культурой, воплощающейся в многообразных видах менталитетов, существуют двухсторонние связи. Экономика в обществе аналогична обмену веществ в живом организме. Как обмен веществ обеспечивает организм субстратом и энергией, так и экономика создаёт необходимые людям материальные блага и условия существования. Культура же аналогична генетическому аппарату и системе управления организма. И такая аналогия не является редукционизмом социального к биологическому: все саморазвивающиеся системы имеют единые принципы функционирования. Один из них заключается в том, что в таких системах имеются подсистемы вещественно-энергетического и информационно-управленческого обеспечения, связанные прямой и обратной связями. Приводимое сопоставление позволяет лучше прояснить суть социальных процессов с помощью более простых и хорошо изученных биологических аналогов. Поскольку информационная система управляет обменом веществ и по её матрицам воспроизводятся организмы, то ей принадлежит ведущая роль в развитии живых организмов: материалом для естественного отбора организмов служат мутации, т.е. случайные изменения генетической информации. То же самое и в обществе: информационная система, воплощающаяся во множестве менталитетов, является определяющей по отношению к экономике и социальной сфере.

Аналогично тому, как в ходе биологической эволюции единственным источником создаваемых естественным отбором новых форм биологической организации служат *генетические мутации*, так и при развитии общества единственным источником новизны для развития как производительных сил, так и культуры, является *духовное творчество субъекта*, направляемое его

280 Стёпин В.С. Философия и поиск новых ценностей цивилизации // Вестник РФО. 2005. № 4. С. 14.

менталитетом. Поэтому то и можно заключить, что изменения менталитета, происходящие в силу его самодетерминации и влияния внешних факторов, служат наиболее глубокой движущей силой развития социума. *Соответственно связь между ментальной деятельностью, порождающей новации, и социальным прогрессом можно именовать законом ведущей роли изменений менталитета в составе движущих сил развития общества.*

Можно также сделать вывод о том, что менталитет стимулирует развитие общества двумя способами – опосредованно и непосредственно: 1) осуществляя технические изобретения и вводя организационно-технологические новшества, он развивает материальное производство, которое, в свою очередь, влияет на все другие сферы социума; 2) посредством культурного творчества он вызывает изменения правовых, политических, нравственных отношений, обуславливает развитие искусства, педагогики, спорта, досуга, быта людей.

Недавно О.Н. Смолин разработал концепцию образовательного детерминизма, которую он считает новой фазой развития концепции детерминизма экономического²⁸¹, хотя точнее его взгляды следовало бы отнести к одному из вариантов концепции культурного детерминизма, поскольку образование – сфера культуры. Этот автор справедливо полагает, что образование играет ведущую роль в развитии современной экономики как фундамента общественной жизни. О.Н.Смолин отмечает, что «практически все страны, сумевшие добиться экстраординарных темпов экономического развития (так называемого экономического чуда), за несколько лет до этого осуществляли серьёзные финансовые «вливания» в сферу образования, во многом это «чудо» и стимулировавшие»²⁸².

Здесь мы опять же видим прямую и обратную связь между экономикой и культурой, представленной в этом случае системой образования. Экономика в демократичном обществе путём надлежащего финансирования обеспечивает условия для качественного образования. В свою очередь, хорошая система образования влияет на экономику. И это влияние осуществляется тремя способами. Во-первых, правильно поставленное школьное образование формирует массовый менталитет, ориентированный на самостоятельный интеллектуальный поиск и стремление к новизне, к продуцированию и принятию инноваций. Инновационный компонент массового менталитета создаёт базу для последующего интеллектуального роста молодых людей и овладения ими сложными современными специальностями. Во-вторых, качественная система высшего образования формирует профессиональный менталитет высококвалифицированных специалистов, обеспечивающих функционирование современных тех-

281 Смолин О.Н. Социально-философские основания стратегии модернизации России: роль образования и науки // Философские науки. 2006. № 1. С. 5–27.

282 Там же. С. 19.

нологий. В-третьих, надлежащая система послевузовского образования формирует менталитет интеллектуальной элиты общества. Эта элита продуцирует наиболее важные инновации, стимулирующие развитие общества, в том числе и его экономический рост. Сама педагогическая система совершенствуется за счёт инноваций, источником которых служит менталитет теоретиков и организаторов системы образования.

А.С. Кармин отмечает, что «если...культура представляет собою... механизм для хранения, накопления, переработки и передачи информации, то отсюда следует, что именно культура, т.е. сфера информационно-семиотической деятельности, становится основой жизни...общества. В этом плане можно сказать, что вопреки марксову тезису о первичности общественного бытия и вторичности общественного сознания духовное производство (культура)...оказывается первичным, а материальное производство (экономика) вторичным»²⁸³. Эту точку зрения разделяли и разделяют много других авторов. Обычно их называли идеалистами в понимании общества. На наш взгляд, и традиционная марксистская позиция, и отмеченная позиция А.С. Кармина и солидарных с ним авторов верны лишь отчасти, и имеется необходимость синтеза этих позиций.

Положение о первичности бытия и вторичности сознания вытекает из понимания сознания только как отражения. Но дело в том, что *понимание сознания как отражения недостаточно*. Сознание есть не только отражение наличного бытия, но и информационное творчество нового бытия. Как и любая информация, сознание имеет два аспекта – отражательный и управляющий. Как отражение бытия сознание вторично, а как модель будущего бытия и программа реализации этого желаемого бытия оно первично. Менталитет представляет специфику того или иного типа сознания и определяет направленность активности субъекта. *В своей традиционной части менталитет вторичен в отношении формировавшего его бытия, а в своей инновационной части он первичен в отношении творимых субъектом особенностей бытия.*

Важным историческим свидетельством наличия процессов, при которых ментальные изменения активно влияют на бытие и формируют его, служит история еврейского народа. В работе «Социологическая концепция отчуждения труда и феномен еврейства» С.А. Виноградов, опираясь на учение об отчуждении К.Маркса, излагает оригинальную концепцию исторического формирования особенностей еврейского этнического сознания (но-нашему – менталитета) и положения евреев в обществе. Он пишет, что в результате разделения форм производственной деятельности в обществе возникает феномен отчуждения труда, который обуславливает главные негативные явления в социуме, в час-

283 Кармин А.С. Философия культуры в информационном обществе: проблемы и перспективы // Вестник РФО. 2005. № 2. С. 59.

тности, эксплуатацию, чрезмерное имущественное и социальное неравенство людей, конфликты между ними, насилие и столкновения. Далее С.А. Виноградов убедительно показывает, что еврейскому народу в тяжелейших геополитических условиях в значительной мере удалось предотвратить отрицательные последствия отчуждения в своём обществе, больше, чем это было в других этносах, сохранить его единство, свою идентичность и выжить как этносу. И произошло это благодаря возникновению этнических особенностей евреев (менталитета – по-нашему), в большой степени обусловленных иудаизмом²⁸⁴. Этот менталитет выражал духовное единство евреев и противостоял отчуждению. Он обуславливал взаимопомощь евреев, препятствовал чрезмерному имущественному расслоению между ними и возникновению розни. Закон об отношениях бытия и сознания был сформулирован односторонне. Не только бытие определяет сознание, но и сознание определяет бытие, они связаны прямыми и обратными связями, т.е. взаимодействуют. Работа С.А. Виноградова конкретно □ показывает, как менталитет евреев формировал их бытие.

В признании нами регулирующей функции сознания вообще, менталитета в частности, нет никакого идеализма, поскольку подразумевается, что сознание воплощено в мозговой нейродинамике и преобразует бытие не непосредственно, а через деятельность субъекта. Идеализм же постулирует субстанциальность (самостоятельность существования) сознания и его прямое воздействие на бытие.

Коснёмся теперь концепции технологического детерминизма. В ней постулировалась ведущая роль техники и технологии в развитии общества. С конца 50-х гг. XX в. технологический детерминизм принял форму концепций постиндустриального, или информационного, общества. В качестве главного фактора прогресса в них признаются информационные технологии и производство информации, особенно научной. В индустриальном обществе определяющую роль играло производство вещей. В постиндустриальном, информационном обществе производство вещей, естественно, сохраняет своё значение, поскольку без вещей жизнь невозможна (хотя в развитых странах и наблюдается избыток потребления). Но само создание вещей теперь становится производным от создания информации, разнообразных знаков и текстов. Д.Белл, один из теоретиков постиндустриального общества, полагал, что «центральная роль теоретического знания определит и положение учёного как центральной фигуры нового общества, а вместо фирмы (предприятия) университет или какая-либо другая форма институционализации знания будет центральным институтом в последующие сотни лет благодаря своей роли источника инноваций и

284 Виноградов С.А. Социологическая концепция отчуждения и феномен еврейства. URL: <http://berkovichzametki.com/2012/Zametki/Nomer7/Vinogradov1.php> (дата обращения 21.12.12).

знания»²⁸⁵. Он также отмечал, что «если индустриальное общество основано на машинной технологии, то постиндустриальное общество формируется под воздействием технологии интеллектуальной. И если капитал и труд – главные структурные элементы индустриального социума, то информация и знание – основа общества постиндустриального»²⁸⁶.

Е. Масуда, другой теоретик информационного общества, писал, что «производство информационного продукта, а не продукта материального будет движущей силой образования и развития общества»²⁸⁷. Особенности информации по сравнению с другими ресурсами и факторами производства (сырьём, энергией, финансами, рабочей силой) Масуда правильно усматривает в том, что она не исчезает при потреблении, не уменьшается при передаче другому пользователю (оставаясь в полном объёме и у первого), повышает своё качество при добавлении новой информации. Отмечается также, что основным противоречием информационного общества становится противоречие между некомпетентностью и знанием. Учёт отмеченных особенностей информации позволяет согласиться с тем, что из всех производимых человеком продуктов она действительно имеет наибольшее значение для развития общества.

Но, признавая большую роль техники и информации в развитии общества, надо иметь в виду, что творец техники – человек, а первичным источником оригинальной информации, всех инноваций в науке, искусстве, политике, религии, нравственности, праве служат духовные усилия человека, направляемые его менталитетом. Как справедливо отмечают А.А. Пелипенко и И.Г. Яковенко, разработавшие концепцию изоморфизма культуры (в её опредмеченных формах) и ментальности, «в культуре нет ничего, что не содержалось бы в ментальности»²⁸⁸. Технические устройства передают, размножают, комбинируют информацию, творимую человеком. Компьютерная информация, значение которой для функционирования общества неуклонно возрастает, и которую часто именуют виртуальной реальностью, тоже имеет свой источник в ментальной сфере.

Е. Ясин показывает, что для информационной цивилизации характерна инновационная, или креативная, экономика, поскольку в ней «главным двигателем экономики стали инновации»²⁸⁹. Креативная деятельность субъекта направляется его менталитетом. Поэтому переход от инерционной экономики к инновационной, составляющий суть модернизации, означает повышение

285 Bell D. The coming of Post-industrial Society. A Venture in Social Forecasting. N.Y.: Basic Books, Inc., 1973. P. 344.

286 Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Терра, 1999. С. 6.

287 Masuda Y. The Information Society. Wash.: World Future Sos., 1983. P. 29.

288 Пелипенко А.А., Яковенко Г.И. Культура как система. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 29.

289 Ясин Е. Модернизация и общество // Вопросы экономики. 2007. № 5. С. 5.

роли менталитета по мере осуществления социального прогресса. *Эту зависимость можно назвать закономерностью возрастания роли менталитета в развитии общества при переходе от индустриальной к информационной цивилизации.* Поскольку инновационная деятельность осуществляется квалифицированными специалистами, обладающими соответствующим профессиональным менталитетом, то проявлением отмеченной предполагаемой закономерности служит возрастание в обществе относительного количества людей с высшим образованием, учёных, а также рост расходов на образование и науку. Так, например, в США и Канаде государственные расходы на образование, как в целом, так и на душу населения в предпоследнее десятилетие XX века увеличивались более чем в два раза²⁹⁰.

Говоря о факторах, влияющих на развитие общества, надо отметить, что рациональные моменты содержатся и в концепциях географического детерминизма и демографического детерминизма, поскольку природные факторы, состав и численность населения тоже воздействуют на развитие социума.

На основе изложенного можно заключить, что имеется множество факторов, оказывающих влияние на развитие общества, и много движущих сил этого развития: изменения в способе материального производства, в культуре вообще и в сфере образования в частности, в технике, в производстве научной информации. Но наиболее существенная и глубинная из этих сил, как мы полагаем, представлена изменениями в менталитете, порождающими новые формы воспроизводственной деятельности субъекта в экономике, политике, духовной сфере. Наша концепция функционирования менталитета может быть отнесена к современному варианту концепции культурной детерминации развития общества.

3.3. Менталитет и вызовы истории (роль менталитета в разрешении антропогенных кризисов)

А.Д. Тойнби было показано, что развитие любого общества происходит по правилу «Вызов-и-Ответ». Вызовы истории – это факторы, которые на данном этапе развития общества ставят под угрозу его нормальное существование и развитие. «Вызов, – писал Тойнби, – побуждает к росту. Ответом на вызов общество решает вставшую перед ним задачу, чем переводит себя в более высокое и более совершенное с точки зрения усложнения структуры состояние»²⁹¹.

В §3.1 нами отмечалось, что изменениям менталитета принадлежит определяющая роль в формировании адекватных ответов на вызовы истории. Рас-

290 Багдасарьян Н.Г. Профессиональная культура инженера: механизмы освоения. М.: изд-во МГТУ им. Н.Э.Баумана, 1998. С. 159.

291 Тойнби А.Д. Постигание истории / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1996. С. 99.

смотрим теперь данный вопрос более подробно. Отметим вначале, что проблема сущности, количества и классификации вызовов истории разработана недостаточно. Поэтому предлагаемый нами вариант является неполным и нуждается, естественно, в критическом рассмотрении и дополнении. Тойнби делил вызовы истории на вызовы природной и вызовы человеческой среды. Он описал конкретные вызовы и порождаемые ими стимулы развития египетской, шумерской, китайской, майянской и андской, минойской и других цивилизаций. К таким вызовам относились иссушение почвы, болотистая почва, суровый климат, наступление тропического леса, «вызов Посейдона» (трудностей мореплавания) и др. Были случаи, когда то или иное общество вначале успешно справлялось с вызовом природы, но потом уступало ей. Тойнби приводит примеры поглощения джунглями цивилизации майя, аравийской пустыней – Петры и Пальмиры и др. А сколько древних племён погибло, первоначально не выдержав вызова, никому неизвестно. К вызовам человеческой среды Тойнби отнёс «стимул ударов» (внешней агрессии), «стимул давлений» (непрерывного внешнего воздействия), «стимул ущемления» (лишения части прав какого-либо населения)²⁹².

Описанные Тойнби вызовы истории можно, по-видимому, назвать частными, они имели место в отдельных конкретных обществах. Во всех случаях условием успешного ответа на эти вызовы были адекватные имевшимся условиям изменения сначала элитарного, а затем массового менталитета. Наряду с частными можно выделить и общие вызовы, имевшие и имеющие значение для всей цивилизации. Такие общие и наиболее сильные из вызовов истории возникают, по-видимому, в результате антропогенных кризисов – кризисов, которые обусловлены деятельностью общества. Масштаб антропогенных кризисов ограничивался отдельным географическим местом или регионом, реже включал в себя целые континенты. Эти кризисы, хотя и не охватывали до середины 20-го века всё человечество, но всё равно имели глобальный характер, поскольку их разрешение представляло ступени и основной вектор развития человечества. Природу и содержание антропогенных кризисов глубоко изучил А.П. Назаретян, на результаты исследования которого мы будем опираться.

Этот автор показывает, что антропогенные кризисы связаны с несоответствием человеческой деятельности открытому им закону техно-гуманитарного баланса. «Закон гласит, что *чем выше мощь производственных и боевых технологий, тем более совершенные средства культурной регуляции необходимы для сохранения общества*»²⁹³. Имеется в виду, что агрессия может быть против как людей, так и природы. «Закон техно-гуманитарного баланса контролиро-

292 Там же. С. 114–140.

293 Назаретян А.П. Нелинейное будущее и проблема жизненных смыслов // Историческая психология и социология истории. 2012. № 2. С. 153.

вал процессы исторического отбора, выбраковывая социальные организмы, не сумевшие своевременно адаптироваться к собственной силе»²⁹⁴.

Первый вызов истории предстал, по-видимому, ещё перед ранними гоминидами в период нижнего палеолита (0,7 – 1,2 млн. лет назад). Использование орудий и огня дало им шанс на выживание в процессе межвидовой борьбы. Но вместе с тем эффективность орудийных средств нападения (галечных отщепов, костей, дубин) приводила к массовой гибели самих гоминид в ходе внутривидовых многочисленных стычек. Выжили те стада, в менталитете которых сформировались надинстинктивные протокультурные регуляторы, ограничивавшие агрессию внутри стада за счёт переноса её на чужих. По-видимому, и в то очень отдалённое время выделялась своеобразная духовная элита, продуцировавшая ментальные новации, необходимые для сдерживания агрессии и разрешения кризиса. Имеются гипотезы, что палеоантропы (неандертальцы) погибли либо из-за того, что у них не выработались механизмы сдерживания агрессии, либо из-за выжигания растительности и вызванного этим сокращения биоразнообразия²⁹⁵. В любом случае причиной их гибели было то, что их менталитет не среагировал адекватно на ту их возросшую техническую мощь. И они были вытеснены неоантропами (кроманьонцами).

Ещё один крупный вызов истории наблюдался накануне неолитической революции (X – VIII тыс. до н.э.). Развитие охотничьих технологий (ловчи ямы, копы и копьеметалки, лук, силки) небывало повысило эффективность охоты. Численность населения стала быстро расти и достигла 4 – 7 млн. человек. Но большой масштаб охоты, часто чрезмерной и неоправданной нуждами племён, настоящей бойни, привёл к резкому уменьшению численности животных. В то время с лица Земли исчезло до 90% крупных животных, в частности, были полностью истреблены мамонты. В результате возникшего голода и обострения межплеменной конкуренции население средних широт планеты сократилось в несколько раз²⁹⁶.

Разрешение кризиса произошло в результате смены способов деятельности и производственных отношений. В менталитете безвестных неолитических творцов, гениев того времени, возникла идея не убивать животных, а приручать их и разводить, а также идея не только собирать зерно и плоды, а сажать их и выращивать. Возможно, эти идеи не сразу были приняты соплеменниками, но постепенно они распространились и получили признание. В результате произошёл переход большинства племён от присваивающего хозяйства (собирательства и охоты) к производящему (земледелию и скотоводству). Этот переход был сопряжён с комплексными изменениями в социальных отноше-

294 Назаретян А.П. Антропогенные кризисы и эволюция ненасилия // Философские науки. 2004. № 7. С. 10.

295 Там же. С. 26.

296 Там же. С. 18.

ниях, в частности, с установлением взаимовыгодных отношений между воинами и производителями. А.П. Назаретян отмечает, что «впервые в истории человечества прогрессивная социальная *идея* победила не путём физического устранения носителей устаревшей идеи (что было обычным для палеолита), а через «смену ментальной матрицы»»²⁹⁷.

Следующий серьёзный вызов истории последовал перед периодом, названным К.Ясперсом осевым временем. Это период между 800 и 200 гг. до н.э. Момент времени около 500 г. до н.э. было названо им осью мировой истории. На переднем Востоке, в Закавказье, Восточном Средиземноморье, Индии, Китае началось производство железа. Бронзовое оружие сменилось стальным, которое было значительно дешевле, легче, прочнее и эффективнее бронзового. В результате действия имевшейся ментальной установки на максимальное истребление противника применение нового оружия создало угрозу истребления человечества во взаимной вражде. Ответом культуры на этот вызов истории и стал ментальный переворот осевого времени.

В это время в различных обществах появились мыслители, политики и полководцы нового типа – Заратустра, иудейские пророки, Будда, Конфуций, Лаоцзы, Кир, Ашока, Сократ и другие. Их креативная деятельность существеннейшим образом повлияла на менталитет своих народов. Они стремились гуманизировать человеческие отношения, что вело к смягчению последствий конфликтов и войн. Главные изменения менталитета народов заключались в следующем. Мифологическое мышление стало вытесняться мышлением критически-рациональным. Было сформулировано золотое правило нравственности, совесть становилась на место богобоязни. «В эту эпоху были разработаны основные категории, которыми мы мыслим по сей день, заложены основы мировых религий, и сегодня определяющих жизнь людей»²⁹⁸. Мерилом эффективности военных действий стало считаться не количество жертв, как было раньше, а достижение предметной цели. Резко повысилась роль пропаганды среди войск и населения противника с целью их умиротворения и ограничения террора. Враги учились видеть друг в друге людей, понимать и сочувствовать друг другу. Разумеется, не все моральные, религиозные, политические и правовые новации принимались и давали нужный эффект. Но в целом в результате произошедших ментальных изменений у разных народов были выработаны культурные средства ограничения агрессии и насилия, что позволило человечеству сохраниться. Таким образом, осевое время – это период ментальной революции как ответ культуры на возникший опасный разрыв между технологической мощью человечества и имевшимися способами сдерживания агрессии.

297 Там же. С. 19.

298 Ясперс К. Истоки истории и её цель. Смысл и назначение истории / Пер. с нем. 2-е изд. М.: Республика, 1994. С. 33.

Первоначально кардинальные ментальные изменения произошли в Китае, Индии и на Западе (в Персии, Палестине, Греции). Затем в орбиту осевого времени были втянуты на Западе германские и славянские народы, а на востоке – японцы, малайцы и сиамцы. «Народы, не воспринявшие идей осевого периода, – отмечал К.Ясперс, – остаются на уровне «природного» существования, их жизнь неисторична, подобно жизни множества людей на протяжении десятков тысяч и сотен тысяч веков»²⁹⁹. Такие народы, по Ясперсу, являют собой пережиток доистории, сфера которой всё время сокращается вплоть до исчезновения.

Вопрос об одновременности духовных преобразований в трёх совсем мало связанных друг с другом регионах Ясперс назвал тайной. Теперь мы можем прояснить этот вопрос. Антропогенный кризис, связанный с использованием железного оружия, почти одновременно возник в трёх регионах. Поэтому и ментальный ответ на него был однотипным и одновременным. Этот ответ позволил сохраниться ведущим цивилизациям того времени и вступить в новую фазу развития. Феномен осевого времени служит подтверждением положения о единстве мировой истории, о том, что все страны развиваются по единым законам и в случае разрешения антропогенных и иных кризисов раньше или позже проходят сходные этапы своего существования.

Ещё один значительный вызов истории общество получило накануне промышленной революции. Вначале развитие технологий сельского хозяйства стимулировало рост народонаселения в течение нескольких веков. Затем в результате повсеместной вырубки лесов и возникновения болот, загрязнения рек отходами бесконтрольно растущих городов происходило разрушение экосистем и падение производства. Возникли социальная напряжённость, беспорядки, эпидемии. В XIV веке чума унесла более трети населения Западной Европы. Всё более кровопролитными делались войны. «Развитие сельскохозяйственных технологий обернулось очередным тупиком, как задолго до этого – развитие охотничьих технологий»³⁰⁰. Разрешение этого кризиса произошло в ходе промышленной революции, перехода к использованию каменного угля вместо дров, массовой эмиграции населения Европы в Америку и внедрения продуктивных заморских культур (картофеля, кукурузы и др.). Ход всех этих процессов предварялся и постоянно стимулировался глубокими изменениями ментальности. Наука и научное знание в становящейся техногенной цивилизации были признаны важными факторами общественного прогресса. В массовый менталитет входили идеи гуманизма, просвещения, демократии, равенства, индивидуального и международного права. Формировались ценностные

299 Там же.

300 Назаретян А.П. Антропогенные кризисы и эволюция ненасилия // *Философские науки*. 2004. № 7. С. 28.

ориентации на личный успех, независимость, предпринимательство, высокую квалификацию, хорошее образование. Эти и другие изменения и достижения в ментальной сфере обеспечили преодоление сельскохозяйственного кризиса и обусловили переход от традиционной к техногенной цивилизации.

Становление промышленного производства благодаря совершенствованию техники постоянно повышало преобразовательные возможности людей. Это обеспечило в развитых странах комфортные условия жизни, высокий уровень потребления, хорошее медицинское обслуживание. Однако к началу XX века резервы экстенсивного индустриального развития были исчерпаны, хотя инерция экстенсивного роста продолжала действовать. Разрешение кризиса аграрного общества стало началом пути к кризису индустриального общества. Он сформировался к середине XX века и проявил себя в виде глобальных проблем современности. Эти проблемы – самый серьёзный вызов истории человечеству за всё время его существования. Масштаб промышленного производства и техногенное давление на природу превысили возможности регуляторных механизмов биосферы и в значительной мере исчерпали многие природные ресурсы. Небывало увеличился разрыв между развивающимися и развитыми странами. Соотношение доходов между пятью самыми богатыми и пятью самыми бедными странами в 1960 г. составляло 30:1, в 1990 – 60:1, в 1997 г. – 74:1³⁰¹. И данное соотношение постоянно возрастает. Это повышает международную напряжённость. За 100 лет мощь боевых орудий возросла на 6 порядков (в миллион раз). В результате отмеченных и других негативных явлений возникла опасность глобальной катастрофы и гибели человечества. Индустриальный прогресс привёл к трагическому парадоксу: никогда ещё человечество не было таким могущественным в техническом и научном отношении, как сейчас, но никогда до этого не стояло оно на грани всеобщей катастрофы.

А.П. Назаретян предполагает, что разрешение современного антропогенного кризиса может произойти в ходе информационной революции³⁰². Думается, что он прав, и эта революция уже началась. Она снова, как и в прежние эпохи, инициируется изменениями в элитарном и массовом менталитете. Один из важнейших таких сдвигов заключается в переоценке роли науки и научного знания. В менталитете лидирующей части научной интеллигенции наука и научное знание из значительных факторов обеспечения прогресса становятся решающими. Отсюда следует усиливающееся использование новаций в экономической, социальной, политической сферах общества. Происходит замена прежних технологий новыми, наукоёмкими технологиями, которые являются энергосберегающими и превращающими в полезное сырьё то, что ранее не

301 Федотова В.Г. Терроризм: от старого к новому // *Философские науки*. 2003. № 2. С. 10.

302 Назаретян А.П. Антропогенные кризисы и эволюция ненасилия // *Философские науки*. 2004. № 7. С. 28.

использовалось (например, использование песка для производства стекловолокна, заменяющего металлические провода).

Однако научные знания, а также и созданные на их основе технологии и техника, как известно, могут использоваться и во зло людям. Притом, чем более развитой становится наука, тем большие негативные последствия может иметь негуманное применение научного знания и техники. Могут быть также и непреднамеренные негативные последствия научно-технического прогресса и использования научного знания или экспериментов, например, экспериментов над генотипом человека и его мозгом. Научно-техническое развитие постоянно порождает разнообразные виды риска. Риск «рассматривается как результат избыточности технологического и научного прогресса, отсутствия прогностической освоенности порождаемых последствий. Чем фундаментальнее открытие или техническая инновация, тем связанные с ними риски также становятся фундаментальнее»³⁰³. В связи с этим У.Бек назвал становящееся сейчас общество обществом риска³⁰⁴.

Как реакция на возникающие в ходе научно-технического прогресса опасности в менталитете современных учёных оформилась идея соединения науки с этикой, идея синтеза поиска истины с гуманистическим идеалом. Принцип классической и неклассической науки: «Обнаруживай истину и наращивай истинное знание» признаётся недостаточным. Принцип современной, постнеклассической, науки: «Ищи истину только для блага людей». В постнеклассической науке устанавливаются связи между внутринаучными и вненаучными социальными целями и ценностями. Одной из форм таких связей выступает социально-этическая экспертиза научных программ и проектов. Данная экспертиза должна выявить социальные последствия предлагаемых научных проектов и соответствие ожидаемых результатов практического внедрения научных результатов принципам гуманизма и нормам общечеловеческой морали. Усиление этического компонента науки противодействует возможности антигуманного применения научного знания, а также непреднамеренных отрицательных последствий научных экспериментов.

Особенно значительные риски для человечества и биосферы в целом (наряду с большими позитивными перспективами) представляют начавшиеся во второй половине 20-го века исследования в медико-биологических науках. Эти исследования связаны с пересадкой органов, созданием и использованием искусственных органов и технических устройств в организме, суррогатным материнством, функционированием генома и воздействием на генетический аппарат, возможным клонированием организмов, криогенизацией, эвтаназией,

303 Тищенко П.Д. Биоэтика, общество риска и эвристика вызовов // Философские науки. 2010. № 12. С. 42.

304 Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.384с.

расшифровкой мозговых кодов психических явлений, электрическими, химическими и иными воздействиями на мозг. Осознание учёными этих рисков привело к существенным ментальным новациям. Некоторые из них, например принцип благоговения перед жизнью А. Швейцера, даже упредили развитие медико-биологических наук и развитие экологического кризиса. Новации, основанные на уже имевшихся принципах медицинской этики и деонтологии, выразились, в конечном счёте, в возникновении такого важного ментального феномена современности, как биоэтика. Эта наука «реализуется как форма социально распределённой экспертизы... рисков научно-технического прогресса в области биологии и медицины»³⁰⁵.

Термин «биоэтика» ввёл в культуру американский биолог и врач-онколог В.Р.Поттер в 1969 г. Он писал, что «человечество нуждается в соединении биологии и гуманитарного знания, из которого предстоит выковать науку выживания»³⁰⁶. Биоэтика стала наиболее динамичным разделом этического учения. Она ставит проблемы, которых не было в традиционной этике, и формирует самые живые «точки роста» этического знания. *Биоэтика – это ответ нравственного менталитета человечества на риски развития медико-биологического знания и ухудшение экологической ситуации.* Эта ведущая сейчас отрасль этического знания формирует нравственные принципы деятельности биологов, врачей, педагогов, да и всех людей, направленные не только на сохранение, укрепление и активное создание здоровья людей, но и на сохранение биосферы в коэволюционном процессе социоприродного развития³⁰⁷. Н.Н.Моисеев разработал и ввёл в научный оборот концепт «экологический императив». Этот императив означает «ту границу допустимой активности человека, которую он не имеет права переступить ни при каких обстоятельствах»³⁰⁸. *Экологический императив – ответ формирующегося глобалистского менталитета на угрозу общепланетной экологической катастрофы.* Он призван ограничить агрессивность общества по отношению к природе.

Принципы биоэтики сегодня в обобщённой форме представлены в международном документе «Конвенция о защите прав и достоинств человека в связи с использованием достижений биологии и медицины. Конвенция о правах человека в биомедицине» (принята Советом Европы в 1996 г.). В России с учётом рекомендаций международных организаций приняты «Кодекс врачебной этики», «Этический кодекс фармацевтического работника», «Этический кодекс

305 Тищенко П.Д. Биоэтика, общество риска и эвристика вызовов // Философские науки. 2010. № 12. С. 48. 42–49.

306 Поттер В.Р. Биоэтика. Мост в будущее. Киев: 2002. С. 34.

307 См.: Хрусталёв Ю.М. Философия сохранения жизни и здоровья нации // Вестник РФО. 2009. № 2. С. 173–178.

308 Моисеев Н.Н. Современный антропогенез и цивилизационные разломы. Эколого-политологический анализ. М.: МНЭПУ, 1994. С. 8.

медицинской сестры», «Российская декларация в защиту прав пациента». В биомедицинских исследованиях существует 3 механизма этического регулирования: 1) информированное согласие, которое перед началом исследования даёт испытуемый; 2) научные журналы публикуют только те статьи, авторы которых удостоверяют проведение их исследований с соблюдением этических норм, принятых Хельсинской декларацией Всемирной медицинской ассоциации; 3) исследовательский проект может осуществляться только после его одобрения независимым этическим комитетом³⁰⁹. Разработка принципов биоэтики и рекомендательных документов продолжается.

Ещё одной ментальной новацией, тесно связанной с биоэтикой, служит зарождение и развитие учения о сущности, типах, способах изучения и предотвращения рисков, обусловленных развитием современной техники. Сначала – в конце 60-х годов 20 в. – возникли дебаты по поводу ядерной и химической технологий, которые наиболее очевидно негативно влияли на окружающую среду и людей. «Учащающиеся техногенные катастрофы, связанные как с ошибками проектирования и природными катаклизмами, так и нештатным использованием новой техники вывели эту проблематику на трансдисциплинарный уровень»³¹⁰. Не только учёным, но и политикам и бизнесменам стало понятно, что как эксплуатация старой техники, так и внедрение новой, настоятельно требуют расчёта рисков и изобретения превентивных мер, которые будут использоваться при возникновении опасных ситуаций. Поэтому «сегодня проблематика технологических рисков стала одной из самых важных проблем не только многих научных и технических дисциплин, но и современного общества в целом»³¹¹. Ряд учёных обоснованно поднимает вопрос о необходимости специальной комплексной науки о рисках. Можно сказать, что определённые элементы такой науки уже возникли, *и это возникновение есть ответ глобалистского менталитета на угрозы и опасности при использовании техники*. Происходит и организационное оформление возникающей науки о технологических рисках. В России в 2002 г. создан Федеральный институт оценки рисков. А в 2003 г. был учреждён Международный совет по управлению рисками, который в 2005 г. опубликовал концептуальный документ «Возникновение рисков. Источники, драйверы и задачи управления»³¹².

Помимо отмеченных ментальных новаций, направленных на разрешение современного антропогенного кризиса, обнаружилась тенденция к формированию общецивилизационного, или глобалистского, менталитета. Этот мен-

309 Юдин Б.Г. Об этосе технонауки // Философские науки. 2010. № 12. С. 58–66.

310 Бехманн Г., Горохов В.Г. Социально-философские и методологические проблемы обращения с технологическими рисками в современном обществе (Дебаты о технологических рисках в современной западной литературе) // Вопросы философии. 2012. № 7. С. 122.

311 Там же. С. 126.

312 Там же. С. 126, 129.

талитет, как мы предполагаем, включит в себя наиболее оптимальные для прогресса ментальные особенности, синтезирует ценности техногенной и традиционной цивилизаций и станет духовной основой разрешения глобальных проблем и преодоления кризиса индустриальной цивилизации. Изложенное показывает, что в развитии человечества периодически и закономерно возникают антропогенные кризисы, создающие вызовы истории. Обнаруживается закономерность, состоящая в том, что если обусловленные кризисом изменения менталитета адекватны вызову истории, то кризис разрешается и данный социум поднимается на новую, более высокую, ступень развития. Если же необходимых ментальных изменений не происходит, то данный социум сходит с исторической арены. Данная закономерность может считаться аспектом более общего закона – закона ведущей роли изменений менталитета, порождающих культурные новации, в составе движущих сил развития общества.

Особым состоянием менталитет отличается в периоды социальных кризисов. В это время, во-первых, усиливается борьба между ментальной новацией, несомой одной частью социума, и ментальной традицией, представленной остальной частью этого социума. Во-вторых, возникающие в период кризиса слишком быстрые непредсказуемые изменения, а также многообразные деструктивные явления приводят к элиминации из менталитета некоторых компонентов, которые не могут функционировать в условиях кризиса из-за их неадекватности. В то время как старые, неадекватные, ментальные особенности элиминируются, новые, адекватные, не успевают создаваться.

Это разрушающее воздействие кризисной ситуации на менталитет подвергает опасности его целостность и сплачивающий, интегрирующий деятельность людей, характер. В случае экстремального, критического воздействия кризисной ситуации на менталитет может произойти его дестабилизация, расслоение и нарушение общности для членов данной группы, что, в свою очередь, может вызвать и распад этой социальной группы. Возникающее в результате отмеченных процессов состояние может приводить к появлению многочисленных форм девиантного поведения и острым психологическим кризисам у представителей данной социальной общности³¹³.

Эта общность становится способной, прежде всего, – а иногда и исключительно – к деструктивному в социально-политическом плане поведению. В таком случае возникает особый, а именно – кризисный менталитет, который служит выражением определённого распада устойчивых прежде социально-политических образований. Докризисный менталитет, менталитет, характерный для стабильного состояния социума, отличается целостностью, относительной устойчивостью, адекватностью социальным условиям – способностью

313 Менталитет // Политология. Энциклопедический словарь / Под ред. Аверьянова Ю. И. М.: Моск. коммерческий ун-т, 1993. С. 174–176.

интегрировать социум и направлять усилия его членов на конструктивную деятельность. Кризисный менталитет характеризуется отсутствием целостности, чрезмерной ситуативностью и изменчивостью, неспособностью обеспечивать единство социума и противостоять деструктивным социальным процессам. Как следует из работы А.В. Павлова, в кризисном менталитете значительно выражены чувства одиночества, страха перед неизвестным, растерянности³¹⁴. В ходе рефлексии и экзистенциального диалога по мере мобилизации духовных ресурсов человека страх может сменяться восторгом перед возможным новым, а растерянность – собранностью духом и мыслью. Кризисный менталитет возникает чаще всего в условиях быстрого перехода от тоталитарного режима к демократическому.

Ещё одна черта кризисного менталитета – его расколотость, разорванность, чрезмерная противоречивость. В состоянии кризиса расколотость характерна как для всего общественного сознания, так и для менталитета как наиболее существенных особенностей сознания данной социальной общности, отличающих её от других общностей. Противоречия могут иметь место и в докризисном менталитете. Расколотость означает наличие противоречия в самом ядре менталитета – в его ценностно-мотивационном компоненте. В современной ментальности «то борются, то существуют независимо друг от друга взаимоисключающие ценности, смыслы, идеалы»³¹⁵. Ж.Т. Тощенко отмечает, что «прежние характеристики сознания существенно изменились (некоторые исчезли совсем), а новые ещё не закрепились в реальной общественной практике...»; в общественном сознании «самым причудливым образом сочетаются старые и новые политические идеи, космополитические и националистические ориентации, республиканские и монархические ориентиры, религиозные и атеистические убеждения, трудовые и потребительские установки»³¹⁶.

Человек может быть интернационалистом и шовинистом одновременно. В одном случае выясняется его отношение к одной или двум проблемам и фиксируется, к примеру, тяготение к интернационалистским убеждениям («я уважаю права каждого народа на свою культуру и язык»). А по другой проблеме человек демонстрирует националистические, шовинистические убеждения. Он считает их истинными для себя, искренне убеждён в их достоверности («буду убивать людей конкретного народа» (указывается какого)³¹⁷.

314 Павлов А.В. О средообразующей роли отдельно стоящего дерева (к проблеме межцивилизационного периода) // Взаимодействие культур. Сборник научн. трудов. Тюмень, 1998. Вып. 1. С. 1–16.

315 Муравьёв И.Б. Экзистенциальный диалог в современной ментальности: Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата философских наук: 09.00.01. Тюмень, 1998. С. 11.

316 Тощенко Ж.Т. Метаморфозы современного общественного сознания: методологические основы социологического анализа // Социологические исследования. 2001. № 6. С. 10.

317 Тощенко Ж.Т. Кентавр-проблема в познавательной и преобразовательной деятельности человека // Социологические исследования. 2005. № 6. С. 13.

Ещё пример взаимоисключающих ментальных позиций – коммунист-предприниматель, относимый Ж.Т. Тощенко к типу кентавров-личностей. Аутентичные коммунистические убеждения означают неприятие частной собственности, а предпринимательская деятельность, напротив, основана на ней. Поскольку менталитет управляет активностью человека, то расколотость менталитета обуславливает непоследовательность и непредсказуемость поведения субъекта менталитета, что, в свою очередь, может приводить к росту социальной дезорганизации.

Расколотость менталитета наиболее адекватно, по-видимому, может быть объяснена с помощью понятия кентавризма. Кентавризм же, как показывает Ж.Т.Тощенко, представлен совокупностью кентавр-идей – таких понятий и представлений, которые, во-первых, включают в себя несовместимые, несоединимые нормальным разумом, элементы, и, во-вторых, характеризуются полным или частичным разрывом с реальностью и объективными потребностями общества³¹⁸. Кентавризм проявляется и в форме антиномий. Антиномии имеют место тогда, «когда господствуют в основном две взаимоисключающие точки зрения, но которые имеют под собой логическую основу и оправдание, обладающие корнями в реальных процессах общественной жизни»³¹⁹. В общественном сознании нашего общества и его менталитете антиномичность представлена практически по всем вопросам социального, экономического, политического, и культурного развития. Ж.Т. Тощенко, глубоко разработавший проблему антиномий и кентавр-идей, отмечает: «Они – яркий образец самых различных деформаций общественного сознания, феномен сочетания несочетаемого, объединяющего взаимоисключающие черты, которые рано или поздно приведут к их устранению из общественной жизни, а их носители перестанут влиять на происходящие процессы. Но это произойдёт в результате серьёзных общественных издержек и, возможно, социальных потрясений»³²⁰. Последних, конечно, хотелось бы в нашей и до того многострадальной стране избежать. Для этого необходим интенсивный интеллектуальный поиск устранения деструктивных ментальных различий, созидания конструктивных ментальных сходств с использованием тех рациональных моментов, которые уже содержатся, возможно в гипертрофированном виде, в имеющихся социально-политических идеях. Это может привести к восстановлению целостности национального (общероссийского) менталитета.

318 Тощенко Ж.Т. Кентавр-идеи как деформация общественного сознания // Социологические исследования. 2011. № 12. С. 4.

319 Тощенко Ж.Т. Антиномия – новая характеристика общественного сознания в современной России // Социологические исследования. 2010. № 12. С. 15.

320 Тощенко Ж.Т. Кентавр-идеи как деформация общественного сознания // Социологические исследования. 2011. № 12. С. 12.

Во время социальных кризисов при быстрых изменениях в социокультурной среде у людей может происходить массовое изменение идентичности или даже её утрата. Это может иметь и позитивные, и негативные последствия. Если человек творчески и адекватно реагирует на произошедшие социальные сдвиги, то его менталитет изменяется, и такой человек становится активным членом социума, успешно существует и развивается. Если же необходимых для адаптации ментальных изменений не происходит, то наблюдаются такие явления, как отчуждение, аномия, маргинализация, психическая патология, девиантное поведение. Российский менталитет два раза в 20-м веке подвергался кардинальным изменениям. Первое произошло после Октября 1917г., второе – после 1991г. Преобразование бывшего советского менталитета в современный российский ещё не завершено.

Знание описанных особенностей кризисного менталитета имеет большое значение для эффективного проведения различных социально-экономических и социально-политических реформ. Одно из условий успешности и безболезненности этих реформ – обеспечение целостности менталитета. Для этого необходимо, во-первых, прогнозирование ожидаемой социальной реальности и, во-вторых, упреждающее системное созидание новых ментальных особенностей, адекватных этой прогнозируемой реальности.

ГЛАВА 4. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РАЗЛИЧНЫХ МЕНТАЛИТЕТОВ В ОБЩЕСТВЕ

4.1. Закон меры ментального различия и сходства социальных групп как условие общественной солидарности и прогресса

Одна из функций менталитета заключается в формировании социальной солидарности, которая, как показано Э.Дюркгеймом³²¹, является главной силой, сплачивающей общество, создающей общественное целое, обеспечивающей его стабильность и устойчивое развитие. Трудность в обеспечении общественной солидарности состоит в том, что менталитет социума, даже одной достаточно многочисленной общности, например нации, неоднороден. Любая общность полиментальна. В социуме существует множество социальных групп. Каждой из них соответствует своя субкультура, а на уровне субъектов любая субкультура выражается в определённом менталитете. Поскольку человек является членом многих социальных групп, то он несёт в себе компоненты нескольких видов менталитета. Степень полиментальности зависит от количества измерений социального пространства и параметров горизонтальной и вертикальной стратификации данной общности. Все современные социальные образования характеризуются социальными пространствами большой размерности, в которых существует много видов группировок людей по социальным признакам: по принадлежности к национальности, религии, государству, профессии, экономическому статусу, политическим партиям, расе, возрасту, полу и т.д. Поэтому очень важным является вопрос о сходстве и различии ментальных особенностей коллективных и индивидуальных субъектов в этой сверхсложной социальной вселенной. Для понимания условий осуществления солидарности, способной прочно интегрировать данную общность, необходимо выявить ментальные сходства и различия входящих в нее разнообразных групп. С первого взгляда вопрос о сходствах и различиях решается просто: чем больше сходств и чем меньше различий, тем солидарность должна быть выше. Но это только первичное и приближенное решение. Жизнь действительно показывает, что обычно нас притягивает к тем, кто похож на нас, кто мыслит и чувствует схожим образом. Но также часто встречаются и противоположные явления, когда мы испытываем симпатию к тем, кто на нас непохож, и испытываем к ним влечение именно из-за того, что они на нас непохожи. Анализ различных мнений и теорий позволяет допустить, что симпатия и сотрудничество

321 Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Пер. с фр. и послесловие А.Б. Гофмана. М.: Наука, 1990. 575 с.

могут возникать как на основе сходств, так и на основе различий. Только не все различия могут привести к влечению. Недостаточно просто какого-то любого различия, чтобы его вызвать. Откровенный, искренний, честный человек не будет искать компании скрытого и лицемерного, добродушный и мягкий человек не почувствует симпатии к злому и жестокому, транжира вряд ли удовлетворится компанией скупого. Самый яркий случай деструктивных различий – это противоположность ценностных ориентаций, идеалов и целей индивидов и социальных групп. История нам показала немало примеров, когда различия в религиозных воззрениях вкупе с нетерпимостью приводили к очень негативным социальным последствиям.

Чтобы различия притягивались нужно, чтобы они не были взаимоисключающими, а были взаимодополняющими, комплементарными. Обычно некое ментальное отличие вызывает симпатию в том случае, если одна личность обладает неким качеством, которого нет у другой личности, но последняя желала бы им обладать. Назовем такие взаимодополняющие несходства, вызывающие взаимное притяжение, конструктивными. Вот как описывает примеры дополняющих различий Э. Дюркгейм: «Так, теоретик с тонким аналитическим умом часто имеет особую склонность к практическим людям, к здравому смыслу, к быстрым интуициям; робкий – к людям отважным и решительным; слабый – к сильному, и наоборот. Как бы богато мы ни были одарены, нам постоянно не хватает чего-нибудь, и лучшие из нас чувствуют свое несовершенство. Вот почему мы ищем в наших друзьях недостающих нам качеств: соединяясь с ними, мы некоторым образом становимся причастными к их натуре и чувствуем себя менее несовершенными. Таким образом создаются маленькие ассоциации друзей, где каждый имеет свою роль, сообразную с его характером, где есть настоящий обмен услугами. Один покровительствует, другой утешает, третий советует, четвертый исполняет, - и именно это разделение функций, или, употребляя освященное выражение, это разделение труда, вызывает отношения дружбы»³²².

Конструктивными в обществе являются различия между выделенными А.П. Павловым художественным и мыслительным типами личности. У людей первого типа доминирует образное мышление, и они успешно занимаются искусством. А у представителей второго типа преобладает понятийное мышление, и они успешны в науке. Культура и общество в целом выигрывают от наличия такого ментального различия между людьми, поскольку оно служит условием гармоничного развития всех ветвей культуры.

К.Г. Юнг, который ввел в употребление термины «интроверт» и «экстраверт», писал об этих двух психологических типах: «При более тщательном

322 Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Пер. с фр. и послесловие А.Б. Гофмана. М.: Наука, 1990. С. 57–58.

исследовании выяснилось, что в брак вступают преимущественно люди, относящиеся к разным типам, и причем – бессознательно – для взаимного дополнения. Рефлексивная сущность интроверта побуждает его постоянно размышлять или собираться с мыслями перед тем, как действовать...Его робость перед объектами и недоверие к ним приводят его к нерешительности...Экстраверт, наоборот, имеет позитивное отношение к вещам...Новые незнакомые ситуации его привлекают. Чтобы узнать нечто неизвестное, он даже готов без оглядки окунуться в него. Как правило, он сначала действует и лишь затем раздумывает об этом...Эти два типа поэтому как бы созданы для симбиоза. Один берет на себя обдумывание, а другой – инициативу и практические действия. Поэтому брак между представителями этих двух различных типов может быть идеальным»³²³.

Таким образом, приходим к выводу, что некоторые различия, которые мы обозначили как конструктивные, приводят к притяжению субъектов, а некоторые, назовем их деструктивными, приводят к отталкиванию. Видимо, то же самое можно сказать и о ментальных сходствах. Некоторые сходства притягивают друг друга, назовем их конструктивными, а некоторые отталкивают, назовем их деструктивными сходствами³²⁴. Примером конструктивных сходств могут выступать общие интересы, ценностные ориентации, цели, идеалы, переживания и многое другое. Примером деструктивных сходств в личностных отношениях могут быть два жадных человека – вряд ли они потянутся друг к другу, так же едва ли сойдутся два вруна. К деструктивным сходствам относятся также агрессивность, раздражительность, нетерпимость критики.

В обществе неконструктивное сходство возникает там, где элементы являются избыточными с точки зрения осуществления какой-либо функции системы. В нашей стране часто возникают деструктивные сходства между различными органами, осуществляющими контроль и регламентацию экономической и гражданской жизни общества. Они выполняют совершенно одни и те же функции и в результате вместо того, чтобы оптимизировать протекание различных процессов, они приводят к росту бюрократических препонов, расцвету коррупции, большому количеству избыточных справок и разрешений. Всё последнее приводит к тому, что честные мелкие предприниматели сдаются, а всемогущие крупные корпорации завладевают новыми пространствами. Требуется реформы таких неконструктивно схожих органов в том направлении, чтобы их развести по функциям, сделать дополняющими друг к другу и способствующими общему движению обслуживаемой ими сферы вперед.

323 Юнг К.Г. О психологии бессознательного // Психология бессознательного. М.: Канон+, 2003. С. 92.

324 Имеются также нейтральные сходства и различия. Противоположности «конструктивные – деструктивные» являются контрарными, а «конструктивные – неконструктивные (нейтральные плюс деструктивные) – контрмедиальными.

Если не получается развести такие органы по функциям, то тогда остается только сокращать их сотрудников или разгонять их по другим структурам. Будучи президентом, Д.Медведев поручил Минфину подготовить предложения о сокращении федеральных чиновников на 20%. Это делается как раз с целью понизить деструктивные сходства в структуре управления страной.

Изложенное позволяет сделать следующий вывод: при взаимодействии субъектов функционируют четыре пары ментальных особенностей: конструктивные сходства, деструктивные сходства, конструктивные различия, деструктивные различия. Конструктивные сходства и различия обуславливают интеграцию социума, а деструктивные сходства и различия – его дезинтеграцию. Если мы заменяем одну ментальную особенность, входящую в деструктивное различие, у одного из субъектов на противоположную, то получаем на этом месте конструктивное сходство. Например, если у двух субъектов противоположные цели, то при замене цели у одного из них мы получаем конструктивное сходство целей. Отталкивание меняем на притяжение. Если мы заменяем одну ментальную особенность, входящую в конструктивное различие, у одного из субъектов на противоположную – мы, наоборот, ослабляем притяжение между субъектами. В данном случае мы меняем конструктивное различие на деструктивное сходство. Например, если дополняющее различие проявлялось в том, что робкий человек тянулся к мужественному, а последний вдруг в силу каких-то обстоятельств потерял храбрость и тоже стал робким, то влечение первого ко второму ослабнет или даже перейдет в презрение. Отсюда, *чтобы повысить притяжение между какими-либо субъектами мы должны увеличивать конструктивные сходства и конструктивные различия, уменьшать деструктивные сходства и деструктивные различия.*

Следует сделать еще несколько замечаний общетеоретического характера. Каждая пара ментальных особенностей, определяющих в результате суммирования степень общественной солидарности, обладает своей собственной интенсивностью притяжения-отталкивания. Чем более глубинными и, следовательно, устойчивыми, являются взаимодействующие ментальные особенности, тем большую интенсивность притяжения или отталкивания даст эта пара и, следовательно, тем больше она осуществляет интеграцию или дезинтеграцию при контакте данных субъектов. Те сходства-различия, которые возникают при *слабых* предпочтениях субъектов, обладают малой интенсивностью, а возникающие при *сильных* предпочтениях – высокой интенсивностью притяжения-отталкивания. Вот как Ю. Хабермас характеризует слабые и сильные предпочтения: «Выбор, касающийся тривиальных или слабых предпочтений, не требует обоснования; никто не обязан отчитываться ни себе, ни другим в том, почему он предпочитает эту марку автомобиля или данный фасон пуловера. Напротив, «сильными» предпочтениями мы... называем оценки, затрагивающие не толь-

ко случайные предрасположения и склонности, но самосознание личности, образ жизни, характер; они неотделимы от тождества нашего Я... »³²⁵.

Действительно, если вы в кафе заказали себе черный чай, а ваш собеседник – зеленый, то такое различие обладает практически нулевой интенсивностью в плане отвращения вас друг от друга (как и притяжения), равно как вас не сильно и сблизит ношение шляпы одинакового цвета (но и не пос-

сорит тоже). В данном случае слабые предпочтения являют собой проявления поверхностных, ситуативных ментальных особенностей, не способных породить пары сходств-различий со сколько-нибудь заметной интенсивностью притяжения-отталкивания. Другое дело, когда двум коллегам, например, нужно решать новую задачу и один предлагает обойти закон, чтобы её решить, а другой не приемлет такой поступок из своих моральных убеждений. Это различие может их поссорить на всю жизнь.

У каждой пары взаимодействующих ментальных особенностей интенсивность притяжения-отталкивания меняется со временем в силу того, что изменяются социальные условия и менталитет. Ментальные особенности глубинных слоев меняются медленно или вообще не меняются на определённом промежутке времени, а особенности поверхностного слоя могут изменяться быстро. Поэтому когда пара образована из ментальных особенностей глубинного уровня, она не только более интенсивна в плане притяжения-отталкивания, но и более инерционна во времени, т.е. сложнее и медленнее меняет свои характеристики.

При каких-либо значительных ментальных сдвигах или при изменении условий те ментальные особенности, которые раньше составляли деструктивное различие, могут образовать различие дополняющее, конструктивное; деструктивное сходство может перерасти в конструктивное и наоборот. Например, в младшем школьном возрасте различия между мальчиками и девочками являются в основном деструктивными: мальчики объединяются в свои группы, куда девочек не принимают, и относятся к ним с некоторым презрением. Но по прошествии некоторого времени различие между полами становится уже дополняющим, и компании имеют склонность к объединениям, перемешиванию и взаимному влечению. И наоборот, конструктивные различия могут перейти в деструктивные при изменении условий. Пример такого перехода и его преодоления привел К.Г.Юнг относительно той же пары интроверт – экстраверт: «Пока они заняты приспособлением к внешним нуждам жизни, они великолепно подходят друг другу. Но если, например, муж заработал уже достаточно денег или если судьба послала им большое наследство и тем самым трудности жизни отпадают, то у них появляется время, чтобы заняться друг

325 Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность (Лекции и интервью. Москва, апрель 1989г.). М.: Наука, 1992. С. 7.

другом. До этого они стояли спиной к спине и защищались от нужды. Теперь же они поворачиваются друг к другу лицом и хотят друг друга понять – и делают открытие, что они никогда не понимали друг друга. Они говорят на разных языках. Так начинается конфликт двух типов. Этот спор язвительен, связан с насилием и взаимным обесцениванием, даже если он ведется очень тихо и самым интимным образом. Ибо *ценность одного есть отрицательная ценность другого*. Было бы разумно полагать, что один, осознавая свою собственную ценность, спокойно мог бы признать ценность другого и что таким образом всякий конфликт стал бы излишним... Там, где речь идет о нормальных людях, такой критический переходный период преодолевается более или менее гладко»³²⁶. Следовательно, пары метальных сходств-различий помимо своей интенсивности с течением времени или при изменении условий могут изменять и свою полярность, притяжение меняется на отталкивание и наоборот. Последнее замечание очень важно для понимания трансформации параметров общественной солидарности.

Именно из-за того, что деструктивные сходства и деструктивные различия при плодотворном экзистенциальном диалоге имеют потенциал перехода в факторы укрепления солидарности (конструктивные сходства и конструктивные различия), мы считаем, что в обществе для обеспечения его устойчивого развития должна существовать некая разумная пропорция, или мера, между всеми четырьмя парами ментальных особенностей для обеспечения необходимого единства и разнообразия социальной системы и её более высоких адаптационных способностей. *Охарактеризованную выше связь можно именовать законом меры ментального различия и сходства социальных групп как условие общественной солидарности и прогресса*. Согласно этому закону, конструктивные ментальные сходства должны обеспечивать духовное единство данного социума, конструктивные различия – служить стимулом производства культурных новаций, деструктивные различия и порождаемые ими противоречия разрешаться в ходе экзистенциального диалога, а неконструктивные и деструктивные сходства восприниматься толерантно и в последующем преобразовываться в конструктивные. Баланс интеграции должен преобладать над балансом дезинтеграции.

Даже деструктивные различия, если они умеренные, могут стать фактором прогресса, когда духовная и правящая элита придумывают и реализуют меры по купированию негативных социальных явлений, связанных с этими различиями. При этом в обществе накапливается опыт купирования деструктивных различий и какие-то будущие социальные катаклизмы, обостряющие деструктивные различия, не застанут данное общество врасплох.

326 Юнг К.Г. О психологии бессознательного // Психология бессознательного. М.: Канон+, 2003. С. 92–93.

Для каждой пары взаимодействующих субъектов существует своя индивидуальная сложная система четырех видов притягивающих и отталкивающих сходств и различий. И необходимо для каждого конкретного случая составлять его собственную картину общей солидарности, возникающей как некоторая равнодействующая всех этих четырех факторов. В обыденной речи мы не проводим такой тонкой дифференциации и поэтому часто встречаются противоречия и недопонимания. Так, например, когда мы говорим о так называемой женской солидарности, то имеем в виду на самом деле солидарность на основе конструктивных сходств. Действительно, женщины могут в некоторых вопросах лучше понимать друг друга и иметь схожие, объединяющие их переживания, которые связаны именно с их половыми особенностями. Но если мы рассматриваем двух конкретных женщин, например, в условиях борьбы за одного и того же мужчину, то интенсивность притяжения на основе конструктивных сходств практически сходит к нулю, а вот сила деструктивного различия их целей приобретает огромный размер, и общая солидарность между ними находится в плачевном состоянии. В таких коллективах общая солидарность между женщинами и мужчинами может быть выше, чем между конкурирующими женщинами, хотя, следуя обыденной речи, непонятно, куда же делась «женская солидарность» - испарилась, или же ее никогда и не было? А все дело в том, что в некоторых ситуациях более интенсивными являются конструктивные сходства между женщинами, а в других ситуациях – деструктивные различия.

Рассмотрим ещё для иллюстрации сложной системы установления солидарности две профессиональные группы, занимающиеся одинаковой деятельностью. Между ними есть некоторая солидарность на основе конструктивных сходств: представители групп хорошо понимают друг друга, имеют общие знания, навыки, переживания, заинтересованы в одинаковых законах. Есть между ними и какая-то доля деструктивных различий, например, каждая из групп претендует на самые большие объемы продаж. Но это противоречие имеет низкую интенсивность отталкивания и успешно разрешаются благодаря эффективно установленным правилам конкуренции, разделению рынков сбыта и т.д. Предположим, что возникает общая проблема для всей отрасли, например, государство принимает какой-то нежелательный для обеих групп закон. Тут же возрастает интенсивность притяжения по конструктивным сходствам: группы консолидируются, чтобы совместно лоббировать общие интересы. А теперь предположим, что во главе одной из групп становится лидер, инициирующий приемы «грязных» методов конкурентной борьбы. Деструктивное различие и отталкивание двух групп тут же нарастает и может вылиться в суды, недружественные поглощения, рейдерские захваты, вплоть до привлечения криминала и подкупа чиновников, милиции, ФСБ в свою пользу и т.д. Есть между такими группами и какая-то доля конструктивных различий. Например, каждая из них

сфокусировалась на своей узкой доле общего рынка, одна компания, скажем, продает жилье эконом-класса, а другая – элитную недвижимость, и они могут сотрудничать, обмениваться опытом, проводить совместные тренинги, акции; данное различие их притягивает.

Приведём ещё пример возможного деструктивного сходства: допустим, одна сеть магазинов запускает акцию по продаже со скидкой определенной группы товаров, другая сеть в это же время запускает акцию на эти же товары. Или, скажем, две компании выпускают совершенно одинаковую рекламу или одинаковую символику. Такое сходство никак не будет способствовать укреплению общей солидарности между ними. Наоборот, они начнут выяснять, кто у кого украл идею (даже если это было чистое совпадение), им станет неприятно, что их теперь будут путать покупатели (клиенты) и они в каком-то роде потеряли своё лицо; то есть, лучше бы такого сходства вообще не было, без него солидарность была бы выше. Или, допустим, два музыкальных коллектива независимо друг от друга выпускают похожую песню и их тут же начинают сравнивать. Это удар по имиджу и индивидуальности каждого коллектива. Другое дело, если бы одна группа украли идею у другой: это было бы деструктивное различие, возникшее в ходе целенаправленных действий навредить другим. Деструктивное сходство обычно возникает в результате случайного стечения обстоятельств в данной конкретной ситуации. Когда оно будет осознанно субъектами, они могут либо путем переговоров, согласованных действий, совместных изменений ослабить интенсивность отталкивания, либо на основе конкуренции возникнут многочисленные деструктивные различия, и будет происходить эскалация конфликта между ними. В жизни очень часто деструктивные сходства тут же ведут к чувству конкуренции и деструктивным различиям.

Если подытожить всё вышесказанное, то можно сформулировать такой вывод: *величина социальной солидарности представляет собой равнодействующую четырёх ментальных факторов укрепления-ослабления социальных связей: каждое конструктивное ментальное сходство и конструктивное различие входят в сумму общей солидарности со знаком плюс и помноженное на свой весовой множитель, характеризующий интенсивность притяжения данной пары; каждое деструктивное сходство и деструктивное различие входят со знаком минус и своим весовым коэффициентом, показывающим интенсивность отталкивания этой пары.* Эти положения позволят вести дискурс о социальной солидарности без постоянного попадания в логические ловушки и противоречия, разрешая дилемму: что же все-таки обладает универсальной, всегда и везде действующей объединяющей силой – сходства или различия.

В работе «О разделении общественного труда» Э. Дюркгейм вводит два типа солидарности: солидарность, возникающую на основе сходств и солидар-

ность, возникающую из разделения труда, а значит, из различий³²⁷. Первый вид солидарности он называет механической солидарностью и проводит аналогию с молекулами неживой материи, которые абсолютно идентичны и согласованно двигаются под действием некоторых факторов, но при небольшом изменении условий согласованность движения может нарушиться и структуры, образованные такими механическими частичками, могут разрушаться. Самые яркие примеры почти стопроцентной механической солидарности можно найти в примитивных и архаичных обществах, когда разницы между её членами практически нет, где даже женщины мало отличаются от мужчин и выполняют схожие функции. Индивидуальные сознания почти полностью растворены в коллективном сознании. Главным индикатором, выражением механической солидарности в обществе служат репрессивные, принудительные, насильственные меры, зафиксированные в уголовном праве или различных сводах, заповедях, законах, правилах и т.д.

Второй вид солидарности Дюркгейм называет органической солидарностью. Она возникает в результате разделения функций и характеризуется тем, что индивиды становятся все более непохожими друг на друга. Он проводит аналогию с организмом, в котором существуют непохожие друг на друга образования, выполняющие специфические функции. Органическая солидарность, по мнению Дюркгейма, является более сплавивающей силой, чем механическая, так как если механические частички можно без ущерба друг для друга разделить, то органы существовать друг без друга не могут, они существуют только в целостности, коей для них является организм (общество). Органическая солидарность преобладает в промышленных, развитых обществах. Индивидуальные сознания тут получают все большее специфическое приращение к коллективному сознанию (общему для всех), которое, в свою очередь, постепенно уменьшается. Главным индикатором органической солидарности в обществе служат правила, регламентирующие различные виды деятельности и зафиксированные в реститутивном праве. Такое право не имеет цели причинить страдание индивиду, наказать его, как делает репрессивно, а всего лишь восстанавливает нарушенные связи. Таковым является гражданское, коммерческое, процессуальное, административное, конституционное право.

Согласно концепции Дюркгейма, органическая солидарность все более приходит на смену механической из-за постоянно продолжающегося процесса дифференциации деятельности в обществе. Механическая солидарность постоянно уменьшается в своем объеме, однако, она не обречена на полное отмирание, всегда остается некоторое самое общее содержание коллективного сознания. Пока механическая солидарность сокращается, органическая

327 Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Пер. с фр. и послесловие А.Б. Гофмана. М.: Наука, 1990. С. 57–58.

солидарность благодаря разделению труда возрастает, автоматически приводя общество к расцвету демократии, увеличивающемуся уважению к личности, всесторонней защите прав человека.

Прокомментируем концепцию Дюркгейма с позиций принятых нами методологических принципов. Мы бы назвали его механическую солидарность солидарностью на основе конструктивных сходств, а органическую солидарность – солидарностью на основе конструктивных различий. Рассматривая только солидарность на основе сходств и солидарность, возникающую из разделения труда, Дюркгейм абстрагируется от деструктивных сходств и деструктивных различий, представляющих собой факторы снижения солидарности, которые, однако, постоянно возникают вместе с факторами укрепления солидарности. Эти факторы, ослабляющие солидарность, не попадают в сферу его систематического рассмотрения. Видимо, он считает их аномальными формами и не уделяет их анализу достаточного внимания, полагая их неестественными и отмирающими самими собой по ходу разделения труда, с которым связывает идею прогресса. Мы считаем это существенным недостатком концепции Дюркгейма, так как разделение труда, как и любое другое достаточно крупное социальное явление, приводит не к автоматическому укреплению солидарности, а, в общем случае, к возникновению четырех пар ментальных особенностей, детерминирующих общую солидарность, которая будет определяться описанной выше арифметикой солидарности. Все зависит от того, как, где, при каких обстоятельствах происходит разделение труда. Например, разделение граждан на законопослушных и преступников не приводит к возрастанию общей солидарности. В ходе истории возникают как факторы укрепления солидарности, так и факторы её снижения (деструктивные сходства и деструктивные различия). Всегда будут сталкиваться чьи-то интересы, цели, ценности (деструктивное различие) и всегда будут те, кто старается выделиться среди себе подобных и испытывающих неприязнь к ним из-за некоторых видов сходства (деструктивное сходство). Задачей правящей элиты является как раз проведение исчисления солидарности и выбор таких реформ, законодательных решений и прочих регулятивов, чтобы общая солидарность не снижалась ниже опасного уровня, а по возможности повышалась. Однако в виду сложности социальных процессов у правящей элиты это не всегда получается. Поэтому мы получаем постоянные флуктуации степени солидарности в сторону повышения или понижения, а иногда и даже социальные катаклизмы, приводящие к смерти (развалу) социального организма, когда общая солидарность меняет свой знак с положительного на отрицательный.

Деструктивные различия, не ставшие предметом исследования Дюркгейма, могут возникать не только между социальными группами внутри страны, но и между странами. В масштабе планеты деструктивные различия между странами послужили причиной двух мировых войн.

Мы не разделяем также мнение Дюркгейма о том, что в ходе истории есть постоянная смена механической солидарности органической. Мы стоим на позиции, что имеются постоянные флуктуации и изменение пропорции, в которой находятся солидарности по конструктивным сходствам и конструктивным различиям. Поскольку только эти два фактора укрепляют солидарность, то при уменьшении одного желательнее возрастание второго, чтобы не перевесили факторы, уменьшающие солидарность. Как мы уже показали выше, при разделении труда имеет место продуцирование как укрепляющих солидарность факторов, так и понижающих. По мысли Дюркгейма, с уменьшением солидарности по сходствам растет солидарность по разделению труда (более крепкая). На наш взгляд, тут все не так однозначно. Разделение труда происходит всегда в каких-то внешних условиях, между какими-то специфическими группами. Разделение труда в контексте конкретных исторических обстоятельств приводит, с одной стороны, к росту солидарности по конструктивному различию между специализирующимися группами, а с другой стороны – к повышению солидарности по конструктивному сходству внутри каждой из этих групп. Таким образом, эти два вида солидарности связаны между собой. Только интенсивности притяжения и скорости становления сходств-различий, определяющих данные виды солидарности, могут быть разными, поэтому мы не можем сказать, что обе солидарности совместно возрастают в единой пропорции. Картину усложняет еще и то, что и между группами и внутри групп появляются также деструктивные сходства и деструктивные различия. Совокупные интенсивности укрепляющих и понижающих солидарность факторов и между группами и внутри групп в той или иной мере взаимно друг друга погашают.

На наш взгляд, нет достаточных оснований полагать, что в целом, в любом обществе всегда есть стойкая тенденция к уменьшению совокупной солидарности по конструктивным сходствам и постоянному увеличению удельной доли солидарности по конструктивным различиям. Можно привести примеры, когда происходит увеличение солидарности по конструктивным сходствам, а солидарность по конструктивным различиям уменьшается. Например, во время национально-освободительных войн резко возрастает солидарность первого типа, а все различия стираются и не воспринимаются более так резко. В менталитете такого народа основной оппозицией становится «наш – не наш», все остальные различия воспринимаются с меньшими интенсивностями. Таким же образом переживаются все события, не связанные с успехами и неудачами общего дела. По сравнению с общим делом все отступает на задний план. Резко возрастает первый вид солидарности при крупных терактах (как в США после 11 сентября 2001 г.), международных военных и политических конфликтах (как противостояние России с западными странами во время и после грузинской агрессии против Южной Осетии в августе 2008г.), во време-

на природных катаклизмов (наводнений, затяжных пожаров, землетрясений и т.д.), техногенных катастроф. Также этот вид солидарности является преобладающим в тоталитарных системах, идеология которых строится на усиленном утравировании своей идентичности и противопоставлении себя другим. Первый вид солидарности преобладает в монорелигиозных традиционных обществах. Возможно, Дюркгейм сказал бы, что все описанные выше примеры тоже представляют собой аномальные формы. Но такие сплачивающие по сходству события происходили всегда, и ничто не указывает на их исчезновение в будущем.

В определённых условиях пропорция двух видов солидарности может смещаться в сторону солидарности по различию. Возьмем годы непосредственно до и после распада СССР. Старые смыслы перестали работать. Солидарность по конструктивным сходствам пришла в упадок. Вот тут для нас весьма ценной представляется идея Дюркгейма о том, что одним из индикаторов солидарности по сходству в обществе является репрессивное (уголовное) право и отношение населения к преступникам и преступлениям. Чем выше солидарность по сходствам, тем жестче репрессивные меры и тем большее чувство негодования вызывает преступление в душах людей. В описываемое время уголовное право смягчилось, а среди населения шло повальное увлечение уголовщиной. Почти вся страна заговорила на тюремно-воровском жаргоне. Один за другим снимались фильмы про преступников, романтизирующие образ бандита. Необычайную популярность приобрел такой музыкальный жанр, как блатной шансон. Подростки объединялись в группы, подражая криминальным бандам, а молодые люди постарше стремились вступать в реальные криминальные группировки. Все это указывает на то, что солидарность по конструктивным сходствам пошла в полнейший разнос. Почему же не произошла дальнейшая дезинтеграция и не воцарился хаос или гражданская война? Этого не произошло, потому что начали резкими темпами устанавливаться рыночные отношения, которые влекли за собой разделение деятельности и постепенное усиление солидарности по конструктивным различиям. Возникали новые коммерческие предприятия, кооперативы, частные фирмы, между которыми начинала устанавливаться солидарность по взаимному дополнению. Увеличение доли солидарности по конструктивным различиям можно определить по тому, как бурно стало развиваться законодательство, регулирующее предпринимательскую деятельность. По мнению Дюркгейма, как раз степень развития реститутивного (гражданского) права является показателем силы солидарности по разделению труда. Как отражение этого возник социальный заказ на большое количество юристов и экономистов, и престиж этих специальностей на многие годы резко возрос. Конечно, что развитие рыночных отношений в первое время порождало помимо факторов укрепления солидарности (в ос-

новном конструктивных различий) и большое количество факторов снижения солидарности (в основном деструктивных различий), благодаря чему встречались и локальные социальные катаклизмы (конфликты). Приватизация вначале носила криминальный характер. Но по мере развития и укрепления законодательной базы и усиления контроля осуществления экономической деятельности, рыночные отношения были более или менее отрегулированы. Дальнейшее развитие экономической жизни шло уже с меньшим удельным весом факторов, понижающих солидарность и при расцвете солидарности, основанной на конструктивных различиях. А в последние годы намечается также некоторый рост солидарности по конструктивным сходствам. Правящая элита пытается предлагать новые смыслы, которые могли бы интегрировать общество, например, национальный спорт, национальную науку и инновации, привлечение иностранных инвестиций, реализацию демографического и других национальных проектов и т.д.

Еще одно соображение, почему мы не можем согласиться с мнением Дюркгейма о том, что солидарность по разделению труда имеет тенденцию к постоянному историческому увеличению, заключается в следующем. П. Сорокин на обширнейшем историческом материале показал, что дифференциация в обществе не может быть бесконечной. Например, вертикальная дифференциация (стратификация) подвержена с течением времени только флуктуациям. Он подробно рассмотрел изменение в истории человечества трех основных видов стратификации – экономической, политической, профессиональной. Показатели этих видов социальной стратификации, такие как высота и профиль стратификации, совершали только колебания в разные стороны без устойчивой единой долговременной тенденции. Тенденции действовали только какой-то промежуток времени, после которого сменялись на противоположные³²⁸. Так, рост экономической дифференциации не может продолжаться бесконечно. Как только высота социальной экономической пирамиды достигает достаточно большого значения, в силу вступают социальные силы, которые приводят к тому, что несколько этажей пирамиды будут сбиты. Во времена некоторых революций пирамида вообще может становиться очень плоской, но после становления новой власти другие социальные силы начинают надстраивать новые этажи, стратифицировать общество и так до следующего приравнивания. Поэтому мы считаем, что нет исторических оснований считать точку зрения Дюркгейма обоснованной. Согласно его мнению, солидарность по разделению труда должна только увеличиваться, а так как она более крепкая, чем механическая солидарность, то и степень общей солидарности в мире должна только возрастать. Существование социальных конфликтов в разных местах мира

328 Сорокин П.А. Социальная мобильность / Пер. с англ. М.В. Соколовой. Под общей ред. В.В. Сапова. М.: Academia; LVS, 2005. 588 с.

Дюркгейм объяснял тем, что солидарность по разделению труда ещё не успела укрепиться должным образом. Механическая солидарность сильно разрушилась, а новая, органическая, ещё не подросла ей на смену. Такое состояние, когда старые нормы и ценности перестают действовать, а новые еще не установились, Дюркгейм называл общественной аномией и предлагал разрешать эти локальные проблемы с помощью реформ. А в целом и общем разделение труда автоматически само должно привести рано или поздно к всеобщей высокой солидарности, к торжеству мира и сотрудничества во всем мире. Такой взгляд основывался на малом ещё историческом опыте и сейчас представляется наивным. Без настойчивых и целеустремлённых усилий правящих и духовных элит всех стран мира, без совместных проектов, без согласованных действий никакой спонтанный процесс, в том числе и разделение труда, не может привести ни к какому позитивному результату. Первая мировая война нанесла сильный удар по оптимистическому пафосу социологической школы Дюркгейма. На войне погибли многие представители социологической школы, погиб также сын Дюркгейма, молодой талантливый социолог и лингвист Андре, которого Дюркгейм считал продолжателем своего дела.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что после возникновения органической солидарности солидарность на основе конструктивных сходств не исчезает, а продолжает существовать. И только в их единстве, при соблюдении необходимой меры, социум может быть стабильным. А со 2-й половины 20-го века возникает устойчивая тенденция усиления солидарности на основе конструктивных сходств.

И третье положение Дюркгейма, которое, на наш взгляд, не подтвердил исторический опыт, заключается в том, что солидарность по разделению труда (по нашему – по конструктивным различиям) является более крепкой, чем солидарность по сходствам (по нашему – по конструктивным сходствам). Дюркгейм пишет: «Высшие общества могут удерживаться в состоянии равновесия, только если труд в них разделен; притяжения подобного подобным все менее достаточно для достижения этого результата»³²⁹. Мы бы тут отметили, что оба вида солидарности дополняют друг друга и всегда существуют процессы укрепления и ослабления и того, и другого вида солидарности. Исходя из принятых нами методологических принципов, следует, что параметры солидарности зависят от многих, в том числе случайных внешних факторов, а также от специфики и состояния взаимодействующих субъектов. Непонятно, почему возникающие конструктивные различия всегда, везде и при всех обстоятельствах должны прочнее интегрировать общество, чем конструктивные сходства. Этому нет ни исторических подтверждений, ни логических аргументов. Когда

329 Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Пер. с фр. и послесловие А.Б. Гофмана. М.: Наука, 1990. С. 368.

Дюркгейм приводит пример, что в некоторых примитивных обществах связь между их членами была не очень прочной, это лишь отражает состояние общей солидарности, существовавшей в тот момент в тех конкретных обществах и ничего более. Конструктивные ментальные сходства могли приводить и к подвигам, и к самопожертвованию, когда достигали нужных интенсивностей, а могли вызывать простое сочувствие, если интенсивность была слаба, или вообще оставлять равнодушными, если интенсивность этой пары ментальных сходств приближалась к нулю. То же самое верно применительно и к конструктивным различиям.

Промышленное и экономическое развитие обществ, по мнению Дюркгейма, приводит к постепенному стиранию групповых различий за счет роста индивидуальных различий внутри каждой из групп. Группы все менее различаются, а индивиды внутри групп отличаются друг от друга все сильнее³³⁰. Мы бы не стали присоединяться к этой точке зрения Дюркгейма. Нет только однозначного движения в сторону постоянного возрастания различий между индивидами по всему миру. Современная экономическая система, в которой огромную роль играют международные монополии, в некоторых случаях направлена на создания сходств по ценностям, стандартам и видам потребления, чего они и достигают посредством рекламы, пропаганды и другим видам навязывания. Уже и спорт стал неотделим от рекламы; спортсмены носят форму с логотипами тех или иных корпораций, пропагандируя соответствующую продукцию. Все большая часть мира пьет Кока-колу, питается в Макдоналдсе, с нетерпением ждет выхода одних и тех же фильмов. Какое уж тут постоянное возрастание индивидуальных различий?! Мы считаем, что есть только возрастание индивидуальных различий по одним фронтам, возрастание сходств по другим (программируемое мощными экономическими монополиями в том числе). И все это сильно колеблется от одного общества к другому, зависит от закрытости или открытости общества мировому сообществу, от силы своих собственных традиций и многого другого (в том числе от интенсивности и продолжительности навязывания и рекламы). И в данном случае мы имеем только флуктуации сходств-различий в пространстве и во времени, а не постоянные фундаментальные тенденции, как считает Дюркгейм. В идеальном случае, хотелось бы, чтобы конструктивные сходства между индивидами во всем мире росли не по фронту стандартов и образцов высокого потребления, а по фронту принятия общечеловеческих ценностей, которые составляли бы мотивационное ядро нового типа менталитета – глобалистского менталитета.

Развитие демократии приводит к постоянному возрастанию не только конструктивных различий, как полагал Дюркгейм, но и некоторых конструктивных ментальных сходств. Например, в основе самой демократии лежит принцип

330 Там же. С. 132.

уважения к своеобразию другого человека. Эта норма является конструктивным сходством для людей, интериоризировавших способы демократического мышления. Хорошо об этом сказано у Ю. Хабермаса: «Тот, кто во имя универсализма исключает Другого, кто *остаётся* чуждым для Других, предаёт саму идею универсализма. Только предоставив радикальную свободу развитию индивидуальных жизненных судеб и частных жизненных форм, можно отстоять универсализм равного уважения к каждому и солидарности со всеми, кто имеет человеческое лицо»³³¹. Правда, Дюркгейм тоже отмечает данное демократическое конструктивное сходство, но считает, что оно чуть ли не единственное, что остаётся общим (по его терминологии, составляет общее, коллективное сознание) для всех индивидов. На самом деле это далеко не единственное сходство, которое призвано в современном социуме обеспечивать всеобщую солидарность на основе конструктивных сходств. С середины 20-го века человечество получило самый мощный вызов истории в виде глобальных проблем. Этот вызов порождает устойчивую, важнейшую для человечества, тенденцию формирования общецивилизационной солидарности на основе конструктивных сходств. Прогрессивные общественные силы всего мира проводят постоянную разработку представлений о так называемых общечеловеческих ценностях, развивается международное право, основанное на притии или неприятии мировым сообществом каких-либо социальных явлений, формируется новый тип менталитета – *глобалистский* менталитет, который послужит необходимым условием предотвращения межцивилизационных столкновений.

В заключение анализа идей Дюркгейма можно отметить, что он разработал оригинальную концепцию, основанную на понятиях механической и органической солидарности. Однако ограниченность исторического опыта 1-й половины 20-го в. обусловила неполноту и неточность его концепции. Новый исторический опыт позволяет, во-первых, учесть влияние на солидарность конструктивных ментальных сходств и конструктивных различий, деструктивных сходств и деструктивных различий субъектов, во-вторых, обнаружить начавшуюся во 2-й половине 20-го века важнейшую, судьбоносную для человечества, тенденцию укрепления общепланетарной солидарности на основе конструктивных сходств цивилизаций и ведущую к возникновению глобалистского менталитета.

Далее предложим методы, с помощью которых можно было бы оценить степень ментального конструктивного сходства и конструктивного различия, лежащих в основе общественной солидарности между индивидуальными субъектами. Первый из них назовём социологическим, или методом измерения социальной дистанции между субъектами. Будем исходить из положений

331 Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. (Лекции и интервью. Москва, апрель 1989г.). М.: Наука, 1992. С. 25.

П.Сорокина о том, что индивиды, являющиеся членами одних и тех же социальных групп и выполняющие одинаковую функцию в пределах каждой из них, занимают одинаковое социальное положение. Те же, которые отличаются в этих отношениях друг от друга, обладают разными социальными статусами. Чем больше сходства в положении различных людей, тем ближе они друг к другу в социальном пространстве. И наоборот, чем многочисленнее различия между ними в этом отношении, тем больше социальное расстояние между ними³³².

Метод предполагает интегрированную оценку социального сходства. Индивиды могут различаться по группам, в которые они входят, а внутри каждой из них – по занимаемому положению (например, в пределах одной партии один может быть лидером, а другой рядовым членом). Чем в интегральной оценке больше сходства по обоим направлениям дифференциации (по количеству общих групп и по положению внутри их), тем меньше дистанция между субъектами. Если группы, в которые входят субъекты, довольно устойчивы и существуют уже продолжительное время, то очевидно, что солидарность внутри этих групп достаточно высока и велика вероятность того, что эту солидарность унаследовали и сравниваемые представители этих групп. В первом приближении можно сказать, что чем меньше социальная дистанция, тем более высока вероятность того, что солидарность между рассматриваемыми субъектами высока. Сорокин делает именно такой вывод: «Сходство социальных позиций индивидов имеет своим результатом «сходство типа мышления», потому что оно означает подобие привычек, интересов, обычаев, традиций, запечатленных в индивидуумах аналогичными социальными группами, к которым они принадлежат. Будучи «сходными по образу мысли», они, скорее всего, будут более солидарными, чем люди, которые принадлежат к разным социальным группам»³³³.

Судя по контексту, Сорокин имеет в виду то, что мы называем солидарностью по конструктивным сходствам. Вполне естественно ожидать у таких индивидов большое количество конструктивных ментальных сходств. А можно ли что-то сказать о других видах пар ментальных сходств-различий? В случае близкого социального статуса субъектов мы вряд ли можем делать выводы об их конструктивных и деструктивных различиях, а также о деструктивных сходствах, так как индивиды входят в одинаковые группы и занимают в них одинаковые позиции, а дополнительной информации мы не имеем. В случае, если социальная дистанция между субъектами велика, то можно с высокой долей уверенности предполагать, что конструктивных сходств между ними мало.

332 Сорокин П.А. Социальная мобильность / Пер. с англ. М.В. Соколовой. Под общей ред. В.В. Сапова. М.: Academia; LVS, 2005. С. 5.

333 Там же. С. 506.

В том же случае, когда мы знаем, что индивиды входят не просто в различные, а в антагонистические группы, то мы можем закономерно прогнозировать высокую долю деструктивных различий. Например, один человек входит в группировку скинхедов, а другой состоит в партии, исповедующей интернациональные убеждения.

Следовательно, социологический метод дает нам информацию в основном о конструктивных сходствах. В случае малой социальной дистанции он говорит нам с высокой достоверностью только о большом конструктивном сходстве, а в случае большой дистанции – о малом конструктивном сходстве. При фиксации во втором случае вхождения индивидов в антагонистические группы, он нам говорит еще о высокой доле деструктивных различий. Социологический метод является вероятностным и даёт лишь довольно высоковероятные гипотезы относительно того, что люди, между которыми небольшое социальное расстояние, обладают большим количеством конструктивных ментальных сходств. Для выяснения положения дел с другими парами ментальных сходств и различий нужен второй метод.

Разновидностью социологического метода может служить социально-исторический метод. Допустим, мы проводим расчет социальной дистанции между двумя людьми. Она оказывается очень малой. Каждый из них, скажем, оказывается ректором университета, оба состоят в одной политической партии и принадлежат к одной религиозной конфессии. Социологический метод даёт нам высокую вероятность того, что между этими людьми существует солидарность по конструктивным сходствам. Но насколько полным будет их ментальное конструктивное сходство? Предположим, первый из них до того, как стать ректором проработал директором завода пять лет, а второй перед тем, как возглавить ВУЗ, проработал десять лет преподавателем. Их прошлые социальные связи и продолжительность существования этих связей также наложит отпечаток на их ментальные особенности. Таким образом, если мы социологический метод фиксации актуальных социальных связей дополним учетом прошлых социальных связей и их продолжительностей, то хотя мы и усложним социологический метод, но зато повышаем его адекватность оценки конструктивных сходств.

Второй метод оценки ментальных сходств и различий назовем психологическим. Он должен разрабатываться специалистами-психологами и состоять в проведении различных тестов, собеседований, опросов и прочих психологических практик. Метод должен давать информацию обо всех четырех типах пар ментальных сходств-различий индивидов. Принципиальных ограничений у этого метода нет, существуют только конкретно-ситуативные ограничения, связанные с профессионализмом конкретных психологов и совершенством используемых ими психологических практик. Психологический метод должен

давать эмпирические данные обо всех актуально существующих четырех ментальных факторах солидарности, их интенсивностях и динамике изменений этих интенсивностей во времени. Данный метод обладает гораздо большей точностью по сравнению с социологическим методом, однако, он несравненно сложнее и требует высокого профессионализма. Социологический метод, который представляет собой фиксацию разнообразных социальных связей, можно проводить, когда субъекты непосредственному психологическому изучению недоступны. Но за эти свои плюсы социологический метод расплачивается своим вероятностным характером.

Исторический подход может присутствовать и в психологическом методе. Тогда последний преобразуется в психолого-исторический метод. Он ориентирует на изучение и сравнение судеб исследуемых людей: каково их происхождение, образование, какие потрясения им пришлось пережить, в каком месте и в какое время они жили. Такое направление, как психоанализ, всегда помнит об историческом подходе и в их методологии поиск детских психических травм, событий, сильно повлиявших на формирование психических особенностей, фактов биографии изучаемых людей всегда занимает одно из центральных мест. Исторический подход в рамках психологического метода подсказывает также, что можно изучать ментальные сходства и различия двух субъектов на основе сравнения их поведения и экзистенциального выбора в аналогичных ситуациях. Если они совершали одинаковый выбор или их поступки были схожими – значит, есть конструктивные ментальные сходства, лежащие в основе таких выборов. Если они выбирали резко противоположные вещи – значит, больше деструктивных различий. На основе анализа того, с кем сравниваемые люди сходились, с кем предпочитали сотрудничать, а с кем находились в конфронтации, также можно делать предположения о конструктивных различиях и деструктивных сходствах. Исторический подход приобретает особую самостоятельность, когда сравниваются субъекты, которых уже не существует, и всё, что мы можем о них судить, заключается в анализе и сравнении их судеб. Исторический метод может говорить обо всех четырех типах пар ментальных сходств-различий. Данный метод ограничен нашими историческими справками о сравниваемых субъектах. Чем больше нам известно самых разнообразных фактов из жизни изучаемых людей, тем больше материала для исторического метода.

Если познавательный процесс направлен на самих субъектов, то это будет прямой психологический и прямой социологический методы. В случае же исследования различных производных от субъектов факторов мы имеем дело с косвенными методами. Это такие факторы, как хобби изучаемых субъектов, их любимые способы времяпрепровождения, результаты их творчества, если они занимались искусством и наукой, изучение почерка, тембра и интонации

голоса, любимых жанров литературы и музыки, особенности мимики, жестуляции, предпочтения в стиле одежды, чувство юмора и многие другие проявления, которые часто остаются вне внимания исследователей, но, тем не менее, могут сказать что-то о ментальных конструктивных сходствах и деструктивных различиях. Данный метод использует в основном психологические знания, но на его основе мы можем делать и некоторые предположения относительно социальных связей субъектов, если у нас нет прямой информации о принадлежности субъектов к тем или иным группам. Например, если мы знаем, что некий субъект имел такое-то хобби, и знаем, что в данном обществе такое хобби было характерно в основном для представителей одной группы, то можем предположить, что наш субъект как раз относился к этой группе и обладал присущими ей ментальными особенностями. Или, не имея информации о самом индивиде, но обладая знаниями о социальных связях его друзей, мы делаем предположения о том, что он входил в те же группы со своими ментальными особенностями.

4.2. Необходимость в обществе меры ментального различия и сходства интеллектуальной элиты, политической элиты и народных масс

Менталитет социума, как уже отмечалось в предыдущем параграфе, неоднороден. Для понимания некоторых существенных моментов развития общества особенно важно выявить характеристики менталитета интеллектуальной, или духовной, элиты, менталитета народных масс и менталитета правящей (политической, властной) элиты, а также раскрыть взаимодействие этих форм ментальности. Элита – это социальная группа, сосредоточившая в своих руках всеобщие, наиболее ценные для общества функции. Главными конструктивными сходствами между всеми тремя группами должны быть единые цели, переживания, желания, связанные с укреплением страны, её благосостоянием и процветанием.

Духовная элита, включающая в себя нравственную (в том числе и религиозную), художественную, философскую, научную и информационную элиту, представляет собой особый тип социальной элиты. Духовная элита – слой общества, который продуцирует наиболее важные новации в сфере науки, экономики, техники, искусства, морали, права, политики, спорта, коммуникации.

Благодаря своему менталитету, главной особенностью которого является доминирующий в нём инновационный, или креативный, компонент, интеллектуальная элита творчески и квалифицированно разрабатывает представления о высших ценностях социума, обобщает опыт истории человечества, производит взаимопроникновение и синтез наиболее главных достижений мировой и национальной культуры и вводит новые смыслы, способные интегрировать

общество на основе новых конструктивных сходств. Она осмысливает и разрабатывает те идеи, которые лишь зародились в сознании народных масс. Предназначение интеллектуальной элиты – возвысить сознание народных масс от частных узких задач до уровня насущных проблем большого социума, всего человечества. Духовная элита прорабатывает ценности массового сознания, народной жизни через пласт высшей культуры и одновременно развивает высшую культуру на основе массовой. Внедряя затем с помощью интеллигенции достижения высшей культуры в сознание масс, интеллектуальная элита обогащает массовый менталитет, который тем самым становится способным стремиться к поддержанию установления более прогрессивных социальных отношений. По мере того, как массы воспринимают новые смыслы, укрепляется в обществе и солидарность по конструктивным сходствам. В этом и проявляется позитивный результат взаимодействия менталитета духовной элиты и менталитета масс. Массы тянутся к духовной элите также на основе конструктивных различий. Мы выше отмечали, что дополняющие различия часто возникают там, где один субъект, ощущая свое несовершенство, тянется к тому, кто обладает желательными для него качествами. Когда массы видят со стороны духовной элиты красоту слова, силу мысли и благородство духа, то они испытывают симпатию к представителям духовной элиты, восхищаются и гордятся ими.

Важнейшая функция духовной элиты, по мнению А.С. Ахиезера, заключается в адекватной интерпретации массовых инверсий – таких ходов мысли и их результатов, которые связаны с абсолютным противопоставлением полярностей в различных сферах бытия, признанием противоположностей абсолютно несовместимыми³³⁴. Для духовной элиты преимущественно характерен диалектический стиль мышления, называемый А.С. Ахиезером, медиацией. Медиация как способ мышления не допускает абсолютизации противоположностей, для неё характерно внимание к их взаимопроникновению и взаимопревращению, стремление синтезировать полярные утверждения. Медиация – рефлексивный, творческий процесс, который порождает культурные новации – новые и более богатые по сравнению с прежними смыслы срединной культуры, служащие потенциальными конструктивными сходствами.

Инверсия как доминирующий стиль мышления масс является логической формой самого простого способа принятия решения, заключающегося в простом выборе между двумя вариантами. При столкновении двух альтернативных идей (например, любовь – ненависть, порядок – хаос, оптимизм – пессимизм, свобода – ограниченность, демократия – авторитаризм и т.п.) в случае инверсии люди ищут выхода путём принятия одной этих альтернатив. В результате

334 Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). Т. II. Теория и методология. Словарь. 2-е изд. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. Т. II. С. 162.

инверсий происходит постоянное накопление и обострение деструктивных различий, и если этот процесс не будет контролироваться, то будет расти социальная напряжённость. При медиации происходит поиск сочетания этих идей и их синтеза. Инверсивное мышление оперирует лишь готовыми решениями и находится под влиянием эмоций. Медиативное же мышление связано с творческими усилиями по созданию новых идей. В этих идеях деструктивные ментальные различия преобразуются в конструктивные различия и сходства, что даёт стимулы к прогрессу.

Инверсия – это способность использовать уже накопленные варианты, применяя их к новым ситуациям. В процессе исторического развития инверсия перерастает в медиацию, служащую доминирующим стилем мышления духовной элиты. Медиация осуществляет синтез противоположностей и благодаря этому формирует новые смыслы, не сводимые к крайним полюсам. «Сердцевина медиации в том, что процесс осмысления не заканчивается отождествлением осмысляемого явления с одним из ранее сложившихся полюсов дуальной оппозиции, но ищет некоторый промежуточный вариант, некоторое, возможно сложное, соотношение внутри взаимопроникновения полюсов, отвечающее новым, более сложным условиям»³³⁵. Медиация в отличие от инверсии является процессом формирования ранее неизвестных, не существовавших в данной культуре альтернатив, расширения их спектра. Результатом медиации является то, что Н.А. Бердяев называл средней культурой (срединной культурой), т.е. получением нового результата, новых элементов культуры, не сводимых к старым, к её крайним полюсам³³⁶. Создание срединной культуры осуществляется главным образом духовной элитой. Благодаря восприятию массами новых альтернатив, деструктивная напряженность в обществе частично разряжается и интенсивность деструктивных различий снижается. При особо удачном синтезе, деструктивные различия могут даже перейти в конструктивные различия или конструктивные сходства и стать фактором укрепления солидарности.

В аспекте социальной динамики инверсия, как преобладающий компонент массового менталитета, нацеливает исторические сообщества на воспроизводство ранее сформировавшихся идеалов, к господству прошлого над настоящим и будущим. Для медиации же, как доминирующему компоненту менталитета духовной элиты, характерно стремление к получению нового результата, к отказу от идеала неизменности. В тех культурах, где преобладает медиация, идеалы будущего господствуют над прошлым.

335 Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). От прошлого к будущему. 2-е изд. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997.

Т. 1. С. 67.

336 Бердяев Н.А. Судьба России: Опыт по психологии войны и национальности. М.: Мысль, 1990. С. 31.

Функции духовной элиты – создание новых культурных смыслов и внедрение их в народ – порождают для неё, по словам А.С. Ахиезера, две смертельные опасности. Первая из них – резкое возрастание деструктивных различий, взаимного презрения, именуемых обычно расколом с народными массами. Этот раскол со стороны массового сознания может оцениваться как отделение от него, как преобразование культурной элиты в представителя мирового зла. В итоге даже само наличие духовной элиты выступает фактором возрастания дискомфорта состояния. И это чревато ей уничтожением. «Гибель духовной элиты, изоляция её от общества может быть аналогична потере человеком разума в сложной ситуации... *Раскол не происходит в тех странах, где существует диалог духовной элиты с массовым сознанием*, где результаты творчества каждой из частей общества постоянно осваиваются другими частями и масштабы приемлемых новшеств, шага новизны постоянно расширяются»³³⁷.

Вторая большая опасность для культурной элиты – партиципация, соединение её с народом, отказ её от своих особых ценностей и принятие ценностей массового менталитета. Партиципация – это результат перехода конструктивных различий в деструктивные сходства. При этом варианте менталитет духовной элиты снижается до уровня менталитета масс и, таким образом, утрачивает свою специфику. Духовная элита преобразуется в псевдоэлиту и даже может провозглашаться ненужной. Действительно, если массы чувствуют, что им не могут преподнести ничего нового, красивого, высокого, такого, что они сами неспособны бы были продуцировать, то у них создается впечатление о полной бесполезности духовной элиты как специфической группы.

Негативным последствием этого является исчезновение или ослабление конструктивной напряжённости, которая имеет место в дуальных оппозициях «духовная элита – правящая элита», «духовная элита – народ», «правящая элита – народ». Во всех случаях это означает исчезновение, крайнее ослабление социокультурного механизма, обеспечивающего напряжённое стремление духовной элиты, правящей элиты и народа к высшим ценностям национальной и мировой культуры во всех её формах³³⁸.

Место этого стремления и этих ценностей заполняют не выходящее за пределы установленного правящей элитой шага новизны серое творчество, простая грамотность, ценности расхожих банальностей, всевозможные упрощённости, вступающие в противоречие с усложняющейся реальностью, что до катастрофических размеров усиливает социокультурные противоречия³³⁹.

337 Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). От прошлого к будущему. 2-е изд. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. Т. 1. С. 191–192.

338 Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). Т. II. Теория и методология. Словарь. 2-е изд. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. С. 163.

339 См.: Там же.

В результате замены духовной элиты псевдоэлитой в обществе исчезает основной источник позитивных культурных новаций и стимул социального прогресса. Вместо деятелей духовной элиты выдвигаются лидеры серого творчества – представители псевдоэлиты типа Т.Д. Лысенко, А.Б. Гайдара, Б.Е. Немцова, А.Б. Чубайса.

Кроме догматизма, инверсионной логики (того, что в отечественной философии XX века обычно называли метафизическим способом мышления), интолерантности, одной из характерных ментальных особенностей представителей псевдоэлиты является повышенная агрессивность, направленная против настоящей духовной элиты. Возрождение культурной элиты и восстановление ею продуктивного диалога с народными массами и политической элитой – трудный и сложный процесс.

Изменения в современном обществе становятся всё более быстрыми. Выживание различных социальных институтов, структур, организаций, предприятий требует постоянных инноваций. Современное общество называют цивилизацией инноваций. Раньше инновации имели единичный характер. Теперь же инновации являются системными, они представляют собой постоянную реакцию на изменяющиеся обстоятельства. Главные инновации в обществе производятся духовной элитой. Поэтому можно говорить о наличии особой закономерности современного общества – *закономерности возрастания роли менталитета духовной элиты в развитии общества*. Для воспроизводства социальной реальности необходимо, чтобы инновационные компоненты духовной элиты со временем были приняты массовым менталитетом, поскольку, как уже отмечалось, воспроизводство социума определяется деятельностью масс. Поэтому можно отметить ещё одну закономерность в современном обществе – *закономерность усиления инновационного компонента любого менталитета и соответственно ослабления его традиционного компонента*. Поскольку усиление инновационного компонента массового менталитета, формирование профессионального менталитета специалистов и менталитета интеллектуальной элиты зависит от системы образования, то при переходе от индустриальной цивилизации к информационной имеет место *закономерность возрастания роли системы образования в обществе*.

Менталитет духовной элиты отличается от менталитета не только масс, но и от менталитета правящей элиты. При сравнении этих двух типов элит следует отметить, что интеллектуальная элита осуществляет решение наиболее перспективных фундаментальных проблем жизни, обнаружение и описание наиболее важных ценностей. Эта элита прогнозирует направления дальнейшего развития нравственных, эстетических, политических, правовых идеалов идеалов социума, разрабатывает новые конструктивные смыслы. Правящая элита помогает внедрению этих новых смыслов, обеспечивая информационно-коммуникативными ресурсами духовную элиту.

Если в менталитете интеллектуальной элиты преобладает инновационный, или креативный, компонент, то в менталитете правящей элиты особенно выражен праксеологический компонент. Правящая элита – это особая группа лиц, сосредоточившая в своих руках высшую власть, высшие функции управления, направленные на интеграцию общества. Правящая, или политическая, элита осуществляет превращение полученных интеллектуальной элитой результатов интерпретации культурных смыслов в текущую повседневную управленческую практику. Данная элита занимается решением повседневных проблем, которые нацелены на стабилизацию социума и предотвращение дезорганизации. Но основная деятельность правящей элиты ориентирована на создание конструктивных различий в обществе, она разводит конфликтующие группы посредством принятия нового прогрессивного законодательства, регулирующего деятельность групп и учитывающего в какой-то мере интересы всех их посредством разделения функций между ними.

Политическая элита, находясь меж двух социальных полюсов, должна осуществлять связь и с народом, и с интеллектуальной элитой. Так же, как и для культурной элиты во взаимоотношениях с народом для неё характерны две большие опасности. Первая из них – отпадение от народа в результате роста деструктивных различий, чрезмерного расхождения менталитета правящей элиты с массовым менталитетом, особенно в мотивационной части менталитета, то есть в понимании ценностей и целей бытия. Наиболее крайним вариантом отделения может быть оценка правящей элиты сознанием масс как олицетворение всего мирового зла. А это в последующем может вызвать социальный взрыв.

Другая опасность – партиципация на основе возрастания деструктивных сходств с массами. Она проявляется в стремлении политической элиты соединиться с народными массами, проникнуться почвенными, догосударственными иллюзиями, верой в способность народа после ликвидации бюрократии навести полный порядок, достичь изобилия, перегнуть все страны и т.п. За полное заполнение менталитета правящей элиты ценностями и установками массового сознания правящая элита расплачивается ослаблением связи с духовной элитой³⁴⁰. Это происходит на фоне ослабления конструктивных различий между ними. При определённых условиях может происходить полный разрыв между правящей и духовной элитой и неизбежным при этом снижением компетентности решений и эффективности управления социумом.

В этом случае политическая элита утрачивает разум, веру, красоту, а интеллектуальная элита – силы, преобразующей социум. Различие в менталитетах элит непрерывно вызывает конфликт между ними. Но этот конфликт впослед-

340 См.: Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). Т. II. Теория и методология. Словарь. 2-е изд. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998.

твии заменяется интенцией правящей элиты применить креативную энергию культурной элиты для разрешения собственных задач по интеграции социума³⁴¹.

При глубоком противоречии между политической и интеллектуальной элитой может происходить подавление последней. В истории это обнаруживалось как изгнание за рубеж опасных для режима представителей культуры, отсылка их в монастырь, помещение в тюрьму либо психиатрическую клинику, лишение возможности публиковать свои работы. В самых крайних вариантах осуществлялось и физическое уничтожение неугодных лиц. В случае тоталитарных режимов взаимоотношения между политической элитой, интеллектуальной элитой и народными массами становятся извращёнными. При этом интеллектуальная элита подавляется и может уничтожаться. На её месте возникает культурная псевдоэлита. Она совместно с интеллигенцией осуществляет серое творчество. А право производить новации дано верхушке правящей элиты, а в крайних вариантах тоталитаризма одному человеку – верховному правителю, «вождю народа». Вспомним: «...С песнями, борясь и побеждая, наш народ за Сталиным идёт». Когда правящая элита или диктатор принимают несвойственную им инновационную функцию, которая заключается в творчестве новых смыслов культуры, то они не могут её эффективно выполнять в силу недостаточно высокого уровня образования, эрудии и общего интеллекта. В этом случае культура страны испытывает негативное влияние со стороны правящей элиты и не может свободно развиваться. Можно вспомнить, как поучал поэтов и других деятелей духовной культуры Н.С. Хрущёв.

Большие различия между политической и интеллектуальной элитой могут наблюдаться не только в древних традиционных или в недавних тоталитарных, но и в современных либеральных обществах. Например, Денис Медоуз, один из бесспорных лидеров современной научной элиты, впервые поставивший в 1972 году перед человечеством вопрос о пределах роста, на вопрос о том, пытался ли он довести свои соображения о необходимости объединения усилий разных стран для решения глобальных проблем современности до слуха президента США, ответил: «Говорить что-либо Бушу – бессмысленно. Он верит в то, что все наши попытки что-то предотвратить – это суета. Когда наступит конец света, Господь спустится на облаке и заберёт праведников в рай, а остальные сгорят, так что особенно беспокоиться не стоит»³⁴².

Интересно упомянуть, что Буш и некоторые другие высшие чиновники США исповедуют популярную там сейчас разновидность протестантской веры, именуемой «диспенсационизмом» (от латинского «божий промысел»).

341 См.: Там же.

342 Режабек Б.Г. Встреча с корифеем // Вестник РФО. 2005. № 1. С. 145.

Согласно этому учению, взятие спасённых христиан живыми на небо произойдёт до Армагеддона, и они смогут с удовольствием наблюдать, как оставшиеся на земле грешники будут гореть в очистительном пламени. К грешникам, с их точки зрения, относятся и православные, не говоря уж о мусульманах³⁴³.

Вот такие, трудно вообразимые, расхождения между взглядами представителей научной элиты и архаичными, ничем не подкреплёнными взглядами представителей правящей элиты, кроме их желания спастись и ещё обойти при этом других людей, могут наблюдаться и в наше время. Понятно, что подобные расхождения в менталитетах научной и правящей элит служат громадным препятствием на пути решения глобальных проблем современности.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что благополучное состояние общества и его устойчивое развитие возможны при условии сохранения специфики и сбалансированного, гармоничного взаимодействия через различные формы диалога менталитетов духовной элиты, правящей элиты и народных масс. Существование духовного разнообразия и ментальных различий в обществе – один из источников конструктивной напряжённости и социального прогресса. На важное значение культурного разнообразия для развития общества справедливо указывают Н.Г. Багдасарьян и Г.В. Иванченко. Эти авторы справедливо отмечают, что способностью к развитию и обогащению своего содержания «обладают только те культурные системы, которые отличаются внутренним разнообразием. Отсюда понятно, как опасны для культуры и социальной жизни в целом... «ревнители чистоты», о какой бы чистоте ни шла речь – классовой, национальной или конфессиональной»³⁴⁴.

Источником конструктивной напряжённости в обществе служат не только конструктивные различия в менталитетах масс, духовной и политической элит, но и конструктивные различия в менталитетах других социальных групп – профессиональных, территориальных, возрастных, административных, этнических. Существование ментального разнообразия и конструктивных ментальных различий создаёт возможность для экзистенциального диалога и порождения в его процессе культурных новаций. Как показано В.М. Власовой, «системы тем устойчивее, чем выше их разнообразие, так как в разнообразии элементов потенциально содержатся формы приспособления к различным вариантам будущего. Разнообразие системы делает её устойчивой к многовариантному будущему»³⁴⁵. Социум характеризуется различными видами разнообразия. Особое место среди них занимает ментальное разнообразие, поскольку именно оно через различные формы диалога стимулирует возникновение

343 Там же. С. 145.

344 Багдасарьян Н.Г., Иванченко Г.В. Социокультурная динамика // Культурология / Под ред. Н. Г.Багдасарьян. 5-е изд. М.: Высшая школа, 2004. С. 97–98.

345 Власова В.М. Социально-философский анализ сущности человека в историческом контексте. М.: Изд-во МГСУ, 2003. С. 116.

культурных новаций. Поэтому в обществе необходимо создавать условия для существования этого разнообразия. Применительно к ситуации взаимодействия Западной и Восточной Европы Г.Г. Майоров отмечает, что «попытки унификации Европы, если бы они удались, привели бы к катастрофе, так как была бы устранена основная пружина, приводившая до сих пор в движение всю европейскую культуру. Эта пружина – соревнование и взаимодействие двух самобытных менталитетов, дополняющих и обогащавших друг друга на протяжении всей предшествующей истории, начиная с античных времён»³⁴⁶. Далее Г.Г. Майоров справедливо отмечает, что в планетарном масштабе полная унификация приведёт к тому, что «по законам энтропии человечество неизбежно остановится в своём духовном и культурном развитии»³⁴⁷. Н. Михалков, говоря о необходимости сотрудничества России и Германии, отметил: «В российском менталитете есть такие черты, которых недостаёт немцам, а в немецком менталитете заложены чёткость и прагматика. В связке они дадут сильный эффект»³⁴⁸. Необходимым условием сохранения культурного разнообразия на планете является воспитание у людей толерантного отношения к другим менталитетам.

Необходимым условием благоприятного состояния общественного сознания является культивирование (в системах образования, воспитания разных типов и уровней, начиная от семьи и кончая высшими формами профессиональной подготовки) уважительного отношения к своеобразию духовного склада стороннего человека, преодоление стихийно возникающей иллюзии, что все должны видеть и понимать мир именно как я.

Признавая необходимость наличия ментальных различий в обществе, надо вместе с тем иметь в виду, что ментальные различия между социальными группами должны быть конструктивными и не чрезмерно деструктивными. Последние могут порождать антагонистические отношения, вражду и насилие. В частности, они могут порождать разрыв между духовной и правящей элитой, между духовной элитой и народом, между правящей элитой и народом. Поэтому для обеспечения единства социума и его успешного развития менталитеты этих социальных групп должны иметь определённую общность. В целом необходима мера ментального различия и сходства интеллектуальной элиты, политической элиты и народных масс, обеспечивающая, с одной стороны, поддержание конструктивной напряжённости и порождение культурных новаций в процессе диалога, а с другой стороны, эта мера не должна приводить к конфронтации и насилию. Нарушение этой меры, её отклонение в ту или иную

346 Майоров Г.Г. Диалог Востока и Запада в контексте евразийской концепции // Вестник РФО. 2008. № 4. С. 138.

347 Там же. С. 138.

348 Михалков Н. Китай бросил вызов и России и Германии // Комсомольская правда. 2010. № 102–103 (16 июля). С. 2.

сторону, способно вызывать негативные последствия в обществе: либо его стагнацию, либо конфронтацию, которая в крайних случаях может переходить в самоуничтожение в ходе гражданской войны. Необходимость меры в отношении трёх элит и народа служит частным случаем закона меры ментального различия и сходства социальных групп как условия общественной солидарности и прогресса.

В настоящее время в отечественной, и особенно в зарубежной, литературе интенсивно обсуждается проблема мультикультурализма. Раньше, до 70-х годов 20 в., в эмигрантских странах (Канаде, Австралии, США) при обсуждении вопросов о взаимодействии различных этносов имела место идеология «плавильного котла» и политика ассимиляции, направленная на стирание культурных различий во имя общих ценностей. В последние 2 десятилетия прошлого века и в начале 21-го века эта идеология была подвергнута справедливой критике. Так, французский учёный М. Вевёрка полагает, что в условиях 21 века ассимиляцию следует рассматривать в качестве разновидности нового расизма. По его мнению, «сообщить группе, что её идентичность должна исчезнуть и раствориться, равносильна её дискредитированию, отрицанию и презрению, рассмотрению её как опасности»³⁴⁹.

Под влиянием критики на смену концепции ассимиляции в начале 21-го в. пришла концепция мультикультурализма – «признания и поддержания культурной отличительности и многообразия в рамках единого национального государства»³⁵⁰. Вначале сформировалась модель «мозаичного», «фрагментарного», радикального мультикультурализма, рассматривающего общество как совокупность автономных и конкурирующих друг с другом культурных сообществ. Американский теоретик мультикультурализма С. Бенхабиб отмечает: «Под радикальным или мозаичным мультикультурализмом я понимаю точку зрения, согласно которой группы людей и культуры представляют собой чётко разделённые и идентифицируемые общности, которые сосуществуют друг с другом подобно компонентам мозаики, сохраняя жёсткие границы»³⁵¹. Данная модель мультикультурализма была подвергнута критике, в которой, в частности, отмечалось, что он создаёт угрозу единству страны и нарушает либеральный принцип приоритета прав индивида в пользу коллективных прав (замыкая индивида в группе и не давая ему культурного выбора). Практическая неприемлемость модели фрагментарного мультикультурализма особенно наглядно проявилась в массовых волнениях и беспорядках, произведённых иммигрантами в Великобритании в 2011г., а ещё раньше во Франции. Этни-

349 Вевёрка М. Формирование различий // Социологические исследования. 2005. № 8. С. 20–21.

350 Низамова Л.Р. Российские и западные трактовки мультикультурализма // Социологические исследования. 2009. № 10. С. 81.

351 Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. М.: Логос, 2003. С. 9.

ческие «топосы самобытности в недрах современного толерантного общества зачастую оказываются центрами сосредоточения нетерпимости, агрессивности, ненависти»³⁵². В связи с этим начали говорить, что проект мультикультурализма провалился, как провалился перед этим проект ассимиляции. Казалось бы, возник тупик. Но это совсем не так.

С. Бенхабиб отмечает, что «отрицание мультикультурных соображений – это плохая социология», а «пренебрежение мультикультурализмом выдаёт недостаток социологического понимания тех перемен, с которыми сталкиваются наши общества»³⁵³. Она полагает, что на смену мозаичному мультикультурализму должен придти совещательно-дискурсивный демократический мультикультурализм. Учёный из Канады У.Кимлика тоже утверждает, что сегодня на повестке дня стоит вопрос не о применимости мультикультурализма, а об его конкретной форме, или модели³⁵⁴.

Поэтому можно вести речь о возникновении новой модели мультикультурализма – модели интегративного, демократического мультикультурализма. Суть этого нового варианта, как показывает М. Вевёрка, это – «признание... культурных прав для меньшинств при условии принятия общих ценностей и законов»³⁵⁵. В отношении России Л.Р. Низамова отмечает: «Выявлены преимущества стратегии культурного плюрализма по сравнению с иными вариантами политики в отношении мигрантов... Плюралистическая интеграция сводит к минимуму маргинализацию и геттоизацию иммигрантских сообществ, противодействует распространению ксенофобии, расизма и негативных анти-иммигрантских стереотипов»³⁵⁶. Интегративный мультикультурализм, по её мнению, может органично сочетать и примирять групповые и общегражданские интересы.

С позиций нашей концепции взаимодействия различных менталитетов в обществе, идеология ассимиляции не соответствует положению о мере необходимого для прогресса различия менталитетов цивилизаций, модель «мозаичного» мультикультурализма, напротив, игнорирует положение о мере нужного ментального сходства. Вариант интегративного мультикультурализма соответствует закону меры ментального различия и сходства социальных групп как условию прогресса. Этот вариант и должен быть положен в основу этнической политики России и других стран. Задача философских и социологических

352 Малахов В.А. Единство мира и многообразие культур (материалы «круглого стола» украинских и российских философов) // Вопросы философии. 2011. № 9. С. 29.

353 Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. М.: Логос, 2003. С. 135–136.

354 See: Kymlicka W. Politics in the Vernacular: Nationalism, Multiculturalism and Citizenship. Oxford: Univ. Press. 2001. 424 p.

355 Вевёрка М. Формирование различий // Социологические исследования. 2005. № 8. С. 21.

356 Низамова Л.Р. Российские и западные трактовки мультикультурализма // Социологические исследования. 2009. № 10. С. 84.

исследований заключается в установлении конкретных границ меры сходства и меры различия менталитетов различных этносов и других социальных общностей.

4.3. Формирование глобалистского менталитета как условие предотвращения межцивилизационных конфликтов

Противоречия имеют место как между менталитетами внутри каждой цивилизации, так и между менталитетами разных цивилизаций. Поэтому мера ментального различия и ментального сходства должна существовать как в отдельных обществах, так и в человеческой цивилизации в целом. В связи с этим сформулированный в предыдущем параграфе закон можно обобщить и именовать законом меры ментального различия и сходства социальных групп и цивилизаций как условия общественной солидарности и прогресса. Мир, с одной стороны, должен сохранять необходимое для прогресса конструктивное ментальное разнообразие, а с другой стороны – он должен иметь конструктивную ментальную общность. Оба аспекта важны, но в настоящее время второй аспект актуальнее первого, поскольку происходит нарастание вражды между цивилизациями, в частности вражды между европейской (западной) и мусульманской цивилизациями. Поэтому создание и поддержание конструктивной ментальной общности различных цивилизаций наряду с решением экономических и политических вопросов – одна из насущных проблем человечества, одна из глобальных проблем.

Деструктивные ментальные различия представляют опасность не только для России и других отдельных стран, но и для всей человеческой цивилизации в целом. По мнению С. Хантингтона, в 21-м столетии источником мировых конфликтов будут уже не экономические противоречия, а культурные, воплощающиеся в религиозных, нравственных, эстетических представлениях и понятиях³⁵⁷, то есть в целом – в различии менталитетов представителей разных цивилизаций. К основным типам современных цивилизаций, имеющих существенные ментальные различия, С. Хантингтон относит западную, конфуцианскую, японскую, исламскую, индуистскую, православно-славянскую, латиноамериканскую и африканскую цивилизации. Имеются ещё смешанные цивилизации, включающие в себя признаки отмеченных основных типов.

Теория столкновения цивилизаций С. Хантингтона интенсивно обсуждается во всём мире. Часть учёных отказывает ей в научном статусе, другая часть видит в ней основу для плодотворных исследований. Как справедливо отмечают В.А. Авксентьев, Б.В. Аксюмов, А.Ю. Хоц, проанализировавших мнения

357 Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. Модель грядущего конфликта // Полис. 1994. № 1. С. 33–48.

41-го эксперта по конфликтологии, «теория «столкновения цивилизаций» есть ...фиксирование уже существующих в реальности тенденций, которые, если им не противодействовать, в будущем могут составить основное содержание мирового глобального развития»³⁵⁸. Эти исследователи показывают, что это не конфликтообразующая концепция (как её пытались изобразить некоторые авторы), а нужная диагностика важнейших проблем современного мира, позволяющая своевременно увидеть опасность и создать противодейственные механизмы. Развитие общества имеет многовариантный характер: из точек бифуркации развитие может пойти по одному из множества путей и реализовать какой-либо из возможных сценариев. Сценарий «столкновения цивилизаций» необходимо заменить ситуацией «диалога цивилизаций», а в последующем – вариантом «сотрудничества цивилизаций» и формированием общецивилизационного менталитета.

Основной закономерностью развития человечества в настоящее время является глобализация – установление политических, экономических, культурных связей между странами и возрастание их зависимости друг от друга, в результате чего государства теряют долю своего суверенитета, а человечество преобразуется в единое сообщество – мегасоциум. Глобализация имеет положительные и отрицательные стороны. К позитивным аспектам глобализации относятся обогащение культур, заимствование передовых технологий, возможности экономического роста. К негативным сторонам глобализации следует отнести исчезновение культур малочисленных народов, несправедливость в распределении экономической выгоды между странами, унификацию образования.

Ещё один существенный негативный момент глобализации заключается в том, что усиление взаимодействия стран и народов при наличии существенных деструктивных отличий в их менталитетах чревато обострением конфликтов. Одним из проявлений такого обострения служит распространение терроризма. Поэтому глобализация настоятельно требует от человечества устранения чрезмерных деструктивных ментальных различий социумов.

В.И. Красиков, обсуждая проблему терроризма в современном мире, пишет, что одна из главных причин «трансформации естественных крайностей в экстремизм – это сильное нежелание понять другие ментальные состояния и культуры»³⁵⁹. В.М.Власова показывает, что «проблема взаимопонимания и доверия людей друг к другу...становится...жизненно важной необходимостью...И решение её невозможно отодвинуть на длительный срок. Сам человек трезво и обстоятельно обсчитал возможные сроки...называются периоды 30-

358 Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В., Хоц А.Ю. Конфликт цивилизаций: Pro et Contra (Мнение экспертов) // Социологические исследования. 2009. № 4. С. 81.

359 Красиков В.И. Терроризм как объект междисциплинарного анализа // Вестник РФО. 2006. № 4. С. 45.

80 лет, максимум – 100 лет, в течение которых человечество должно перейти в другую систему ценностей, технологий, связей, приоритетов. В противном случае мировая катастрофа в форме ядерной зимы, экологических катаклизмов... неизбежна»³⁶⁰.

Б.С. Гершунский справедливо, на наш взгляд, утверждает, что в настоящее время важно видеть процесс поляризации духовной энергии противостоящих друг другу социумов, придерживающихся различных идеологических доктрин, национальных приоритетов, религиозных догматов, политических устремлений. «Эта энергия, рано или поздно материализуясь в сугубо силовой конфронтации, грозит оказаться ничуть не менее разрушительной, чем неукротимая энергия атома. Как снизить эту духовную *разность потенциалов* без посягательств на абсолютный уровень потенциалов противостоящих сторон?»³⁶¹.

Этот автор убедительно обосновывает положение о том, что спасительные для будущей цивилизации идеи взаимодействия и духовной интеграции социумов могут быть реализованы лишь на основе изучения и постепенного сближения ментальностей соответствующих человеческих сообществ. Нахождение способов ментальных коррекций, по мнению Б.С.Гершунского, – самая насущная проблема нашей цивилизации, связанная с её выживаемостью. Для этого необходима разработка «междисциплинарных оснований новой науки – «менталитетоведения» (или «менталитетологии»)»³⁶². Вопрос о специальной науке о менталитете является, конечно, проблематичным, но в том, что исследование тематики менталитета весьма и весьма актуально, Б.С.Гершунский, несомненно, прав.

Менталитет, как отмечалось, устойчив лишь относительно, его можно в определённой мере изменять, им можно управлять. Представляется правильным положение о том, что «ментальность, объективно не соответствующая критериально аргументированному и исторически понимаемому общественному прогрессу, не только может, но и должна быть исправлена»³⁶³. Все компоненты культуры (философия, мораль, искусство, наука и другие) существенно влияют на ментальность, но наиболее непосредственно и относительно эффективно эту задачу, по мысли Б.С. Гершунского, может решать система образования. Менталеобразующая функция системы образования наиболее результативно может выполняться в условиях создания международного и в перспективе – мирового культурно-образовательного пространства, обеспечивающих духов-

360 Власова В.М. Социально-философский анализ сущности человека в историческом контексте. М.: Изд-во МГСУ, 2003. С. 313–314.

361 Гершунский Б.С. Менталитет и образование. М.: Институт практической психологии, 1996. С. 9.

362 Там же. С. 38.

363 Там же. С. 46.

ную интеграцию социумов. Преимущество системы образования в изменении массового менталитета состоит в том, что она располагает наиболее эффективными и этически приемлемыми способами воздействия на ментальность.

Таким образом, вырисовывается следующая программа научных и педагогических мероприятий: 1) изучение содержания ментальных различий социумов; 2) выявление природно-географических, социально-экономических, политических, культурных причин становления именно данных ментальных особенностей; 3) прогноз влияния менталитетов различных социумов на ход исторических событий; 4) коррекция менталитетов с целью достижения положительного результата по интеграции социумов на базе определённых конструктивных сходств – единых ценностей. Поскольку ядро менталитета составляют мотивационные особенности, то решающим фактором сближения менталитетов различных социумов служит принятие человечеством определённой единой системы ценностей.

При положительной оценке приведённой выше программы надо иметь в виду, что интеграция – это не просто ассимиляция и, тем более, поглощение сильным в каких-то отношениях сообществом слабого, а добровольное взаимовыгодное движение к такой целостности, которая воплощает в себе лучшие характеристики интегрируемых социумов. Процесс духовной интеграции социумов должен осуществляться при обязательном соблюдении норм морали и первенстве прав личности на собственный менталитет.

Наиболее трудной задачей в рамках этой программы служит, пожалуй, выделение тех ценностей и соответствующих им ментальных особенностей, которые адекватны требованиям социального прогресса. Как известно, все политические силы, партии, правительства, даже тоталитарные режимы, свои системы ценностей и свои идеологические установки выдают за общечеловеческие и самые оптимальные для прогресса. Аналогичным образом обстоит дело и с представителями религиозных и философских течений.

Но, несмотря на огромные трудности, эту задачу всё же нельзя считать неразрешимой. А.А. Берелехис и С.Г. Ильинская показывают, что в ценностной сфере имеет место существенный феномен: с появлением в обществе новых жизненноважных проблем старые ценности частично пересматриваются и корректируются в соответствии с необходимостью решения этих проблем³⁶⁴. Наличие общих проблем способно порождать конструктивные сходства между субъектами. Это позволяет предположить, что ценностные системы разных социумов должны сближаться по мере расширения поля общих проблем. Так, во время второй мировой войны возникло широкое поле взаимодействия и сближения противников фашизма на базе общих антифашистских ценностей

364 Берелехис А.А., Ильинская С.Г. О конфликте различных систем ценностей// Философские науки. 2007. № 3. С. 127.

(вспомним «братание» русских и американцев на Эльбе). К сожалению, в последующем периоде «холодной войны» это сближение культур и менталитетов сильно отличающихся друг от друга социумов прекратилось.

Люди обладают способностью объединяться перед лицом общей опасности. Эта способность имеет глубинную природно-генетическую основу. Подобная способность в определённой мере была присуща некоторым животным. Таким образом, для конструктивного ментального сближения социумов необходимы мощные объединяющие цели. Сегодня такие общие цели обозначились в виде необходимости решения глобальных проблем – угрозы экологической катастрофы, мировой войны, широкомасштабного терроризма, истощения традиционных природных ресурсов и источников энергии, распространения опасных заболеваний и других. Можно предположить следующую схему разрешения конфликта ценностных ориентаций и в целом менталитетов различных социумов: различающиеся системы ценностей в разных обществах – осознание обществами общих опасностей и порождаемых ими общих проблем – диалог социумов по вопросам ценностей – перестройка ценностных ориентаций в разных социумах посредством деятельности образовательных систем и других мер – ценностный консенсус. Глобальные проблемы, с одной стороны, порождают невиданные доселе человечеством опасности, а с другой стороны, служат фактором сближения менталитетов, что, в свою очередь, является одним из необходимых условий решения этих проблем.

Мы предполагаем, что в настоящее время можно вести речь о зарождении на планете нового, не существовавшего до этого, типа менталитета. До сих пор на планете наибольшее число носителей имели этнические (народные), национальные (общегосударственные) и региональные менталитеты. Теперь же наблюдается *возникновение принципиально нового типа группового менталитета*. Прежние групповые менталитеты включали в себя социально-психологические особенности, присущие всем членам данной группы и отличающие её от других групп. Эти менталитеты детерминировали в каждой группе *особые способы* восприятия мира, мышления, поведения, деятельности. Их функцией было обеспечение самовоспроизводства групп и защита их интересов. Ментальные установки групп могли противоречить друг другу, что и порождало конфликты. Менталитет нового типа может обеспечить *единые в необходимых рамках способы восприятия и поведения представителей разных социумов*. Этот менталитет способен включить в себя ментальные особенности, необходимые *всем социальным общностям* (этническим, национальным, региональным, конфессиональным, профессиональным) для благородной цели – организации поведения и деятельности, направленных на решение глобальных проблем и сохранение земной цивилизации. Он служит противоположностью этнических, национальных и региональных менталитетов и формируется на их

основе. Ему, на наш взгляд, принадлежит огромная роль в сохранении человеческой цивилизации.

Новый менталитет имеет интернациональный характер: его носителями выступают наиболее передовые люди разных этносов и разных стран, в него войдут наиболее оптимальные для прогресса элементы этнических, национальных и региональных менталитетов. Поскольку этот новый тип менталитета возникает в результате интеграции духовных основ различных социумов, то мы предложили назвать его *глобалистским, или общецивилизационным*. Этот новый тип менталитета работает не на отдельные нации, страны или регионы, а на всё человечество. Национальные и региональные менталитеты решают проблемы стран и регионов, а глобалистский менталитет призван решать проблемы всего человечества и обеспечить его выживаемость. Миссия общецивилизационного менталитета – создание духовной основы для решения глобальных проблем современности. Этот новый тип менталитета направлен на установление гармонизации в отношениях, во-первых, между народами, странами и регионами и, во-вторых, между обществом и природой. Когда этот менталитет охватит достаточную часть населения планеты, то это позволит решить проблему столкновения цивилизаций и другие глобальные проблемы. В содержание глобалистского менталитета войдёт совокупность интенсивных конструктивных сходств различных цивилизаций и стран. *Формирование глобалистского менталитета – это один из незаменимых компонентов духовной составляющей ответа человечества на современный вызов истории в лице глобальных проблем.*

Менталитет служит личностным воплощением культуры и источником культурных новаций. Каждому типу менталитета соответствует свой тип культуры. Общецивилизационному менталитету соответствует зарождающийся сейчас тип глобальной культуры. В.А. Лекторский справедливо отмечает: «Наряду с традиционными национальными культурами складывается глобальная культура. Но это культура особого типа... Новая глобальная культура – в каком-то смысле надстройка над культурами традиционными, но она не может не взаимодействовать с теми культурами, которые существуют»³⁶⁵. Общецивилизационный менталитет и служит личностным воплощением глобальной культуры.

Истоки идеи глобалистского менталитета и глобалистской культуры можно найти, по-видимому, у В.И. Вернадского, который писал: «Человек впервые реально понял, что он житель Планеты. Он может и должен мыслить не только в аспекте отдельной личности, семьи или рода, государства или их союзов, но и в планетарном аспекте»³⁶⁶. Ядром общецивилизационного менталитета

365 Лекторский В.А. Единство мира и многообразие культур (материалы «круглого стола» украинских и российских философов) // Вопросы философии. 2011. № 9. С. 6–7.

366 Вернадский В.И. Размышления натуралиста. Кн.2. М.: изд-во АН СССР, 1977. С. 24.

можно считать чувство глобальности, или всечеловеческой идентичности: представление *себя* неотъемлемой частицей общего человечества. Другими компонентами глобалистского менталитета становятся такие качества личности, как нетерпимость к насилию, любовь к справедливости в отношениях не только между индивидами, но и странами, бережное и разумное отношение к природе, приверженность нормам разумного, или умеренного, потребления материальных благ.

Именно благодаря глобалистскому менталитету наша планета может стать ноосферой в полном смысле этого слова. Сейчас пока в деятельности людей значительную часть занимает сфера неразумия, а не разума. Ф.А. Селиванов предлагает «выделить сферу глупости, безумия, зла, то есть атасферу»³⁶⁷. Название образовано от имени дочери Зевса Аты – богини заблуждения и безумия, омрачающей умы как богам, так и смертным. Ф.А. Селиванов отмечает, что «на Земле есть не одна, а две противоположные сферы – ноосфера и атасфера... Они взаимодействуют, пытаются вытеснить друг друга... Атасфера вездесуща, претендует на всеобъемлемость; она активна... Из-за атасферы гибнут люди и природа, из-за неё люди впадают в крайности, ... впадают в фанатизм и ослепление»³⁶⁸. Общецивилизационный, глобалистский менталитет усиливает ноосферу и ослабляет атасферу. Поэтому его можно именовать ещё ноосферным менталитетом.

Ноосферный менталитет будет свободен от национального и регионального эгоизма. Такой эгоизм сейчас, к глубокому сожалению, демонстрируют страны Запада в ходе войн в Сербии, Ираке, Ливии, насаждая там марионеточные правительства и присваивая миллиарды долларов свергнутых диктаторов. Общецивилизационный менталитет не имеет отношения к политике, проводимой сейчас западными странами в осуществлении ими несправедливой экономической и политической глобализации на планете. Напротив, он призван их политику и процессы глобализации гуманизировать, где надо ограничить, видоизменить, сделать полезными всем странам. Особенно опасными для земной цивилизации служат такие атасферные компоненты западного менталитета, как склонность к гипертрофированному потреблению и неудержимой гонке в неоправданной смене предметов потребления (автомобилей, бытовой техники, телефонов и т.д.), а также установка на безнаказанное использование насилия посредством мощнейшей военной машины НАТО с целью получения экономической и политической выгоды.

А.Н. Чумаков показывает, что *«хотя мировое сообщество уже фактически и стало под влиянием процессов глобализации единой целостной системой, тем не менее оно ещё не обрело соответствующих механизмов управления, адекват-*

367 Селиванов Ф.А. Сфера глупости (атасфера) // Бытие и мы. Тюмень: Вектор Бук, 2011. С. 88.

368 Там же.

ных этой целостности»³⁶⁹. По его мнению, говорить о глобальном управлении в мире следует как о самой важной задаче нашего времени. Иначе человечество в условиях острой борьбы за выживание снова оказывается в ситуации «войны всех против всех». «Только теперь... во всеобщее противоборство... вовлечены уже не отдельные люди и коллективы, а национальные государства и другие субъекты международных отношений»³⁷⁰. Необходимым условием эффективности глобального управления на планете послужит принятие различными культурно-цивилизационными системами некоторой совокупности общих ценностей. Эти ценности составят ядро общецивилизационного менталитета.

Общецивилизационному менталитету, как отмечалось, противостоят национальные и региональные менталитеты, которые с ним взаимодействуют. Вопрос о том, какие ценности должны войти в глобалистский менталитет, является мало разработанным, но чрезвычайно важным. От его решения зависит будущее человечества. К числу универсальных общецивилизационных ценностей сегодня, как правило, относят ценности, необходимые для того, чтобы жить в едином мировом сообществе. Как показывают А.А. Берелехис и С.Г. Ильинская, это, прежде всего, витальные ценности: право на жизнь и продолжение рода, сохранение здоровья, неприкосновенность личности. Затем экологические ценности: чистые почва, вода, воздух, достаточность основных ресурсов. Первичные гражданские права: защита от неправомерного насилия и принуждения, возможность получения образования, свобода перемещения, неприкосновенность жилища, свобода совести, собраний, ассоциаций. Политико-правовые ценности: независимость суда, свобода и независимость печати, различные формы участия граждан в политической жизни³⁷¹.

Существенным фактором становления глобалистского менталитета служит внедрение в систему современного образования мультилингвизма – использования в пределах определённой социальной общности, скажем страны, нескольких языков. Мультилингвизм – это средство обогащения культур. Как справедливо отмечает Б.Б. Арынгазиева, исследовавшая распространение мультилингвизма в образовательной системе Казахстана, «мультилингвизм – это не только способность говорить на нескольких языках, это ещё и особый тип мышления, впитывающий в себя культурные ценности нескольких цивилизаций, иначе, мышление, открытое к диалогу»³⁷². В Казахстане принята программа, ориентирующая школьников на овладение тремя языками: государс-

369 Чумаков А.Н. Культурно-цивилизационный диалог как способ решения проблем в современном мире // Вопросы философии. 2013. № 1. С. 36.

370 Там же. С. 38.

371 Берелехис А.А., Ильинская С.Г. О конфликте различных систем ценностей // Философские науки. 2007. № 3. С. 127–128.

372 Арынгазиева Б.Б. Мультилингвизм как условие диалога культур // Вестник РФО. 2009. № 2. С. 73. 72–75.

твенным (казахским), межнационального общения внутри страны (русским), международного общения (английским). Д. Ганди, известный индийский педагог, президент крупнейшей в мире школы, включающей в себя 37 000 учащихся, полагает, что у ребёнка должно быть умение говорить минимум на трёх языках – местном, государственном и международном³⁷³.

Следует полагать, что глобалистский менталитет, кроме существующих и приведённых выше, будет содержать и новые ценностные ориентации, которые ещё возникнут в ходе развития человечества. В частности, следует ожидать возникновения новых ценностных ориентаций в результате синтеза ценностей традиционной и техногенной цивилизаций. Существует много видов цивилизаций. Под цивилизацией мы будем понимать тип общества, целостный социальный организм, выделенный по существенным признакам и характеризующийся соответствующим типом культуры. Цивилизации можно отнести к двум основным типам. Исторически первый из них – тип традиционной цивилизации, второй – тип техногенной цивилизации. Эти типы отличаются базовыми ценностями, представленными в двух же типах культуры и двух типах менталитетов. Данный вопрос был изучен В.С. Стёпиным, на работу которого мы здесь будем опираться³⁷⁴.

Сейчас пока все ментальные особенности традиционной и техногенной цивилизации не выявлены и не систематизированы. Одна из главных ценностей техногенной цивилизации, обуславливающая соответствующую ментальную особенность, – это ценность преобразующей творческой деятельности. Человек – деятельное существо, предназначение которого состоит в преобразовании природы и подчинении её себе. В традиционных культурах такой ценности не было, там никогда не ставилась цель преобразования мира. Ещё одной важной ценностью техногенной цивилизации служит ценность активной суверенной личности. В традиционных цивилизациях ценность личности определялась, прежде всего, через её включённость в семейно-клановые, сословные и кастовые отношения. В техногенной (либеральной) цивилизации в качестве ценности утверждается идеал свободной индивидуальности, автономной личности, которая благодаря своей активности и равенству прав включается в различные социальные группы.

Значительную роль в техногенной цивилизации имеет также ценность образования, новаций и инноваций³⁷⁵: новых идей, изобретений, производственных и социальных технологий, методов деятельности, способов коммуникации. Этого тоже не было в традиционных обществах. Техногенная цивили-

373 Ответственность социального института // Вестник РФО. 2009. №4. С. 144.

374 Стёпин В.С. Философия в эпоху цивилизационных перемен // Вопросы философии. 2006. № 2. С. 19–29.

375 Под новациями мы будем понимать новые идеи, изобретения или открытия, а под инновациями – их практические внедрения.

зация дала человечеству много достижений. Однако во второй половине 20-го века эта цивилизация породила глобальные проблемы, которые ставят человечество на грань самоуничтожения. Становится ясным, что человечество не может выйти из кризиса, не меняя систему ценностей. А радикальное изменение ценностей будет означать переход к новому типу цивилизационного развития. В.С. Стёпин предполагает, что становление постиндустриального (информационного) общества и есть начало перехода к новому типу цивилизационного развития, третьему по сравнению с традиционалистским и техногенным³⁷⁶.

Ценности техногенной цивилизации полностью не оправдались, но и возвращение к традиционному типу развития также невозможен. Этот тип мог обеспечить материальными средствами лишь небольшую часть населения планеты. В период зарождения техногенной цивилизации на планете было около 500 млн. человек, а сейчас – более 7 млрд. И без современных технологий невозможно даже минимальное их жизнеобеспечение. В.С. Стёпин справедливо предполагает, что в основе нового типа цивилизационного развития будет лежать не западная и не восточная система ценностей, а что-то третье, творчески синтезирующее в себе достижения техногенной культуры и некоторые идеи традиционных культур, приобретающих сейчас новое звучание.

Следует ожидать, что в цивилизации нового типа и в соответствующем ему глобалистском менталитете снизится характерная для техногенной цивилизации ценность потребления и возрастет ценность самосовершенствования человека, присущая восточному менталитету. Ценность преобразовательной деятельности, несомненно, сохранится, но обретет новые измерения. Эти измерения включают в себя бережное отношение к природе и основанные на принципе китайской культуры «у-вэй» ненасильственные действия. В рамках синергетики сейчас разрабатываются аналогичные «у-вэй» методы: сравнительно слабые, строго направленные, воздействия на систему, находящуюся в состоянии бифуркации, дают выраженный положительный результат.

В настоящее время ещё трудно представить, какой должна быть система ценностей цивилизации нового типа. Одна из самых важных задач современной социальной философии состоит в изучении тех новаций, которые возникают в экономике, науке, философии, искусстве, морали, политическом и правовом сознании. Такое изучение даст возможность обнаружить направления роста новых ценностей, что позволит создать синтетическую модель будущей системы ценностей. Основанные на этой системе ценностные ориентации должны активно внедряться системой образования в массовый менталитет, пропагандироваться с помощью всех средств СМИ и составить ядро глобалистского менталитета.

376 Стёпин В.С. Философия в эпоху перемен // Вестник МГУ. Серия 7. Философия. 2006. № 4. С. 28–29.

Важная, можно сказать, незаменимая роль в современных трансформациях ментальности, как уже отмечалось, принадлежит системе образования. Наряду с подготовкой специалистов она выполняет функции формирования социальной идентичности и менталитета людей. В условиях глобализации эти функции системы образования становятся более сложными, чем раньше – в доглобалистскую эпоху. Прежнее представление об единичной идентичности, формирующейся на базе национальной принадлежности, в настоящее время не приемлемо. Постоянные миграции, перемещения и смена места жительства, разнообразные контакты с представителями различных культур стимулируют человека вырабатывать различные формы самоидентификации. В условиях глобализации для обеспечения трудоустройства и адаптации выпускников вузов к глобальному рынку труда необходимо формирование в их менталитетах множественной идентичности, включающей три уровня, или компонента, идентичности: национального, регионального и глобального. «Национальный компонент означает чувство принадлежности к национальному государству, тогда как региональный – принадлежность к более значительному историко-культурному ареалу. Наконец, глобальный уровень предполагает осознание принадлежности к объединённому миру»³⁷⁷. Первый компонент позволяет ориентироваться и успешно трудоустроиваться в своей стране, второй – в регионе (например, Европе, АСЕАН), третий – адекватно интегрироваться в становящуюся сложно дифференцированную глобальную социальную реальность.

Ранее системы обязательного национального образования культивировали чувства национальной общности путём преподавания таких дисциплин, как родной язык, национальные география, история, литература. Процессы международной интеграции стимулировали формирование трансгосударственных региональных идентичностей. Ведущую роль в этом играли изменения национальных систем образования. Такие изменения происходили в Европе (подписание Болонской декларации о формировании общеевропейского образовательного пространства), в Латинской Америке и странах Карибского бассейна, в Юго-Восточной Азии. По-видимому, лидирующим является регион Юго-Восточной Азии. Ассоциация стран этого региона (АСЕАН) инициировала создание сети 20-ти университетов из 10-ти стран. Более 70% опрошенных студентов ассоциации признали, что в значительной степени ощущают себя гражданами АСЕАН.

Наиболее отвечающим главному вектору развития человечества является направление, связанное со становлением глобального компонента идентичности и менталитета. Всемирный банк и ЮНЕСКО выдвинули программу «Образование для устойчивого развития» на период 2005–2014 гг. Она содержит в

377 Рысакова П.И. Национальная система образования как агент формирования глобальной идентичности // Философские науки. 2010. № 10. С. 117.

себе цель – педагогический идеал. Им выступает «глобальный гражданин» – человек, способный успешно действовать как на локальном, так и на глобальном уровне³⁷⁸. Меры, направленные на изменение образовательных программ с целью достижения неолиберального педагогического идеала, в последние годы проводятся больше всего в странах, которые наиболее активно включаются в процессы глобализации. Многие неправительственные организации и учебные заведения США и Великобритании характеризуют свои образовательные программы как направленные на воспитание глобальных граждан. Наряду с этим в целом концепция образования для устойчивого развития остаётся ещё весьма размытой и недостаточно конкретной. В её содержании вместе с другими имеются следующие компоненты: признание универсальности концепции прав человека; осознание принадлежности к единому и взаимосвязанному миру; ответственность за собственные поступки, которые могут иметь последствия не только в местном масштабе; участие в жизни общества на локальном и глобальном уровнях³⁷⁹. Как видим, эта программа находится в русле общекультурной тенденции, направленной на формирование глобалистского менталитета.

В России эта тенденция тоже имеет место, но выражена пока в небольшой степени. По данным исследования выпускников школ и студентов Санкт-Петербурга, проведённого П.И. Рысаковой, самой доминирующей в менталитете респондентов оказалась гражданская идентичность: 82% опрошенных указали, что представление о себе как гражданине России в наибольшей мере соответствует их мнению о себе. При этом большинство респондентов отождествляли гражданскую и этническую идентичность, россиян и русских. Идентификация с надгосударственными общностями была менее выраженной: 30% опрошенных отождествляли себя с представителями европейской культуры, а при выборе мы-идентификаций только 15% отметило, что относят себя к европейцам. Глобальный уровень идентичности был выражен ещё меньше: только 20% отождествляли себя с «гражданами мира» и столько же ощущали общность со всем человечеством³⁸⁰.

Перед российской и другими национальными образовательными системами стоит непростая проблема выработки гибких стратегий. Эти стратегии должны, с одной стороны, признавать неизбежную тенденцию вовлечения своего государства в процесс глобализации, а с другой стороны – быть направленными

378 Pigozzi Mary J. A UNESCO view of global citizenship education // *Educational Review*. 2006. Vol. 58. № 1. P. 34–52.

379 Schattle Hans. Education for Global Citizenship: Illustrations of ideological pluralism and adaptation // *Journal of Political Ideologies*. 2008. Vol. 13. № 1. P. 64–78.

380 Рысакова П.И. Национальная система образования как агент формирования глобальной идентичности // *Философские науки*. 2010. № 10. С. 121–122.

ми на обеспечение своей национальной конкурентоспособности и сохранение культурно-национальной специфики и национального менталитета. Как отмечает А. Кох, несмотря на декларируемые призывы к формированию региональной идентичности, многие учебные пособия, принятые в государственных школах, нацелены пока на сохранение именно национальной идентичности³⁸¹. Эту инерцию национальных систем образования необходимо преодолевать.

Если допустить, что национальные образовательные системы способны решить эту проблему, то можно проявить воображение и представить себе следующую динамику ментальности в глобализующемся мире. Доминирующим на планете становится глобалистский менталитет. Он охватывает наибольшую часть населения планеты, обеспечивает мир, стабильность и преемственность развития человеческой цивилизации в целом. Кроме доминирующего менталитета существуют региональные менталитеты – европейский, американский, азиатский, латиноамериканский, африканский и другие. В границах регионов существуют многообразные национальные, конфессиональные, профессиональные и другие групповые менталитеты, характеризующиеся конструктивными различиями. Глобалистский менталитет включит в себя наиболее важные для прогресса элементы региональных, национальных, этнических и других групповых менталитетов. Эти элементы представляют совокупность конструктивных сходств, которые будут обеспечивать единство человеческой цивилизации.

Таким образом, одновременно будет происходить сближение групповых менталитетов и формирование глобалистского менталитета. Этнические, национальные и региональные менталитеты, естественно, сохраняются, но в них существенным компонентами служат особенности глобалистского менталитета. Экзистенциальный диалог между носителями многообразных групповых и индивидуальных менталитетов и их диалог с глобалистским менталитетом создают в обществе систему конструктивной напряжённости. Эта система продуцирует политические, экономические, технологические, научные, правовые, нравственные и другие новации, стимулирующие социальный прогресс.

Доминирование на планете глобалистского менталитета может послужить разрешением конфликта цивилизаций. Наряду с глобалистскими каждый социум будет иметь и свои специфические ценности. Важной нам представляется мысль В.М. Власовой о том, что в сегодняшних условиях существования социумов зреет потребность в формировании духовной структуры, которую она назвала «Возрождение – 2»³⁸² и которая должна воплощать в себе единство национального и общецивилизационного. Думается, что существенным компонентом этой структуры должен быть общецивилизационный менталитет.

381 Koh A. Working against globalisation: the role of the media and national education in Singapore // Globalisation, Societies and Education. 2006. Vol. 4. № 3. P. 34–48.

382 Власова В.М. Социально-философский анализ сущности человека в историческом контексте. М.: изд-во МГСУ, 2003. С. 296.

Интересный опыт в изучении взаимовлияния менталитетов имеют забайкальские учёные К.К. Васильева и С.А. Мельницкая. Они описывают менталитет населения Забайкальского края, в котором на протяжении 350 лет мирно проживают представители более 120 этносов. «Одинаковые климатические условия проживания, характеризующиеся крайней суровостью, ... порождали и общие свойства менталитета, формируя совместную самоидентификацию «мы»»³⁸³. При формировании Забайкальского менталитета русские впитали в себя некоторые ментальные особенности коренных народов и обусловленные этими особенностями модели жизни. В свою очередь, коренное население приняло определённые ментальные особенности русских. В результате взаимной восприимчивости установилась зона совместного перекрытия и возникла контактная ментальность. Она включает в себя такой комплекс черт, как неприхотливость к условиям жизни, сострадание и веротерпимость, расовая и этническая толерантность, выносливость и упорство, осмотрительность и созерцательность.

Контактная ментальность позволяет мирно жить с теми, кто принадлежит к другой культуре или другому этносу. Она признаёт достоинство других людей, их право быть самими собой. Разумеется, этносы Забайкалья имеют не только общие для региона, но и свои особенные ментальные признаки. Однако в отношении этих различающихся признаков они проявляют толерантность. В условиях разворачивающейся глобализации весь мир становится контактной цивилизацией. К.К. Васильева и С.А. Мельницкая справедливо полагают, что Забайкалье могло бы стать для России и всего мира моделью формирования толерантных взаимоотношений между людьми различных конфессий и национальностей. Опыт Забайкалья позволяет сформулировать следующую закономерность мирного сосуществования различных этносов: *наличие для взаимодействующих этносов конструктивных ментальных сходств и конструктивных различий и толерантность по отношению к деструктивным различиям и сходствам.*

Достижение консенсуса в ценностной сфере не может быть стихийным автоматическим процессом. Для того чтобы угрозы, порождаемые глобальными проблемами, превратились в мощный интегрирующий фактор, а конфликты разных типов менталитета и соответствующих им систем ценностей благополучно бы разрешались, необходимы сознательные целенаправленные усилия правительств, учёных, педагогов, представителей искусства и религии по переводу страха и разногласий в конструктивные общезначимые для всей человеческой цивилизации идеи. Развитие межкультурных диалогов, толерантности, уважения самобытности социумов, создание, возможно, надправительственных советов экспертов по проблемам менталитета, умелое использование

383 Васильева К.К., Мельницкая С.А. Менталитет социокультурных обществ Забайкальского края. Чита: ЧитГУ, 2008. С. 162.

этими советами мощной системы СМИ, влияние данных советов на культурные процессы, в том числе и на системы образования в разных странах, – всё это может способствовать выделению и принятию человеческим сообществом некоторых наиболее оптимальных для всех народов нравственных, политических, религиозных установок и других ментальных особенностей.

4.4. Особенности отечественного менталитета и перспективы модернизации России

Во введении уже отмечалось, что для успеха модернизации России необходимо согласование содержания и способов осуществления реформ с особенностями отечественного менталитета. Такое согласование предполагает коррекцию как реформ, так и менталитета. Ниже мы попытаемся обобщить имеющиеся в литературе мнения об особенностях отечественного менталитета и возможности его коррекции с целью стимулирования инновационного развития России.

«...Модернизация... – это революционный переход от доиндустриального через индустриальное к постиндустриальному обществу, осуществляющийся путём комплексных реформ («революционный реформизм»)»³⁸⁴. Модернизированное (техногенное, либеральное) общество «характеризует индустриальная экономика, по преимуществу рыночный принцип организации производства на основе частной собственности с их идеологическим и политико-правовым обеспечением. В последнее входят либеральная идеология, правовое государство, парламентаризм и конституционализм, разделение властей, равные политические права и свободы граждан»³⁸⁵. В культуре этого общества присутствуют толерантность и мультикультурное взаимодействие, открытость к внешним воздействиям и изменениям, деидеологизация положений о создании культурных образцов, демифологизация и десакрализация картины мира, рационализация и прагматизация в социальном поведении. По мнению Д.В. Трубицына, сущность модернизации заключается в интенсификации взаимодействия природы и общества, приводящая в итоге к интенсификации отношений во всех подсистемах общества. Модернизация сопровождается конфликтностью, болезненностью, порождаемых взаимоотрицающими свойствами аграрного и индустриального обществ. Политико-правовые, культурные, технологические, экономические аспекты модернизации могут не совпадать во времени в странах, которые ещё не завершили модернизацию, или только вступили в этот процесс³⁸⁶.

384 Шевчук И.И. К вопросу о модернизации // Вестник РФО. 2010. № 1. С. 98.

385 Трубицын Д.В. «Модернизация» и «негативная мобилизация». Конструкты и сущность // Социологические исследования. 2010. № 5. С. 6.

386 Там же. С. 7.

В зависимости от решаемых задач выделяют индустриальную (первичную) и постиндустриальную, или информационную (вторичную), модернизацию, основанную на знаниях. Из 25-ти европейских стран только Россия, Румыния, Украина, Болгария, Белоруссия ещё не завершили первичную модернизацию, поэтому одновременно осуществляют двойную модернизацию. Из-за консервации в 90-е годы 20-го в. устаревшего оборудования России ещё предстоит индустриальная ре-модернизация, поднимающая промышленность на современный уровень. По индексу интегрированной модернизации Россия занимает 37-е место из 131-й страны³⁸⁷.

В зависимости от инициирующего источника выделяются два вида модернизации – органическая и неорганическая. Первая начинается с изменения культуры и общественного сознания. Она является этапом собственного развития страны и подготавливается всем ходом предшествующего развития. Второй вид модернизации представляет собой ответ на внешний вызов со стороны более развитых стран. «Неорганическая модернизация является способом «догоняющего» развития, предпринимаемого государством для того, чтобы преодолеть историческую отсталость и избежать зависимости от более развитых стран»³⁸⁸. До сих пор модернизации, проводимые в нашей стране, имели характер неорганических, догоняющих. Сюда относятся реформы Ивана Грозного, связанные с репрессиями усиливающейся автократической власти и приведшие к смуте; реформы Петра I, писанные кнутом, по выражению А.С. Пушкина; реформы Александра II, давшие «волю поневоле»; преобразования Сталина по индустриализации промышленности и коллективизации сельского хозяйства, носившие насильственный характер; новшества Н.С. Хрущёва, старавшегося поднять сельское хозяйство; концепция ускорения социально-экономического развития страны М.С. Горбачёва; реформы Б.Н. Ельцина, приведшие не к демократическому, а к олигархическому капитализму. Неудачи всех перечисленных начинаний модернизации страны приводят к предположению о том, что причины неудач коренятся в ментальной сфере российского социума. В связи с этим необходимо выявить главные особенности российского менталитета.

Возникновение российского менталитета описано в специальной работе Б.П. Шульдынина. Он отмечает, что «черты российского менталитета можно рассматривать как единую систему, «выводимую» из условий существования и развития русского народа, всего российского суперэтноса и российского государства»³⁸⁹. Такой подход позволяет Б.П. Шульдынину выделить следующие

387 См.: Лапин Н.И. Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации // Социологические исследования. 2011. № 9. С. 3–18.

388 Шевчук И.И. К вопросу о модернизации // Вестник РФО. 2010. № 1. С. 99.

389 Шульдынин Б.П. Российский менталитет в сценариях перемен // Социологические исследования. 1999. № 12. С. 50–58.

щее сочетание качеств, составляющих российский менталитет: духовность, общинность и мобилизационный коллективизм, тягу к независимости и свободе в единстве с доверием к сильному государству, представление о труде как высокой ценности, тяга к равенству и справедливости с признанием необходимости служения государству и народу, «всечеловечность» (по Ф.М. Достоевскому), или толерантность, – способность уживаться с представителем других этносов, с их ментальными особенностями и образом быта.

Другие авторы выделяют иные характеристики российского менталитета. Вопрос этот очень сложный, поскольку ещё не выработано чётких процедур идентификации ментальных особенностей, и против каждой из характеристик менталитета в принципе можно выдвинуть контраргументы.

Журнал «Философские науки» провёл «Ахиезеровские чтения», участники которых исследовали особенности российского менталитета и перспективы модернизации страны. Главная тема чтений – русская культура как фактор развития или торможения развития страны. Это предполагает выявление социокультурных факторов, которые способствуют развитию России либо блокируют его.

Один из участников «Ахиезеровских чтений», И.Г. Яковенко, опираясь на положения А. Ахиезера, отмечает, что русской культуре и ментальности свойственна манихейская доминанта (неспособность синтезировать противоположности) и раскол сознания. «Эти характеристики отечественной ментальности делают диалог через противостояние сквозным сюжетом российской истории»³⁹⁰. По мнению И.Г. Яковенко, напряжение противостояния в России либо достигает предельных значений, вовлекая общество в ситуации самоуничтожения, либо снижается до нижних, или фоновых, значений, оставаясь всё же критически высоким. Поэтому содержательный диалог в России либо затруднён, либо практически невозможен. И.Г. Яковенко предполагает, что «благоприятная для диалога ситуация сложится после размывания и полной маргинализации традиционно-архаического пласта культуры»³⁹¹. Положения И.Г. Яковенко весьма интересны. Однако для выработки продуктивных рекомендаций желательно конкретно показать, каков состав постулируемых им в России противостоящих блоков традиционно-архаического и собственно исторического общества. Какие именно элементы традиционного общества должны быть элиминированы?

Большие обобщения об особенностях российского менталитета сделаны А.П. Давыдовым, руководителем проекта «Ахиезеровские чтения». Он отмечает, что, обобщая исторический опыт России, А.С. Ахиезер и другие отечес-

390 Яковенко И.Г. Диалог через противостояние – фактор российской истории // Философские науки. 2010. № 2. С. 20.

391 Там же. С. 20.

твенные учёные обнаружили разрушительную циклическую динамику в развитии страны. Цикличность включает следующие этапы: «Катастрофа – смута – развитие – застой – катастрофа...»³⁹². Указанная динамика получила название дурной цикличности, исторической ловушки, инверсионного маятника. В новейшей истории страны распад СССР был катастрофой, президентство Ельцина – смутой, президентство Путина – развитием, но не на основе структурной перестройки экономики, а на основе повышающихся цен на нефть и её продаже. Такое развитие грозит перейти в застой и последующую катастрофу. По мнению Д.В. Трубицина, то, что учёные государственники на основе учёта количественных показателей экономики, роста ВВП, увеличения уровня удовлетворения материальных потребностей, активизации внешней политики России называют траекторией устойчивого развития последних лет, представляет собой элементы стагнации, при которой нет качественной трансформации общества в сторону рыночной экономики, гражданского общества и правового государства³⁹³.

А.П. Давыдов, основываясь на положениях А.С. Ахиезера и других учёных, полагает, что цикличность вызывается к жизни спецификой менталитета русского человека – инверсионным характером мышления, который должен стать объектом деконструкции. Цикличность представляет собой возобновляющееся инверсионное перемещение между полюсами. Инверсия – это нетворческий способ мышления, когда мысль не знает иных смыслов, кроме уже сложившихся на полюсах оппозиции.

В русской ментальности, по мнению А.П. Давыдова и других участников «Ахиезеровских чтений», господствовала инверсия. Остановить цикличность в истории страны – значит элиминировать из российского менталитета те элементы, которые обуславливают инверсию. А.П. Давыдов выделяет следующие основные культурные стереотипы, которые порождают инверсию³⁹⁴:

– Установка на синкрезис – невозможность разделения изначального смысла, отказ от проблематизации и критики того, что выглядит вечным.

– Познавательно-моральный конструкт «должное – сущее», убеждение, что мир сущего совершенно не отвечает миру должного. Это убеждение разрывает связь между идеалом и реальностью, разрушает поле социального взаимодействия и не позволяет улучшать сущее.

392 Давыдов А.П. Инверсия как культурное основание цикличности в развитии (к вопросу об объекте деконструкции в русской культуре) // *Философские науки*. 2010. № 1. С. 25.

393 Трубицин Д.В. «Модернизация» и «негативная мобилизация». Конструкты и сущность // *Социологические исследования*. 2010. № 5. С. 11.

394 Давыдов А.П. Социокультурные факторы цивилизационной динамики России. Подведение итогов первого заседания «круглого стола» «Ахиезеровских чтений» // *Философские науки*. 2010. № 2. С. 71–72.

– Манихейская составляющая: стиль чёрно-белого мышления, отождествление категорий «мы – они» с понятиями «добро – зло», невозможность нахождения общего интереса, общей пользы, признание только победы добра над злом, сколько бы это ни стоило.

– Сакрализация статуса власти, её положения над законом: власть от Бога, она неопределима и не может быть усовершенствована усилиями людей.

– Партиципация: присоединение к доминирующему устанавливаемому государством смыслу как спасительному, убеждение, что без государственной власти в России не может функционировать ни одна организация. Русский человек всегда ищет власть, чтобы к ней прислониться и хорошо жить.

– Установка на мироотречение: мир лежит во зле и неисправим. Отсюда – идеал недеяния, социальной пассивности и ощущение безнадежности.

– Эсхатологический комплекс: мир полностью отклонился от должного, погряз в грехах и скоро будет конец света, не нужно ничего делать на земле, надо думать о спасении души.

А.П. Давыдов отмечает, что в западных странах описанные стереотипы всё более вытесняются на периферию массового сознания, в чём важную роль сыграла философская критика социальных отношений. Но в нашей стране эти стереотипы всё ещё служат культурным основанием функционирования общества.

Эсхатологический комплекс и мироотречную установку можно, по-видимому, объединить в качестве апофатического отношения к реальности. Это отношение, как показывает Г.Л. Тульчинский, проявляется в отрицании ценности данной, текущей, реальной жизни. Ценностью признаётся существование иное – в потустороннем мире или в светлом будущем. А если данная земная жизнь не обладает ценностью, то лишено особого смысла и то, что к этой жизни относится: труд, собственность, здоровье³⁹⁵.

«Эти древние стереотипы, – делает вывод А.П. Давыдов, – оружие палео-неолитического слоя российского менталитета, направленное против перемен. Они – объект модернизации методом их «культурного разоружения», критики, отодвигания на периферию общественного сознания»³⁹⁶.

Положения, близкие к взглядам Давыдова, отстаивает З.Т. Голенкова. Она отмечает, что «в западной ментальности есть палео-родовое, но доминирует в ней ценность личности, а российской ментальности, наоборот, есть ценность личности, но доминирует в ней палео-родовое, кликовое, манихейское, собор-

395 Тульчинский Г.Л. Российская культура: особенности и перспективы // Философские науки. 2010. № 3. С. 63.

396 Давыдов А.П. Основания и структура российской ментальности в условиях модернизации // Философские науки. 2010. № 3. С. 74.

ное, антиличностное и т.д. ...»³⁹⁷. По её мнению, необходим постоянный социологический мониторинг динамики меры взаимоотталкивания/взаимопроникновения этих двух компонентов общественной ментальности, – ценности личности и палеоценностей. Это поможет следить за тем, как идёт в стране модернизация массового сознания. «Борьба в массовом сознании палео-ценностей и ценности личности может вести к нарастанию угрозы раскола в обществе, что совершенно недопустимо. Количественное исследование стереотипов ментальности поможет изучать структуру, динамику, глубину угрозы раскола и ту логику, в соответствии с которой надо выстраивать внутрицивилизационный диалог между носителями этих ценностей»³⁹⁸.

И.В. Кондаков показывает, что ещё одним древним стереотипом русского менталитета, тормозящим процесс модернизации страны, служит «смысловая неопределённость» и «функциональная дезорганизация»: представление о неопределённости, неустойчивости, непредсказуемости и неуправляемости бытия. Этот стереотип обозначается И.В. Кондаковым кратким словом «авось» («небось»)³⁹⁹. И.В. Кондаков объясняет возникновение «авось» тем, что российская цивилизация складывалась в условиях «пограничности» между Азией и Европой на перекрёстке великих мировых религий Востока и Запада и язычества коренных народов. Это придало российскому менталитету и культуре качества «смысловой неопределённости», неустойчивости, аморфности. Такие качества не характерны для западной культуры.

«Авось» означает надежду на стихийное стечение обстоятельств, при котором все трудности будут преодолены как бы сами собой вне целесообразной активности человека, без его усилий. По логике «авось», нет смысла строить планы и пробовать их реализовывать, так как жизненные процессы нами не контролируются, и самое правильное – положиться своё везение, на удачу. «Авось» можно представить как попытку людей адаптироваться к высокодезорганизованному окружению посредством повышения собственной дезорганизации. С «авось» связана вера в чудо, в «доброто» царя, в «соборную» правоту народа, в величие и правоту государства⁴⁰⁰.

По мнению Д.В. Трубицина, «есть основания сомневаться, что факторами сдерживания модернизации России ... являются культурные, ментальные особенности российского общества, либо «правильный» или «неправильный» политический курс. Таким единственным фактором является наличие почти неограниченных природных ресурсов, не активизирующее механизмов

397 Голенкова З.Т., Давыдов А.П. Социология сегодня: методологический тупик или новый ренессанс? // Философские науки. 2010. № 5. С. 152.

398 Там же. С. 153.

399 Кондаков И.В. Ментальная доминанта Российской цивилизации // Философские науки. 2010. № 3. С. 24.

400 Там же. С. 24–26.

модернизации»⁴⁰¹. А социокультурным механизмом, приводящим к возврату в ходе либеральных преобразований к прежней форме организации производства и общества, служит, по его мнению, негативная мобилизация как контрмодернизационная установка. Ею является социокультурная подсистема общества, находящаяся внутри общественной системы, представленная социальными акторами (классами, стратами, группами, конкретными лицами), идеологиями, тяготеющая к прежним принципам, механизмам и структурам организации общества, возвращающая их к действительности при возможности продолжения экстенсивного производства⁴⁰². Глубокая конфликтность и сложность модернизации обуславливаются тем, что инициируют контрмодернизационный поворот не какие-то конкретные антидемократические силы или политики, а значительная часть изменяющегося общества. Переход к модернизации сопровождается безработицей, резким имущественным расслоением общества, маргинализацией, ростом преступности, падением морали и духовности, усилением прагматизма, ослаблением родственных и дружественных связей. В ходе дальнейшего развития общества сфера этих деструктивных и негативных явлений постепенно сужается, и общество в значительной мере гуманизируется и обеспечивает достойную жизнь большинству населения. Это мы наблюдаем сейчас в западных странах и в некоторых странах Юго-Восточной Азии. В России же в настоящее время негативные составляющие реформ формируют контрмодернизационную установку.

В культуре, на взгляд Трубицина, контрмодернизационная стратегия выражается в дискредитации рынка, росте эгалитаристских выступлений, призывов к перераспределению собственности, критике западного пути развития экономики, попыток обоснования особого пути российской экономики, росте иждивенческих настроений, объяснении экономических неудач внешними причинами (климатом, врагами, правительством и др.), отрицании универсальных ценностей, представлении окружающего мира как «обители зла», тяги к ситуации «осаждённого лагеря», дискредитации Запада, формировании образа врага, росте «патриотических» настроений и текстов, актуализации темы Великой Отечественной войны как позитивного примера негативной мобилизации, однобокой трактовке истории, её сакрализации, нарастании военной и «силовой» тематики в искусстве, дискредитации демократии и правового государства, обосновании авторитаризма⁴⁰³. Во многом эти тормозящие модернизацию страны факторы совпадают с теми, которые были выделены на «Ахиезеровских чтениях».

401 Трубицин Д.В. «Модернизация» и «негативная мобилизация». Конструкты и сущность// Социологические исследования. 2010. № 5. С. 7–8.

402 Там же. С. 8.

403 Там же. С. 9.

По-видимому, можно согласиться с Трубициным в том, что главная объективная причина сдерживания модернизации России заключалась в громадных, почти не ограниченных, природных ресурсах и пространствах страны, позволяющих вести экстенсивный способ хозяйствования, в частности, экспортировать сырьё. Однако признание этого положения не исключает, на наш взгляд, роли менталитета в модернизационных процессах. Поскольку история есть деятельность всех людей, зависящая от их менталитета, то, как раз, наоборот, при неустранимости объективной тормозящей модернизацию причины культурные изменения, воплощающиеся в менталитете масс, могут иметь решающую роль. Переход к интенсивному способу производства и отношения с природой (приводящий в итоге к интенсификации отношений во всех подсистемах общества) как ответ России на современный вызов истории возможен только при условии соответствующего изменения массового менталитета и адекватных действиях политической власти. Думается, что такое изменение уже идёт. Т.С. Вуколова ещё в 2004 г. отмечала, что «основной пафос длительного начального этапа реформ... заключался в постепенной преориентации инерционного маховика менталитета с коммунистических на общечеловеческие, демократические ценности, что предполагает более терпимое отношение к рыночным отношениям»⁴⁰⁴.

Возможно ли сохранение России и её модернизация при наличии менталитета, включающего в себя отмеченные выше особенности? Имеются пессимистическая и оптимистическая позиции. Э. Паин полагает, что деградацию российского общества можно предотвратить, только если Россия лишится своей имперской территории⁴⁰⁵. По мнению А.А. Пелипенко, в России модернизационные формы накладываются на архаичные культурные основания и поэтому российское общество нежизнеспособно. Он пишет, «что в самое ближайшее по историческим меркам время болезненно-навязчивое топтание вокруг «проклятых вопросов» будет снято распадом России и окончательным подрывом пресловутой «русской системы». И тогда предметом цивилизационного анализа станут уже другие, более локальные образования, самоопределяющиеся уже в совершенно ином историко-культурном и геополитическом контексте»⁴⁰⁶.

Думается, однако, что вывод о неизбежности распада России не является достаточно обоснованным. Г.Л. Тульчинский справедливо отмечает, что традиционная культура всегда является предпосылкой инновационного развития. «Так и в российской традиционной культуре заложен колоссальный потенциал.

404 Вуколова Т.С. Национальная экономическая ментальность в эпоху рыночных реформ // Экономический вестник РГУ. 2004. Т. 2. № 1. С. 72–84.

405 Паин Э. Распутица: полемические размышления о предопределённости пути России. М.: РОССПЭН, 2009. 272 с.

406 Пелипенко А.А. Штрихи к образу российской цивилизации // Философские науки. 2010. № 2. С. 13.

Например, приоритет творчества – богоподобного акта создания чего-то нового почти из ничего, усилием воли... А неприхотливость и долготерпеливость, готовность перестрадать, перетерпеть!? А самоотверженность в критических ситуациях!? В этом коренятся все великие исторические победы нашего народа. Об этом наша великая литература. Разве это не золотой фонд любого российского реформатора!?)⁴⁰⁷. По мнению Г.Л. Тульчинского, для блокирование инверсии и порождаемой ею цикличности требуется становление гражданского общества, демократических институтов, формирования конструктивных культурных смыслов, которые позволят разрешать противоречия и поднимать общество на более высокий уровень, обеспечивать модернизацию и кумулятивное развитие.

Представляется правильным мнение Г.Л. Тульчинского о том, что «современная Россия наполовину медиальна»⁴⁰⁸. Идеи инновационного развития достаточно популярны в России. А.П. Давыдов приводит заявление главы «Роснано» А. Чубайса о том, что в России имеются десятки компаний, которые работают на самом высоком инновационном уровне, и если преобразовать соответствующим образом законодательство, чтобы защитить собственника, то страна способна за 20 лет перевести свою экономику на инновационный, информационный путь⁴⁰⁹.

Идеи инновационного развития поддерживает политическая элита страны. Будучи президентом России, Д.А. Медведев, в частности, отмечал: «Законодатели примут все решения для комплексной поддержки духа новаторства во всех сферах общественной жизни, создания рынка идей, изобретений, открытий, новых технологий. Государственные и частные компании получают всемерную поддержку во всех начинаниях по созданию спроса на продукты инновационной деятельности. Иностранным компаниям и научным организациям будут предоставляться самые благоприятные условия для строительства в России исследовательских и конструкторских центров»⁴¹⁰. Д.А. Медведев выделил 5 реальных стратегических вектора экономической модернизации: производство и транспортировка энергии, ядерные технологии, информационные сети, космическая инфраструктура, медицинское оборудование.

Б.И. Каторгин и Л.С. Черной аргументировано обосновывают возможность реализации ещё двух очень важных инновационных, Больших, как они их на-

407 Тульчинский Г.Л. Российская культура: особенности и перспективы // Философские науки. 2010. № 3. С. 69.

408 Тульчинский Г.Л. Российский маятник остановился? В поисках новой Институциональной матрицы // Философские науки. 2010. № 2. С. 46.

409 Давыдов А.П. Социокультурные факторы цивилизационной динамики России. Подведение итогов первого заседания «круглого стола» «Ахнзеровских чтений» // Философские науки. 2010. № 2. С. 72.

410 Медведев Д.А. Россия, вперед! // Культура и здоровье. 2010. № 2. С. 4.

зывают, проектов страны. Один из них – проект «Синтез». Суть его заключается в переработке накапливающегося в атмосфере и грозящего глобальным потеплением углекислого газа через ряд ступеней и с использованием природного газа в жидкое синтетическое топливо с улучшенными экологическими свойствами. При создании проекта используется широкий спектр высокотехнологических отечественных разработок от нанотехнологий, до космической отрасли. Реализация указанного проекта может нейтрализовать угрозу гибели человечества от потепления и затопления водой тающих льдов громадных территорий. «...Проект «Синтез» вполне может войти в список Больших проектов, которые позволят обновлённой России вернуть знамя лидерства в мировом развитии, а её народу – обоснованную гордость за страну и, что сейчас очень важно, социальный оптимизм»⁴¹¹.

Второй проект – «Центральная евразийская транспортная система» как необходимое звено связности глобального мира. Доведение Транссиба и Бама до полноценной интегральной транспортной системы позволяет России предложить миру стратегический транзитный грузовой путь из Юго-Восточной Азии в Европу, доставка по которому будет приблизительно втрое быстрее и вдвое дешевле, чем морским окружным путём. Создание авто- и железнодорожного тоннеля под Беринговым проливом, подсоединение к железнодорожной сети Аляски, пристраивание к транссибирской магистрали «рёбер» в виде северных российских направлений приведёт к тому, что будет замкнута стратегическая сухопутная транспортная система. Она объединит между собой Восточноазиатский, Североамериканский и Европейский центры генерации товарных потоков. Проект реалистичен, экономически выгоден и должен привлечь как отечественных, так и зарубежных инвесторов. «А Россия получит одновременно и устойчивую систему внутренних транспортных коммуникаций, очень нужных нам для развития страны, и стратегическую роль крайне необходимого для всего человечества «глобального коммуникативного звена»»⁴¹².

Инновационному развитию страны препятствуют упоминавшаяся выше мироотречная установка и эсхатологический комплекс. Однако в современной России они уже не имеют той силы, что раньше. Идея отрицания ценности текущей жизни имеет религиозную основу и выполняет иллюзорно-компенсаторную функцию. Эта идея была сильно подорвана в СССР распространением массового атеизма. Но в ослабленном виде она была умело использована властью для снижения уровня притязаний населения и обоснования необходимости терпеть трудности и лишения жизни ради светлого будущего – коммунизма. Теперь, когда построение коммунизма снято с повестки дня, люди обращают

411 Каторгин Б.И., Черной Л.С. Россия не может обойтись без больших проектов // Социологические исследования. 2009. № 12. С. 7.

412 Там же. С.10.

свой взор на текущую, реальную жизнь, стремятся улучшить её и быть счастливыми в этой, а не в «той» жизни.

Социологические исследования показали, что в стране за последние 9 лет с 52 до 57% увеличилось количество лиц, верящих в свои возможности. Притом, среди молодёжи процент верящих в себя составляет 65%. «...Вера в собственные силы, возможности рационального выбора и действия делают нынешнее поколение молодёжи одним из наиболее нацеленных на успех»⁴¹³. Эти данные показывают, что мироотреческая установка уже в значительной степени преодолена большей частью населения страны, особенно молодёжью.

Интересные результаты дало исследование «Российская молодёжь в регионах «скромного» достатка: каковы жизненные перспективы?». 19,3% опрошенных отнесли себя к низкому социальному положению, 64,2% – к среднему, 15,6% – к высокому и 0,9% – к высшему⁴¹⁴. На вопрос «В каком положении вы бы хотели находиться?» 1,2% опрошенных указали – в низком, 12,1% – в среднем, 64,5% – в высоком и 23,2% – в высшем. Эти данные показывают выраженную тенденцию желаний провинциальной молодёжи к *резкой вертикальной мобильности*. 32,0% опрошенных отметили, что в сфере образования добились желаемого (категория успешных), 52,3% – пока не добились, но им это по силам (категория потенциально успешных), 11,7% – хотели бы, но вряд ли смогут (категория неуспешных), 4,0% – не имеют целей продолжения образования (категория внесистемных). В получении престижной работы успешных было 10,9%; потенциально успешных – 67,3%; неуспешных – 19,6%; внесистемных (без устремлений) – 2,3%. В карьерных достижениях успешных было 3,7%; потенциально успешных – 63,4%; неуспешных – 16,0%; внесистемных – 16,9%. В возможности приобретения богатства успешных было 2,6%; потенциально успешных – 40,2%; неуспешных – 38,6%; внесистемных – 18,7%.

Приведённые результаты свидетельствуют о том, что молодёжь – будущее страны – вопреки существующим предрассудкам, имеет весьма выраженные жизненные устремления и в своём большинстве не подвержена мироотречной установке. А.А. Королёв показывает, что молодёжь быстрее осваивает новый социальный опыт по сравнению со старшими поколениями. «Современное молодое поколение в своей основной массе дилемму «рынок – антирынок» решила в пользу рынка. Против рыночной экономики высказалось от 10 до 13% опрошенных»⁴¹⁵.

413 Мчедлова М.М. Роль религии в современном обществе // Социологические исследования. 2009. № 12. С. 80.

414 Букин В.П. Самоидентификация провинциальной молодёжи в контексте социально-статусной принадлежности // Социологические исследования. 2010. № 3. С. 95.

415 Королёв А.А. Этноменталитет: сущность, структура, проблемы формирования. М.: Социум, 2011. 68 с.

Н.И. Лапин, изучая процессы трансформации российского общества, выдвинул и проверил с помощью социокультурного подхода и на основе измерения ценностей как аттрактора выбора гипотезу о движении нашего общества от этатистско-традиционного к либерально-модернистскому состоянию. В результате получения репрезентативных данных он заключил: «Ныне ценностное сознание россиян находится отнюдь не вначале, а примерно в середине движения к либеральной системе ценностей или уже во второй половине этого пути. Такова главная тенденция – аттрактор, втягивающий российское общество в социокультурную либерализацию»⁴¹⁶. Этот вывод был сделан Лапиным, в частности, с учётом высокого значения на шкале ценностей ценности свободы. По его мнению, базовые ценности большинства российских людей – традиционные, инструментальные – инновационные, и в ситуации «социальной перепутицы» могут быть «откаты назад и повороты к авторитаризму».

Некоторые позитивные изменения в стране за 18 лет реформ были приведены в докладе М.Н. Горшкова на пленарной сессии III Всероссийского социологического конгресса. Он, в частности, отметил, что «доля россиян, довольных своим социальным положением в обществе, стала доминировать над долей недовольных в отношении 4:1»⁴¹⁷. За годы реформ, особенно в последние 7-8 лет, сложился массовый средний класс, составляющий 33% населения. «... Современный российский средний класс – это люди, которые сумели успешно адаптироваться к новой социальной реальности, справедливо гордятся этим и в массе своей, в отличие от слоёв ниже среднего, чувствуют себя хозяевами собственной судьбы»⁴¹⁸. Большинство современных россиян толерантно относятся к богатым людям при условии, что в основе богатства лежат способности и труд. Также они не являются упорными противниками частной собственности: 87% россиян соглашались с тем, что право иметь частную собственность должно быть неотъемлемым правом любого человека. При этом они, естественно, осуждают нелегитимное распределение собственности. В 1998г. сторонники жизни в «брежневском обществе» преобладали над теми, которые предпочитали современное общество, в соотношении 46 и 25%. В 2007г. произошёл примечательный перелом: 60% выбрали современное общество и 20% – брежневское⁴¹⁹.

На основе сравнения результатов изучения образа жизни наших граждан, полученных в 1982г. и в 2008г., А.А. Возмитель и Г.И. Осадчая отмечают: «Лидирующие в советское время базовые традиционные ценности, на которые ориентировалась основная масса населения, заняли сегодня позиции аутсай-

416 Лапин Н.И. Пути России. М.: ИФ РАН, 2000. С. 147.

417 Горшков М.К. Российское общество в социологическом измерении // Социологические исследования. 2009. № 3. С. 16.

418 Там же. С. 19.

419 Там же. С. 20–23.

деров, поскольку доля людей их разделяющих, уменьшилась в 3 раза, а доля тех, кто разделяет либеральные ценности, напротив, возросла в 8 раз. В 1,5 раза возросла и группа, объединяющая людей, разделяющих и традиционные и либеральные ценности одновременно»⁴²⁰. Правда, это привело к тому, что стала «отчётливо видна тенденция замены благоприятной для нормального человека социальной среды на неблагоприятную, паразитически-эгоистическую, агрессивно-враждебную»⁴²¹. Думается, что такой этап «дикого капитализма» в России закончится, как он закончился на Западе, где рыночные отношения начали гуманизироваться. По-видимому, и в России наметилась тенденция к позитивным изменениям. Возьмитель и Осадчая отмечают, что «результаты нашего мониторинга социальной ситуации в России фиксируют в последние пять – шесть лет улучшение всех составляющих социального самочувствия населения»⁴²².

Что же касается деструктивных моментов модернизации, то, как справедливо отмечает Д.В. Трубицын, они не в меньшей мере были характерны и для Запада. Западная Европа в процессе модернизации имела дело с теми же трудностями, что и Азия, поскольку структурные характеристики аграрного и индустриального общества диаметрально противоположны в любом регионе. «Разница лишь в том, что Запад шёл этим путём впервые, принимая изменения как «новое», а не как «чужое»⁴²³. Восприятие эффектов модернизации как «чужих», идущих с Запада, и, следовательно, ненужных и вредных нашей стране, породило установку на конфронтацию с Западом, тягу к изоляционизму, представлению об «осаждённом лагере», разнообразные концепции исключительного пути России и её мессианской функции в человеческой цивилизации. Критика этих установок и концепций – важное условие последующей успешной модернизации России.

Определённую роль в возникновении негативных моментов, сопровождавших реформирование страны, сыграло распространение в начале 1990-х годов некоторыми «демократами-прагматиками» идей псевдолиберализма, весьма далёкого от подлинного либерализма. Сюда относится понимание свободы как вседозволенности и безответственности, идеологема типа «можно всё, что не запрещено законом», «надо жить по закону, а не по совести», «главное – деньги, и неважно, каким способом они заработаны», «рыночная экономика не нуждается в морали» и др. В связи с этим А.В. Юревич справедливо отмечает, что «основатели российского либерализма – Б.Н. Чичерин, М.М. Сперанский,

420 Возьмитель А.А., Осадчая Г.И. Образ жизни в России: динамика изменений // Социологические исследования. 2010. № 1. С. 20.

421 Там же. С. 19.

422 Там же. С. 23.

423 Трубицын Д.В. Культурный детерминизм в концепции модернизации: философско-методологический анализ // Вопросы философии. 2009. № 8. С. 53.

С.Ю.Витте, последователями которых называют себя авторы «Русского либерального манифеста», разработанного лидерами СПС, были бы сильно удивлены тем, кого называют «либералами» в современной России»⁴²⁴. Распространение идей псевдолиберализма принесло двойной вред стране: во-первых, оно способствовало росту аморализма и преступности среди одной части общества, во-вторых, формировало отрицательное отношение к вводимым рыночным отношениям у другой части общества.

Э.С. Кульпин показывает, что важными ценностями в российском менталитете являются «государство», «порядок», «иерархия». Он полагает, что эти ценности не только не надо отвергать, но, напротив, их следует всячески поддерживать. Они, по его мнению, служат естественной основой модернизации России аналогично тому, как они служили такой основой в Японии и Китае⁴²⁵. Им предполагается также, что со «смысловой неопределённостью» и «функциональной дезорганизацией» («авось») надо бороться, используя руководящую роль государства в процессе преобразования общества. Одна из важных функций государства должна состоять в активной помощи личности создавать для себя социальную микросреду, в которой она могла бы реализовывать свою деятельную социальную сущность, стремление к независимости от государства и к формированию гражданского общества.

Учитывая, что ключевой идеей модернизации является переход от сырьевой модели развития к инновационной, А.Л. Андреев провёл экспертный опрос 170 представителей российского научно-технического сообщества, занимающих ведущие позиции в ряде областей науки, относящихся к созданию и применению высоких технологий. Это была элита научно-технической интеллигенции. Цель опроса – оценить перспективы инновационного развития России. Эксперты проявили умеренный и осторожный оптимизм: на вопрос о времени перехода России к инновационному развитию и её вхождению в число мировых лидеров 11,6% экспертов назвали срок 5-10 лет; 35,9%: 11-15 лет; 34,7%: 20 и более лет⁴²⁶. В качестве активных движущих сил модернизации, ориентированных не на экспорт сырья, а на капитализацию интеллектуальных ресурсов, эксперты на 1-е место поставили научно-техническую интеллигенцию. Особенно высокий рейтинг получили специалисты академической науки, а вслед за ними – вузовские работники. Значительная часть экспертов указала также на группу молодых, продвинутых предпринимателей и студенчество.

424 Юревич А.В. Нравственное состояние современного российского общества // Социологические исследования. 2009. № 10. С. 74.

425 Э.С.Кульпин. Путь России: Генезис кризисов, природы и общества в России. 2-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 232 с.

426 Андреев А.Л. Перспектива инновационного развития России глазами научно-технической интеллигенции // Социологические исследования. 2011. № 6. С. 69.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что у России имеется перспектива успешной модернизации. Для её осуществления необходимо, чтобы личностный, цивилизационный, модернизационно-демократический ресурс в российском менталитете преобразовался из компонента в доминанту. В §4.1 отмечалось, что в обществе действует закон усиления инновационного компонента менталитета и соответственно ослабления его традиционного компонента в ходе исторического развития. В западных странах эта закономерность проявилась раньше, чем в России, возможно, из-за ограниченных природных ресурсов и пространства. Однако законы функционирования и развития общества едины, хотя и имеют особенности проявления в разных странах и регионах. Во всемирной истории, как и в других сферах бытия, действует диалектический принцип единства общего и особенного. Поэтому и перед Россией не закрыт путь успешной модернизации. В связи с этим важной задачей современной духовной элиты страны служит критика оставшейся архаики культурных оснований в российском менталитете. Это создаст возможность для перехода в нашей стране от неорганической модернизации к органической. Для этого в настоящее время впервые в истории страны имеются необходимые условия. Политическая элита страны полностью поддерживает идеи модернизации. Отечественная наука обладает многими возможностями создания инновационных прорывов в современных технологиях. Нас обогащает весь исторический опыт страны, который сейчас открыт для объективного исследования в результате достигнутой, наконец, свободы научного познания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследования проблемы менталитета важны в социологии, политологии, культурологии, социальной психологии, лингвистике, этнологии, юриспруденции, военном деле. И такие исследования начали проводиться за рубежом и в нашей стране. Но им недостаёт методологической базы. Поэтому особое значение имеет социально-философское исследование проблемы менталитета. В нашей работе подведен определенный итог изучению этой проблемы в рамках социальной философии. В целом наше исследование позволяет высказать предположение о наличии следующих закономерностей формирования и функционирования менталитета в обществе:

1. Закон тройной детерминации менталитета – генотипом, природной и социальной средой, собственной креативной деятельностью субъекта.

2. Закон обусловленности развития менталитета посредством самодетерминации, межкультурного взаимодействия, изменения социально-экономических условий и социальной структуры общества.

3. Закон обусловленности менталитетом специфического характера активности субъекта – его восприятия, мышления, речи и деятельности.

4. Закон ведущей роли изменений менталитета, порождающих культурные новации, в системе движущих сил развития общества, в формировании ответов на вызовы истории и в преодолении антропогенных кризисов.

5. Закон меры различия и сходства менталитетов социальных групп и цивилизаций как условие социальной солидарности и прогресса.

6. Закон возрастания роли менталитета в обществе при переходе от индустриальной цивилизации к информационной.

7. Закон усиления инновационного компонента менталитета и соответственно ослабления его традиционного компонента в ходе исторического развития.

8. Закон возрастания роли менталитета духовной элиты в развитии общества.

9. Закон мирного сосуществования различных этносов: наличие для взаимодействующих этносов конструктивных ментальных сходств и конструктивных различий и толерантность по отношению к деструктивным различиям и сходствам.

В ходе последующего изучения менталитета требуется сосредоточить внимание на разработке эффективных и отвечающих критериям социального прогресса технологий ментальных преобразований. Для этого необходимо более детально изучить перцептивные, рациональные, эмоциональные, волевые, мотивационные, когнитивно-интеллектуальные, характерологические компоненты менталитета и связи между ними. Следует также более полно исследовать возможности, условия и допустимость применения основных технологий мен-

тальных преобразований – обучения, использования санкций, манипуляции. Благодаря этому будет возникать, во-первых, системное знание о менталитете, во-вторых, более глубокое понимание его формирования и, в-третьих, ясное представление о способах его изменения.

Необходимо также более конкретно раскрыть значение каждой из трёх форм детерминации менталитета – генотипа, внешней среды, собственной творческой активности носителя менталитета, выявить своеобразие связей между этими формами. Особенно перспективным является изучение третьей формы – самодетерминации менталитета, обеспечивающей его развитие и влияние на социальный прогресс.

Актуальным представляется исследование соотношения в менталитете традиционных и инновационных, а также ситуативных и относительно устойчивых его компонентов. Это требуется для более глубокого понимания динамики менталитета. Более конкретной проработки требует и вопрос о специфике, формировании и изменении кризисного менталитета.

Поскольку конструктивная напряжённость, стимулирующая прогресс, поддерживается в социуме за счёт различий между менталитетами масс, правящей элиты и духовной элиты, то необходимо раскрыть политические, экономические и правовые условия, обеспечивающие разумную пропорцию, или меру, ментальных различий между этими тремя социальными группами. Это может способствовать пониманию закономерностей устойчивого развития общества.

Разработка отмеченных исследовательских направлений позволит сделать продвижение в решении наиболее важного в проблеме менталитета вопроса – вопроса о способах функционирования менталитета в составе социума, о характере и степени его влияния на ход исторического процесса. А это, в свою очередь, может послужить теоретической основой для создания мер по сближению менталитетов различных социумов с целью их интеграции в составе современной человеческой цивилизации.

В книге отмечалось, что если обусловленные антропогенным кризисом изменения менталитета адекватны вызову истории, то кризис разрешается и данный социум вступает в новый, более высокий, этап развития. В связи с этим представляется весьма необходимым с использованием конкретного исторического материала более полно исследовать, какие ментальные новации в ходе истории помогали успешному разрешению этих кризисов. Полученный таким образом исторический опыт может содействовать разрешению современного антропогенного кризиса.

Наиболее серьёзный вызов истории человечество за всё время его существования получает сейчас в виде глобальных проблем. В качестве духовной составляющей ответа на этот мощный вызов началось формирование общечивилизационного менталитета. Такой менталитет будет одним из необходи-

мых условий предотвращения тревожащих возможностей столкновения цивилизаций. Необходимо более конкретное, чем имеется сейчас, выделение тех ментальных особенностей, которые обеспечат общецивилизационную солидарность на планете. Требуется также сложная рефлексия над ценностями традиционной и техногенной цивилизаций, которые представляются теперь относительными и требующими критического анализа. Итогом такой рефлексии может стать новая, пока неизвестная, несводимая ни к западной ни к восточной цивилизациям, система ценностей. Она то и может обеспечить решение глобальных проблем и стабильное развитие всего человечества.

Перспективным представляется исследование вопроса о конкретном составе выделенных в работе парциальных видов менталитета – политического, правового, эстетического, научного, философского, нравственного, религиозного. Это будет способствовать достижению более глубокого понимания характера деятельности людей в соответствующих сферах социума и культуры и выявления личностной обусловленности специфики этой деятельности.

В настоящее время признаётся, что в социальном познании существенную роль могут играть контрфактические исследования, основанные на мысленной конструкции «что было бы, если?»⁴²⁷. При них мысленно изменяют какой-либо факт истории и, учитывая причинно-следственные связи и обстоятельства, разрабатывают виртуальный сценарий событий, отличающийся от бывшего в истории. Как показано В.А. Нехамкиным, контрфактический анализ в отличие от простого описания событий позволяет извлекать «уроки истории», избегать действий, ведущих к нежелательным последствиям и, наоборот, совершать нужные для достижения исторической цели действия⁴²⁸.

В качестве методов контрфактического анализа использовались следующие приёмы: удаление личности, подстановка (замена) личности, продление жизни личности, изменение исхода события на противоположный, изменение решения исторического лица⁴²⁹. Насколько нам известно, контрфактический анализ, связанный с функционированием менталитета, не проводился. А было бы, несомненно, интересно исследовать, как и насколько изменились бы события, если бы в ходе истории у представителей интеллектуальной элиты возникли и распространились в массах не те, что были, а иные ментальные особенности. Могли бы они воздействовать только на какие-то локальные процессы или же повлиять и на общий ход истории? Думается, что такой анализ мог бы иметь и практическое значение для современного общества, показав, какие ментальные особенности обладают позитивным значением для истории, а какие – негативным.

427 Нехамкин В.А. Контрфактические исследования в историческом познании: Генезис, методология. М.: МАКС Пресс, 2006. 176 с.

428 Там же. С. 37.

429 Там же. С. 138.

Наиболее насущной социально-политической проблемой современной России является модернизация экономической, политической и правовой сфер нашего общества. Для ускорения модернизации страны необходимо более детальное и объективное, чем имеется сейчас, описание особенностей отечественного менталитета, выделение тех из них, которые стимулируют инновационное развитие и которые препятствуют ему. Для этого теоретические изыскания должны быть дополнены социологическими методиками выделения и количественной фиксации конкретных ментальных особенностей. Всё это откроет возможности, с одной стороны, для коррекции отечественного менталитета и, с другой стороны, для адаптации содержания и способов формирования общества к отечественным условиям.

Имеется достаточно обоснованное мнение о том, что в настоящее время постепенно «на смену биосферному человеку приходит новое существо, возможно, постчеловеческое – человек техносферный, носящий в себе не только сотни, но и тысячи искусственных веществ, перетекающих из окружающей среды в организм, плюс десятки искусственных органов, пока ещё не автоматических»⁴³⁰. Полноценная жизнь такого существа возможна только в техногенных условиях, она поддерживается не биосферой, а медико-социальной инфраструктурой. Миллионы и миллионы людей не могут существовать без постоянного потребления лекарств, использования медицинских приборов, протезов, технических устройств (например, стимуляторов сердца), осуществления физиопроцедур (например, гемодиализа). Возникает вопрос: имеются ли пределы киборгизации и технизации человека, нет ли границы, за которой произойдёт его превращение в качественно иное существо? Технизация идёт ускоряющимися темпами, и то, что сейчас представляется фантастикой, в недалёком будущем может стать реальностью. В связи с этим было бы, конечно, интересно исследовать, какие ментальные изменения будут сопровождать процесс технизации человека, каким может стать менталитет возможного техносферного, по терминологии Е.А. Дергачёвой, человека? Возможно, это будет новый по сравнению с менталитетом биосферного человека тип менталитета на Земле. При постановке этих вопросов мы предполагаем, что человечество будет способно решить глобальные проблемы современности. В противном случае никаких вопросов и ответов на них уже не будет.

Разработка отмеченных направлений темы менталитета будет способствовать приросту социально-философских знаний в описании и объяснении закономерностей функционирования и развития общества, роли антропологического фактора – социально-психологических особенностей исторических субъектов – в этих процессах. Это исследование позволит также найти

430 Дергачёва Е.А. Социотехноприродные перспективы человека // Вестник РФО. 2010. № 4. С. 129. 126–130.

новые подходы к проблеме преодоления антропогенных кризисов и решения глобальных проблем, выработать принципы и духовные основания гармоничного взаимодействия социумов в составе современной человеческой цивилизации. Изучение закономерностей функционирования менталитета будет ещё давать дополнительные знания о способах оптимизации отношений личности и общества и тем самым способствовать обеспечению достойной и счастливой жизни людей.

Губанов Николай Николаевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии МГТУ им. Н.Э. Баумана. Автор монографии «Менталитет: сущность и функционирование в обществе» (Saarbrücken, 2011). Публиковался в журналах: «Вопросы философии», «Историческая психология и социология истории», «Социологические исследования», «Социология образования», «Философия и общество», «Вестник РФО».

Международный издательский центр
ЭТНОСОЦИУМ

Научное издание

Губанов Николай Николаевич

**ФОРМИРОВАНИЕ, РАЗВИТИЕ
И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ МЕНТАЛИТЕТА
В ОБЩЕСТВЕ**

Наш сайт: www.etnosocium.ru

e-mail: etnosocium@mail.ru

Необходимую научную литературу Вы можете приобрести на сайте
www.knigadom.com

Оригинал-макет подготовлен Международным издательским центром «ЭТНОСОЦИУМ»

Отпечатано в типографии Международного издательского центра «ЭТНОСОЦИУМ»,

105066, Москва, Спартаковская ул., д. 19, стр. 3.

Зам. гл. ред. С.В. Чапкин

Редактор А.Н. Андреев

Корректор Ф.Э. Вайс

Дизайн и верстка Н.Ю. Хованец

Бумага офсетная № 1. Гарнитура Times New Roman

Формат 60х90/16. Тираж 600 экз. Усл. п. л. 14

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР «ЭТНОСОЦИУМ»

Журнал «ЭТНОСОЦИУМ и межнациональная культура»
входит в перечень ВАК АН РФ

В составе редакционного совета ведущие государственные, общественные деятели, выдающиеся российские и зарубежные ученые. В работе журнала участвуют все регионы России, страны Латинской Америки, Китая, Европы. Журнал распространяется во всех органах государственной власти России (во всех регионах), в посольствах зарубежных стран и за рубежом.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ОСУЩЕСТВЛЯЕТ:
создание, регистрация, издание и продвижение журналов и альманахов;
помощь во всех вопросах, в том числе в юридических, бухгалтерских, арендных, кадровых.

Редакционная подготовка
(литературное и техническое редактирование), дизайн.

Рецензенты и оппоненты, доктора наук и профессора.

Издаем книги, монографии, авторефераты,
учебные пособия и др. на высоком уровне, нужным тиражом!

- В процесс выпуска книги входит:
- допечатная доработка (по желанию автора)
 - редактирование;
 - корректура;
 - подготовка электронного макета;
 - присвоение ISBN;
 - присвоение кодов УДК, ББК и авторского знака;
 - разработка дизайна обложки;
 - печать тиража
(различными способами: офсет, цифра);
 - передача 16 экземпляров в Книжную палату;
 - рассылка готового тиража по территории РФ.

Все изданные нами книги проходят рецензирование
и квалифицированную предпечатную подготовку.

www.etnosocium.ru
тел: +7 (495) 708-30-00
e-mail: etnosocium@mail.ru